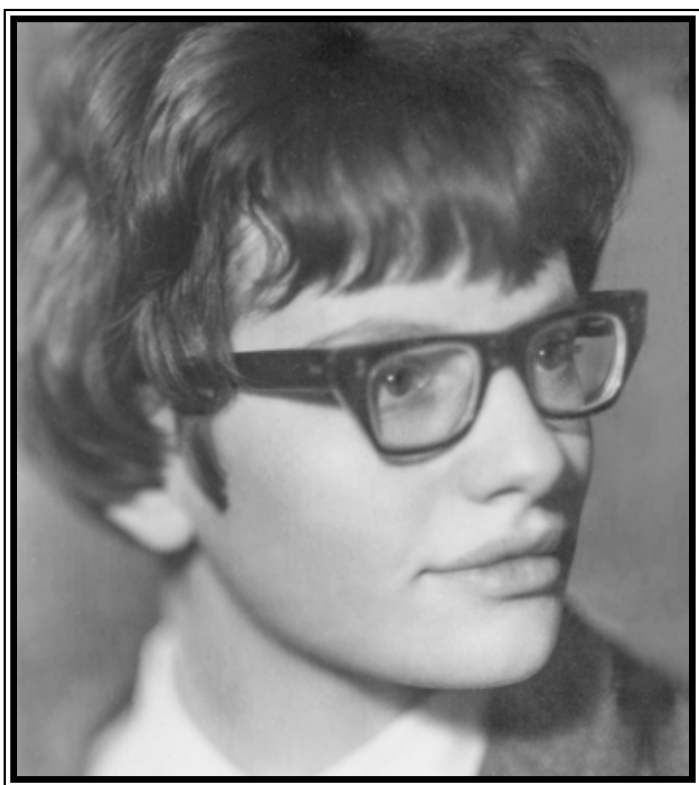

The image features a close-up of a white, heavily crumpled fabric, possibly a cloth or paper, which occupies the foreground and middle ground. The fabric has a textured, wrinkled appearance with various folds and creases. In the background, there is a dark, almost black area. A single, dark green, elongated shape, resembling a leaf or a piece of fabric, is visible in the upper right quadrant, partially obscured by the white fabric. The lighting is soft, highlighting the texture of the white material.

Наталья Камышникова-Первухина

Записки на память

Записки на память

Наталья Камышникова-Первухина

Записки на память

Pencil Box Press

Published by
Pencil Box Press
311 S. Cordova Court
Springfield MO 65802

© 2018 Pencil Box Press

All rights reserved. Printed and bound in Springfield, Missouri, by First Impressions Printing and Design.
First Edition.

18 17 16 15 4 3 2 1

No part of this book may be used or reproduced in any manner without written permission from the publishers, except in the case of reviews.

Library of Congress Cataloguing in Publication Data:

Memoirs of a Russian Life

Natalia Kamyshnikova-Pervukhin

p. cm. _____

ISBN: 978-0-578-41911-4

1. Memoirs. 2. Emigration. 3. Jews. 4. Childhood in the USSR. 5. Moscow after the WWII.

EDITOR AND PUBLISHER

Jo Van Arkel

COVER DESIGN, LAYOUT

by Eric Pervukhin

Pencil Box Press was launched in 2014 through a supporting grant from the College Book Arts Association.

СОДЕРЖАНИЕ

Memoirs of a Russian Life by Samuel C. Ramer	7
Предисловие	11
Младенчество	12
Первые воспоминания	17
Мария Львовна Коломенская	20
Наша комната	24
Предки с маминой стороны	26
Аничка Камышникова	32
Родственники бабушки Анны Филипповны Воробьевой-Камышниковой	34
Одиннадцать месяцев за полярным кругом	42
Бабушка Анна Филипповна	53
Семья отца	67
Отец	73
Мориц	80
Папина сестра Тася Павловская	85
Николь Павловская-Дюпон	89
Хоста	93
Школа	96
5 марта 1953 года	112
Как я в пионеры поступала и в комсомол	118
Пионерские лагеря	121
Сосед Полак	135
Сосед Володя Бабичев	139
Шляпный кружок при ЦДЛ	142
Алина Загородняя	148
Анатолий Михайлович	150

Мои репетиторы	152
Как я от армии освобождалась	163
Свадебные туфли	165
Больницы	169
Встреча с Ольгой Потаповой и Евгением Кропивницким	172
Мандельштам и Ахматова по почте в 1967 году	174
Математическая школа интернат номер 18.	176
Из музея подарков Сталину	180
Как я переводила стариков через дорогу	182
Остап	184
Переделкино	201
Пятидесятилетие Великого Октября	204
Август шестьдесят восьмого	206
Поездка в Чехословакию в составе комсомольского «Поезда дружбы»	208
Долгие Бороды	215
Лена и Шура	219
Лимонов	224
Познер	227
Мои первые книжки	229
Библиотеки	235
История моих пальто	241
Алекс и Исаак Рабей	246
Исаак Владимирович Раввин	249
Отъезд	255
Ладисполи	261
Люба Бат	264

Memoirs of a Russian Life

Natalia Kamyshnikova-Pervukhina

Natalia Pervukhina is an American professor who has taught Russian language and literature at the University of Tennessee in Knoxville since 1994. Born and raised in Moscow, she has lived and worked in the United States during the almost forty years since her emigration. Her memoir of her experiences before departing Moscow in 1979 offers a fascinating literary portrait of a Russian Jewish woman's life in Moscow. Pervukhina was born in 1943, ten years before Stalin's death, and lived in the Soviet Union more than thirty-five years.

Written as a series of individual but chronologically arranged vignettes, her memoir enriches the existing body of memoirs on the post-Stalin period. For various reasons this period is now known as the «era of stagnation,» and in economic, political, and intellectual senses this term is perfectly justified. But for those who lived at the time and fashioned their existence as best they could, life itself was by no means entirely stagnant.

Pervukhina's depiction of her childhood, youth, and early adulthood in Moscow evokes a broad array of characters and situations. She has an uncanny ability to describe the look, sounds and occasionally smells of Moscow's physical environment during these years: of its buildings and courtyards, entranceways and stairwells, the interior of her own communal apartment, its furniture and curtains. Soviet urban life occurred in places like these, and readers who experienced the era will recognize the picture that she has drawn.

For those who lived or spent time in the Soviet Union during this era, Pervukhina's observations will trigger memories of past ex-

periences and will doubtless evoke nostalgia as well. But her sharp sketches of Moscow life may help those who never visited Soviet Moscow to imagine this world that no longer exists.

Pervukhina's memoir recalls the richness of her family life and friendships with profound affection and humor, but her references to the executions of numerous relatives in Odessa during the Nazi occupation understandably cast a shadow of tragedy upon these happier memories. The memoir also traces Pervukhina's own growing alienation from the Soviet regime, its language and symbols, its censorship, and the mendacity of its ideology. This alienation evidently began quite early in her childhood. As a child she spent almost a year at the Abezia concentration camp in the far North, where her parents were employed as civilian workers. She was too young to comprehend the political significance of the camp, but even then she sensed the regime's basic inhumanity.

In her student days, Pervukhina came to share the Russian intelligentsia's passion for Russian literature, and poetry in particular. Russia's poetic legacy is remarkably rich and has held a vital place in the lives of Russian readers since the late eighteenth century. So Pervukhina, like many other urban youths during the 1950s and 1960s, ascribed an overwhelming importance to poetry: it was not just a pleasant diversion, but rather central to their very lives.

It's interesting to speculate why this was the case. The first explanation is simple: the best poetry was beautiful, impossible to ignore, and its very recitation aloud could be inspiring. It emphasized the experience and insights of individuals rather than some abstract collective. It also embodied ideas, passions, and a truthful sensibility that were absent or clichéd in official culture. The power of poetry was magnified by the very fact that official culture either banned or only partially published numerous outstanding poets, many of whom had suffered tragic fates. Reading or listening to the works of such poets as Anna Akhmatova or Osip Mandelshtam, Marina Tsvetaeva or Boris Pasternak, or the young Joseph Brodsky—and they were not alone—gave Pervukhina's generation a sense of discovery as well as the mission to rescue and preserve such work.

This early absorption with poetry would later lead Pervukhina to devote herself to the study and teaching of Russian literature more

broadly. Her emigration, if anything, only enhanced the intensity of her commitment. In her teaching in the United States, she has shown a burning passion for literature that she seeks to impart to her students. Her devotion to her students reminds one of Chekhovian heroes, who carry the torch of enlightenment in an effort to enrich the lives of those they encounter. Her personal engagement with Russian literature is thus a prominent theme in her memoir.

Pervukhina devotes attention to the growing attraction that emigration held for many Jews in the 1970s, when leaving the Soviet Union first became possible for them. Emigration was fraught with enormous difficulties, both in obtaining permission to leave—there was never any guarantee that applications would be approved—and in adapting to a new world, a new language, and a new and different culture. Pervukhina and her husband Eric, like many other representatives of the Russian intelligentsia, left their entire way of life without any certainty about what this irrevocable step would bring. In the end, this decision fully justified itself. The contributions that Pervukhina has made to scholarship as well as students in the United States are powerful examples of her talent and determination to carry the best of her older experience into the culture of her adopted country. Her memoir is a remarkable testimony to her inner spirit.

Pervukhina writes in a rich and cultivated Russian, and her discussions are clearly presented. Her prose is laconic, informative, sometimes funny, and often very moving. Her memoir deserves the attention of a broad audience of discerning readers.

Samuel C. Ramer
Tulane University
Department of History
New Orleans, LA

ПРЕДИСЛОВИЕ

Никогда даже не думала, что эти записки сложатся в книгу. Историю семьи я начала записывать по просьбе родственника, который внезапно заинтересовался жизнью нашей общей бабушки. Потом я решила расширить свои воспоминания, уже имея в виду родившихся внуков. Я еще надеялась, что они будут читать по-русски.

Еще через несколько лет у Марка Цукерберга родился Фейсбук, а у несметного числа немолодых пользователей появились друзья, единомышленники, и родные души, которых даже теоретически мы не могли себе представить в нашем возрасте. Жизнь, казалось, кончена, и вдруг стало очевидно, что еще можно пожить.

Я увидела «своего» слушателя, появился смысл записывать воспоминания, которые вызывают у моих современников узнавание и потребность добавить свое. Может быть и более молодые читатели найдут здесь неожиданное сходство между нами: меняются времена медленнее, чем человек и наши страсти.

Всё, что здесь рассказывается, писалось лет пятнадцать с перерывами, и поэтому каждая история отличается и тоном, и размером.

ЕБЖ, как писал Лев Николаевич, теперь, после выхода этой книжки, буду описывать разные встречи и впечатления от нашей жизни в Америке.

МЛАДЕНЧЕСТВО

«Дааа, такую не сглазишь», сказала задумчиво соседка, Анна Сергеевна Усова, когда меня принесли домой и развернули казенное одеяло. Я родилась 15 октября 1943 года в родильном доме Грауэрмана в Москве. По маминым рассказам, весила я четыре с половиной фунта (сейчас думаю, почему фунты, а не килограммы?), родилась почти без кожи, покрытая фурункулами, на лице были заметны черные глазки и огромный рот. Положили сначала в инкубатор, а потом, с пролежнями и в фурункулах, выписали и посоветовали ни в коем случае не купать, а протирать ваткой. Единственно обнадеживающим фактором был мгновенно проявившийся аппетит.

В эвакуации мама проработала несколько недель на сборе саксаула, беременности просто не заметила и, кроме того, по её словам, решила, что «если не сейчас, то когда?» Тридцать два года по тем временам возраст пожилой. Во время беременности мама мечтала о кусочке жареного свиного сала и о морковке. Голод заглушала курением.

Потеряв первого ребенка, умершего в 1931 году от заражения крови, полученного в родильном доме, мама стала бороться за сохранение этого, единственного и явно последнего. Через неделю пригласили доктора Босика, который посоветовал купать ребенка ежедневно в марганцовке, поскольку этому ребенку вряд ли уже что-нибудь может повредить. Через три дня кожа выросла, фурункулы стали заживать, а через полгода на фотографии, темной, сепиевой, сидит на горшке жирный младенец с короткой, ввинченной в плечи шеей. На обороте надпись маминой рукой — «Гаргантюа». Никогда не плакала, но просыпалась ночью, садилась в кроватке, и так громко хохотала, что всех будила. Чему радовалась?

Запомнила имя доктора Босика, по интонации, с которой мама его произносила, казалось, что это было великое светило медицины, и мне было лестно, что меня лечил такой

прекрасный доктор с милой, подходящей фамилией, как Айболит.

Мой первый адрес — улица Станиславского, дом 16, квартира 10, ныне получившей прежнее имя, Леонтьевский переулок, в честь, как я выяснила на Интернете, «генерал-аншефа М.И. Леонтьева, видного деятеля 18 века», очевидно послужившего России с большим успехом, чем Константин Сергеевич. Это был старый двухэтажный каменный флигель во дворе, прямо напротив моей будущей школы. Наша квартира на втором этаже, жило в ней семь семей. Помню смутное чувство красоты этого флигеля, и особенно лестницы, широкой, очень пологой, со стертыми, как будто полированными каменными ступенями. Подъезд освещало большое окно. В доме на Собиновском (Малый Кисловский, д. 7, кв. 26), где мы жили с 1950 по 1964, окно-фонарь наверху, предназначенное для освещения лестницы, было наглухо забито досками, и лестница всегда была совершенно темная, и только в середине 50х годов, во время ремонта, пробили в стене новое узкое окно, глядевшее во двор голландского посольства.

Во дворе дома в Леонтьевском были личные дровяные сараи, куда папа ходил за дровами и приносил вместе с поленьями восхитительный холод и запах леса. А позади нашего флигеля был еще совсем маленький флигелек, на одну семью, в котором жил старый ювелир Коротков. У него был сын (или внук?) Коля. Этого Колю, когда нам было лет 5, я обманула. Мы договорились показать друг другу свои пипки, он мне показал, а я убежала, не показав. После этого я боялась на него наткнуться во дворе и отказывалась ходить гулять. Старик Коротков сделал моей маме кольцо из сердоликовой инталы, украденной из раскопок, которую маме подарила Лида Фраерман, вдова художника Теофила («Тюшки») Фраермана, директора одесского музея изящных искусств. Потом мама надела его мне на палец, когда я шла на экзамен в университет, «на счастье», и с того времени я его не снимаю.

Постараюсь вспомнить жильцов нашей квартиры. Коридор был буквой «Г». В короткой части входная дверь в прихожую.

Налево была комната Ольги Вячеславовны, прямо от входа — наша. Ольга Вячеславовна была худая, измученная женщина, лет 35-40, с больной печенью. Помню, как она лежала на высокой кровати с кружевным подзором. А около кровати стоял таз с желтовато-зеленой рвотой. Ольга Вячеславовна была нежная, женственная, милая и несчастная. В комнате у нее было очень красиво — везде вышитые и вязаные салфеточки, фарфоровые фигурки, коробочки из раковин, а главное, у нее был кот. Однажды он нашел валерианку и напился. Это мое первое воспоминание о животных.

Основное чувство, связанное у меня с этой коммунальной квартирой, это любовь ко всем соседям. В каждой комнате жили симпатичные и добрые люди. Я помню мамину фразу: «Семь столов на кухне», но мне-то на кухне не надо было тесниться. Обидное слово «коммуналка» никогда у меня не ассоциировалось с нашей квартирой.

В длинной части буквы «Г» жила Ада Марковна Морова, в девичестве Найдич, мамина подруга лет с шести, еще по Одессе. Не знаю, кто приехал раньше. Мама поменяла квартиру в Одессе на комнату в Москве году в 1930. Потом была семья Усовых, у них было две комнаты. Антон Иванович Усов, муж Анны Сергеевны, играл в оркестре в консерватории, кажется, на трубе. В сущности, у детей правильная оценка возраста взрослых. Они были старые люди, лет пятидесяти. Вскоре после нашего переезда на Собиновский их четырехлетняя внучка заболела неслыханной у детей болезнью, саркомой матки. Мама рассказывала, что когда ее хоронили, Анна Сергеевна бросила в могилу ком земли с криком: «Леночка, молись там за нас!» Тогда я впервые услышала о том, что есть люди, которые верят в жизнь после смерти, и, особенно поразившее, что такая маленькая девочка имеет после смерти власть молить об оставшихся, о взрослых.

Пожалуй, больше всех в квартире я любила сапожника «Ваську» и его жену «Катьку». Так их называла мама, и так я запомнила. В их комнате я проводила больше всего времени. У них когда-то был ребеночек (кажется, девочка), но умер в младенчестве. Его фотография стояла в рамке на комод

рядом с синей высокой стеклянной вазой на один цветок, в ней был крашеный ковыль. Лет через сорок я увидела точно такой же комод с точно такой же вазой и искусственными цветами в первом увиденном мной китайском фильме. В комнате у них, скажу, как Каштанка, пахло восхитительно: кожей, клеем, и, как это ни странно, чистотой. Васька сидел на низенькой скамеечке, и все его инструменты аппетитно и ладно были разложены рядом. У него были приятные ловкие руки с черными ногтями, он прибивал набойки, держа гвоздики в зубах, с необыкновенной быстротой. Старинный паркет сиял, сверкающая металлическая кровать с подзором, со множеством белоснежных подушек и подушечек под кружевным покрывалом, вся обстановка их комнаты вносила в душу чувство гармонии. Они меня чем-нибудь угощали, задавали простые вопросы, не старались занять, как другие взрослые. Потом долго я их вспоминала.

Еще в квартире жила семья Берты, фамилия их была Служитель. Мужа её не помню совершенно. Тогда я понятия не имела, что мы евреи, и что в квартире жило три еврейские семьи. Не знаю, насколько искренне любили нас, но ненавидели все дружно только Берту. Злодейство Берты поражало воображение. Она говорила: «Если есть кусок масла, так я скушаю его сама. Все лучшее должна получать мать». Я-то знала по опыту, что все лучшее должен получать ребенок!

У нее было два сына, Боря и Яша, и еще грудной. В те годы в Москве это была многодетная семья. Яша был на год моложе меня, маленький, веснушчатый, тихий — какой-то забитый был ребенок. Мы с ним играли у нас в комнате под столом — единственная детская площадка, хорошая тем, что длинная скатерть позволяла нам представлять себе, что мы как бы в пещере. Но играть с ним было скучно — мал, глуп, никакого воображения. А Боря был взрослый, лет 15. Берта была крупная, толстая женщина, говорила с еврейским акцентом, на кухне всегда кричала и со всеми ругалась. Помню, как бабушка плакала, потому что Берта заподозрила ее в краже чайной ложечки. Когда мы переехали в почти отдельную квартиру,

бабушка плакала, скучая по соседям. О бабушке я пишу отдельно.

А вот перед Адой Марковной Моровой все благоговели. Ада Марковна была женщина независимая, поведения свободного, она работала ни более, ни менее, как администратором Центрального Дома Литераторов. Независимость ее проявлялась в том, что она одевалась, разговаривала, вела себя так, как никто, при этом умела заставить всех держать свои критические мнения при себе. Это была маленькая еврейка, жгучая брюнетка, полная, с большим задом и тонкой талией, с изящными ручками и ножками, которая всегда одевалась одинаково, не взирая на меняющуюся моду. Она носила невероятно короткие по тем временам, пышные юбки, глубокое декольте, ярко красилась, и обвешивала себя огромным количеством бижутерии, которая только в 60-е и 70-е годы сменилась настоящими драгоценностями. Я ее обожала. От нее чудесно пахло, она была всегда веселая, ее маленькие черные глазки сияли в тени неправдоподобно длинных, густо накрашенных ресниц. Комната ее, метров, вероятно 12, разделенная на гостиную и будуар, была тесно заставлена и завешана картинами, карикатурами и куклами известных художников — помню несколько кукол Образцова, который у нее бывал, карикатуры кого-то из Кукрыниксов, кажется на Михоэлса, тоже одного из частых гостей. Про Михоэлса мама рассказывала, что про какую-то из дам он сказал: «Она же набита годами!» Всем этим дамам было лет по сорок. Но тогда были другие представления о молодости и старости. В любовниках у Анны Марковны побывало множество литературно-артистических знаменитостей. Сам Завадский, тот самый Завадский, которому Цветаева писала «Вы столь забывчивы, сколь незабвенны», частенько ее навещал.

ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Одно из самых острых воспоминаний плотского счастья связано у меня с этим двором на Леонтьевском. Мне было года два или три, когда меня отпустили поиграть одну во дворе. Я была в чулках, ботинках и желтоватом пальтишке с коричневой шапочкой из американской посылки, доставшейся папе в Промбанке, где он работал после войны, года, наверное, до 1946. Дело было ранней весной, и большая лужа во дворе уже не была покрыта льдом, а вокруг нее был чистый желтый песок. Я села в эту лужу и с неописуемым наслаждением стала играть в «кашу-малашу», мешая воду с песком. Чувство сосредоточенного блаженства, физиологического счастья, испытанного в эти короткие мгновения, я могла восстановить в себе спустя многие годы. Отчаяние потери, когда мама с криком вытащила меня из ледяной лужи, сравнимо только с «coitus interruptus» или с прерванным эротическим сном. о котором вспоминаешь весь день. Когда лет через двадцать я прочитала у Фрейда описание признаков «анального комплекса», вообще детской сексуальности, меня поразило не так узнавание, как интонация открытия, с которой утверждался такой, как мне казалось, очевидный факт.

Ну, если заговорила о Фрейде, надо переходить к родителям.

Первое воспоминание. Почти подсознательное, младенческое, жуткое: меня кормят с ложечки слишком быстро, я не успеваю глотать, ложка заходит слишком глубоко в горло, я хочу объяснить, чтобы кормили помедленнее, а говорить еще не умею. Ощущение немоты, как в страшном сне или, наверное, при инсульте.

Следующее гораздо более достойное: я сижу у папы на загравке, мы выходим из-под арки Леонтьевского переулочка на улицу Горького (Тверская это просто другая улица, в другом городе, в другом времени). Везде много людей, темно, но светло от необычайно красиво пересекающихся в небе лучей прожекторов. Помню произнесенным это новое слово — прожектор. Небо кажется глубоким сводом, хочется смотреть

туда бесконечно. Очевидно, это был салют Победы. Сейчас мне уже кажется, что в небе плавали портреты Сталина, что должны были взрываться огни иллюминации, но помню только лучи, вносящие в темноту волшебную прозрачность. А портреты и иллюминация были, наверное, позже. В этот день мне был год семь месяцев. Никогда потом я не видела такого волшебства.

Еще одно воспоминание, из тех, что оставляют на всю жизнь ощущение ностальгии, сладкой тоски по утраченному блаженству. Иду по тропинке где-то на подмосковной даче. Тропинка вздыблена корнями сосен, они мне кажутся огромными, они так близко, как никогда уже не будут потом, когда я подрасту, и долго я буду искать возвращения чувства единства с такими корнями, густым слоем сосновых игл под ногами, запахом хвои.

Какое-то послевоенное лето мы жили на даче, в Удельной, кажется, год 45 или 46. Дачу снимали вместе с маминей подругой детства Мусей, Марией Львовной Суховерко (Коломенской). Бабушка оставалась, вероятно, в Ташкенте или где-то еще в Средней Азии с дядей Мишей, маминым братом, потому что на этой даче ее не было, и вообще я бабушку помню только с четырех лет.

Долгие годы я терзала родителей просьбами рассказать, «как я была маленькая». Сюда входила и история доставки меня из родильного дома, и эпизод с сиденьем в луже, а также мои проказы ранней молодости, связанные с жизнью на даче. Один раз я залезла в дождевую бочку с лягушками, тоже одетая, и мама вовремя меня из этой глубокой бочки вытащила. Другая история, любимая, о том, как у хозяйки, у которой мы снимали дачу, я украла круг колбасы, спряталась под кроватью и съела. Мне кажется, что я помню, как лежала под кроватью, помню полумрак, круг колбасы и себя, вцепившуюся в эту колбасу. Мама была вынуждена что-то продать, купить на базаре мясо (время еще было карточное), и нажарить хозяйке котлет.

Сейчас я понимаю, что в этих рассказах главным было не услышать историю про себя, а убедиться, с какой любовью и

умилением родители о тебе говорят. Особенно папу умиляла история, как он приехал на дачу, и вдруг откуда-то выбежала собачка и залаяла. Я побледнела, прижалась к нему и стала быстро-быстро говорить: «Папочка, не бойся, папочка, не бойся».

Но главное воспоминание того лета я никому не рассказывала, не знаю, почему. На этой даче была большая застекленная терраса, как мне кажется, полукруглая. Однажды случилась сильная гроза, я была на террасе с кем-то из взрослых, но чужих, кажется, это и была хозяйка. Грозу я всегда обожала, даже тогда меня охватил восторг и возбуждение. Вдруг в приоткрытое окно влетел горящий синим светом шар, величиной с грейпфрут (неуместное сравнение по анахронизму, но точное), тихо и медленно облетел террасу и вылетел в то же окно. А женщина, что была со мной, проговорила: «Шаровая молния!»

Вчера прочитала в автобиографии Агаты Кристи, что то, что мы запоминаем, сам отбор памяти, говорит больше всего о нашей сущности, неизменной с колыбельки до могилки.

МАРИЯ ЛЬВОВНА КОЛОМЕНСКАЯ

Из родильного дома меня принесла Муся, Мария Львовна, мамина подруга всей жизни. Она была из бедной, простой семьи, росла на Молдаванке. Кажется, они познакомились с мамой в техникуме (торгово-промышленный техникум, название брезжит, как во сне). В каком же это могло быть году? В двадцать шестом или двадцать седьмом. Значит, было им лет по 15, по 16. Потому что в 16, то есть в двадцать седьмом, мама уже, как она говорила, «спуталась» с папой, и в тридцатом году они переехали из Одессы в Москву. Маме было 19, ему 26.

Муся всей душой и навсегда прилепилась к своей блестящей, остроумной красавице-подруге. Последовала за ней в Москву. Заданное с самого начала неравенство принимала с кротким добродушием. Особенно они сблизились в войну и после войны, когда обе растили своих поздних по тем временам, единственных детей. У Муси был сын Володя,

Мария Львовна Коломенская и Борис Суховерко

«Вовка», на год меня старше. Почему-то никогда иначе, как «Вовка», «Наташка» к детям, и вообще близким знакомым, не обращались. Теперь я понимаю, что это был фамильярный, панибратский тон, принятый даже сравнительно интеллигентной публикой в советское время. Муся меня несла на руках из родилки (так говорила мама, и я только сейчас вижу, насколько это был специфический говорок того времени, который я считаю необходимым сохранить, насколько помню), факт, обсуждавшийся в семье многие годы и навсегда оставивший во мне представление о нашем родстве. Может быть, из-за того, что близких родственников у нас не было (кто погиб под немцами, кто эмигрировал), я в детстве обожала всех родительских друзей. Мама, несмотря на свой снобизм и ядовитый язык, никогда не забывала добра. Историю о том, как Мусин муж, Боря Суховерко, раздобыл для нас в октябре 1943 года машину дров и спас нас в первую мою московскую зиму, мама повторяла с той же частотой, как и то, что Муся выросла на Молдаванке и поэтому «разговаривает руками». Муся действительно говорила громко, но особенной жестикуляции я не помню, а помню выражение совершенного добродушия на ее круглом, милом, родном лице. Нельзя было представить ее себе раздраженной, злой, обиженной. Она прощала, даже не понимая, что прощает. Основным в ее лице было выражение кроткого прощения и обывательского любопытства. Она много, без разбору, читала, но вкусы у нее были попроще, чем у мамы, и прочитав с удовольствием Марселя Пруста, она не брезговала и Болеславом Прусом, за что унижаема была своей подругой нещадно. Муж Боря, тоже очень добрый и порядочный человек, «хотя русский и партийный», как говаривала мама, никак жене не импонировал: не любил читать, предпочитал всему на свете рыбалку. Володя пошел в отца. Как Муся убивалась, стараясь приучить его к чтению! А Володя больше всего на свете интересовался баскетболом, стал инженером по наладке оборудования на атомных станциях и судьей по баскетболу. Дружил со знаменитым Гомельским, чем Муся законно гордилась.

Муся любила поговорить о жизни знаменитых артистов, о болезнях, пожаловаться на своего молчаливого мужа, не равнодушного к рюмке водки, всегда только виновато улыбавшегося на ее непрестанную пилежку. Фраза «Муська-зануда» повторялась легко, в лицо, как бы в шутку. Так же неизменно шутилось из Ильфа: «Мусик, хочешь гусик?» Даже представить себе невозможно, чтобы она не улыбнулась этим шуткам вместе с нами, сейчас только понимаешь всю их пошлость. Она жаловалась только на мужа, жаловалась давно, нудно и, как нам казалось, безосновательно. Ну не читает, ну не болтун, но не такой дурак, каким она его представляет! Помню, году в 1965 мы снимали домик в деревне Тишково, под Москвой на канале. Они к нам приезжали погостить. Муся выходила из себя, рассказывая, как Боря поглупел, как он к ней пристаёт с «сексуальными домогательствами», как все записывает для памяти на бумажках, которые рассовывает по карманам и вечно теряет. А мой молодой муж Эрик тем временем ходил с Борисом Осиповичем на рыбалку, им было не скучно вдвоем, и ладно. Эрик подтвердил всем известную истину, что, Боря хороший парень, а Муська зануда. Но вскоре после этого лета Борис перестал находить дорогу домой. Мы понятия не имели в то время о болезни Альцгеймера. Боре было 58 лет. Оставшиеся до пенсии два года его держали на работе, хотя он уже ничего не соображал. Сидел в углу за столом, Муся привозила и увозила его с работы. Работу за него выполняли сослуживцы из милосердия, но зарплату платили ему, чтобы он мог содержать себя и семью и дотянуть до нормальной пенсии. После этого Мусе пришлось искать работу. Она устроилась продавать театральные билеты, кажется, в Лужниках. Боря оставался дома один. Несколько раз он пытался покончить самоубийством — то она вынимала его из петли, то он включал газ. Наконец, когда он почти никого уже не узнавал, она определила его в инвалидный дом. Помню ее рассказы, как его там били, морили голодом, как больных стариков не пускали днем в палаты, чтобы они так уставали за день от ходьбы по коридору, что ночью спали и никого не беспокоили. Через несколько месяцев его там

заморили и забили. Он умер в том же 1968 году, что и мой отец. Вернее, в ту же зиму. Да, конечно, для меня мемуары — это возможность побыть с теми людьми, с которыми иначе не встретишься.

НАША КОМНАТА

В нашей комнате на ул. Станиславского на шестнадцать квадратных метрах жили четыре человека. В одном углу стоял старинный туалет красного дерева с большим зеркалом, а перед ним стул, «павловский», с синим бархатным в рубчик сидением. Стоило маме выйти из комнаты, как я немедленно залезала в ботинках на этот стул и начинала смотреться в зеркало. Едва мама входила и делала строгое лицо, поскольку залезать на этот стул мне запрещалось, как я от страха описывалась. Думаю, что случалось это не часто, но история вошла в сборник «расскажи, как я была маленькая». В другом углу стоял еще более старинный шифоньер, едва ли не крепостной работы, высокий, с позолоченными бронзовыми часами наверху, еще из квартиры Клары Герцевны, папиной мамы, убитой немцами, как тогда мне казалось, лет сто назад, а прошло всего года четыре. У стены на низеньких козлах стояла родительская тахта, покрытая огромным, спадающим со стены, жестким старинным среднеазиатским ковром, а на тахте лежал валик в ковровом чехле и несколькими

Мы с мамой

подушками, служивших нам с папой зверьями, когда мы играли в «детский зверский сад». Напротив был стол, за которым часто сидели гости, курили, шумели, ели. Помню, как один раз мама со своими золотыми локонами до плеч, длинными накрашенными ресницами, делавшими ее синие глаза огромными, с сигаретой в руке, в длинном платье (собственно, это был парчовый халат, с вытканными синими, красными, серебряными, голубыми и желтыми птичками, на синей пластмассовой молнии снизу доверху, привезенный с гастролей из Японии пианисткой Леной Браславской, маминой приятельницей, — немыслимая роскошь в сорок девятом году), дурачась, села на колени к Сане Ровенскому, их старому приятелю, и пела «Очи черные». Первый и последний раз в жизни она пела при посторонних, поскольку у нас с ней одинаковый музыкальный дар, и даже самые любящие не выносили нашей музыкальности. Для таких, как мы, существуют ваннные комнаты и одинокое мытье посуды. Тогда там была и Розочка Ровенская, художница, учившаяся во ВХУТЕМАСе, его жена, и Браславские, Маноля (Эммануил) с Леной, когда-то бывшей аккомпаниатором самому Ойстраху, и еще несколько друзей, но кто, я не помню.

А еще в одном углу, за печкой-голландкой, стояла моя кроватка и бабушкина раскладушка. Со времен войны бабушка уже никогда не имела своей кровати, а только раскладушку, но всегда говорила, что так ей удобно. Этот вечер, скорее всего, мамин день рождения 22 февраля, запомнился мне как один из последних, когда родители были молодыми. Над моей кроваткой висел маленький, чуть больше мужской ладони, эскиз кладбища маслом, на котором белесыми черточками был набросан могильный крест. Я этот эскиз ненавидела, и уже в Америке отдала его маминему брату дяде Мише, а теперь жалею, его, конечно, выбросили, а мне была бы память.

ПРЕДКИ С МАМИНОЙ СТОРОНЫ

Я не знаю имени матери моей прабабки, знаю только, что фамилия ее была Ставкина и что была она очень набожная. Сохранилась ее фотография, и только теперь я вижу на ней отнюдь не старуху, а женщину средних лет в парике.

Благодарить за писательский импульс я должна своего двоюродного брата Шурика, Александра Камышникова, сына маминого брата Михаила Львовича.

В один прекрасный день звонит мне Шурик, впервые, кажется, за все тридцать лет, что мы живем в Америке, и

Ставкина, мать Лии Камышниковой

сетует, что нет между нами никакой связи, и ничего он не знает о наших предках, то есть кроме своих мамы и папы, ни о ком никогда не слышал. Я стала было ему рассказывать о нашей общей бабушке, Анне Филипповне, но он не мог так с ходу сосредоточиться и запомнить, и попросил меня ему это все записать. А писать раньше я могла только на заказ. От этой просьбы я так возбудилась, что села и с упоением накатала целую семейную хронику. От родственного умиления в конверт вложила фотографии общего дедушки, Льва Марковича Камышников, а также маленький набросок, сделанный им в Париже, в Лувре, году, может быть, в 1908. Послала. И никогда больше от Шурика ни слова не слышала. Ни спасибо, ни «приезжай погостить ко мне во Флориду дня на два, на три», как изящно он формулировал свое приглашение во время нашего телефонного разговора. Правда, Галя, его единокровная сестра, передала мне, что ему мой рассказ очень понравился, но сам он о себе сказал: «А, я говно, даже не ответил ей». Я спорить не стала, но благодарна ему за случайный повод, после которого я сравнительно легко стала писать, нашла свой голос.

Про прапрабабушку Ставкину я знаю, что, вырастив детей, она «ушла пешком в Палестину» и вроде бы собирала там подавание для помощи бедным старикам. «Ее считали святой и назвали ее именем улицу в Иерусалиме», говорила мне мама со слов своей бабушки, Лии Львовны, дочери этой Ставкиной. Лия вышла замуж за какого-то ремесленника, «красивого, стройного, культурного», звали его Мордко (Мордухай?). Раньше я думала, что родом он должен был быть с низовьев Волги, или служил при каком-нибудь помещике с такой фамилией. А сейчас нашла на Интернете более правдоподобное объяснение происхождения такой фамилии у еврея: она происходит или от профессии, «камышник», ремесленник, плетущий корзины из камыша, или это перевод немецкого слова с тем же значением. Сам Мордко работал в типографии, он рано умер от туберкулеза, оставив вдову с двумя детьми, сыном Леоном семнадцати лет (1879? — он себя на два года «омолодил», на могильной плите стоит 1881) и

годовалой дочерью, Анной. Сын был записан в синагогальных книгах Лейб Мордкович (выписку мы получили, уезжая из СССР), в метрике Леон, а в дальнейшем называл себя Лев Маркович Камышников. Его сестра, Анна Марковна Камышникова (Аничка, как ее называли в семье), стала впоследствии актрисой.

Что мама рассказывала про бабушку Лию? Удивительно, как в таких воспоминаниях всегда используются одни и те же формулы, какой-то набор ассоциаций, всегда возникающий при упоминании имени забытого, в сущности, родственника или знакомого. Мама вспоминала, что ее бабушка Лия была «высокая, страшно сторбленная под старость, очень скромная женщина». Мама помнила ее еще в дореволюционные годы, когда отец, Лев Маркович, театральный критик и переводчик, уже прилично зарабатывал и мог содержать семью: «За стол всегда садилось не меньше двенадцати человек — кроме детей, были бонны, гости, родственники». Тем не менее, его мама, бабушка Лия Львовна (у нас сохранилась фотография ее могилы на астраханском кладбище, где ее имя отчество написано полностью), не могла привыкнуть к достатку и сохранила привычки бедности. На базаре она выискивала самое дешевое, хотя «Лёва любил красивую жизнь» и не скупился на хозяйство. Ходила она в мужских ботинках, потому что мучилась косточками, в длинной коричневой юбке и блузке с рюшиками. У нее были очень длинные темные волосы, не поседевшие до старости. Так же и Аничка до глубокой старости носила длинную темную косу, закрученную в пучок. Когда бабушка Лия потеряла зубы, то вся еда стала делиться на «мягкое, вкусное» и все остальное. Мама еще вспоминала, как она сидела у окна и читала русскую газету. В отличие от своей матери она была совершенно не религиозна, и уже под старость просила маму не говорить соседям, что она не постится в Судный день: «Лидочка, ты не говори Чертковым, что я не пощу.» (sic!) Мама умела так передать интонацию людей, о которых рассказывала, что мне кажется, будто я знала, слышала эту бабушку Лию. Еще мама любила рассказывать, как в годы Гражданской войны и голода

бабушка бежала со скалкой за кошкой, укравшей не то курицу, не то рыбу на кухне, и ахала на бегу от огорчения. Так и слышу мамино: «ах, ах, ах!» С памятью о бабушке Лии связана ужасная история.

После революции, когда в 1919 году дед бежал из Одессы, остались его старуха мать, сестра подросток, и жена с тремя детьми — девяти, восьми, и пяти лет. Жили они в Малом переулке, в доме 7, на втором этаже. У деда была значительная коллекция живописи начала века, обычно подарки художников. Дело в том, что в молодости он провел несколько лет в Петербурге, ради права там жить, работая ретушером. Евреи из черты оседлости могли жить в столицах, если числились ремесленниками высокой квалификации. Одновременно он начал писать театральные рецензии, отчеты

Лев Камышников с женой Анной

о художественных выставках, сотрудничал в петербургских газетах и журналах, в том числе в «Ниве» и «Аполлоне». В его собрании был и Врубель, и Петров-Водкин, и Левитан — это те имена, которые я слышала с детства в рассказах об этой коллекции. «У нас были все номера «Аполлона», вспоминала мама. Он обожал красивую мебель, любовно ее подбирал. Вспоминаю еще такой случай: какой-то очень богатый, кажется, актер-любитель, зная о его пристрастии, прислал в подарок детям целую «детскую»: набор мебели, художественно расписанной, поразивший детей красотой. Но дед посчитал, что не может принять такого подарка и тут же отослал его обратно, поскольку даритель мог ожидать от него хвалебной рецензии, и в любом случае, это был слишком роскошный подарок. Не то что картинка или эскиз, по-дружески подаренный каким-нибудь молодым художником, вроде Петрова-Водкина или Лансере.

Теперь все это продавали и на вырученное какое-то время жили. Среди прочего, дошла очередь и до резного посудного шкафа, который стоял в столовой. И вот как-то в сумерках бабушка Лия, перебив за всей огромной семьей посуду, понесла груду сервизных тарелок и поставила ее по привычке на полку, в пустоту недавно проданного шкафа. Каждый раз, слушая эту историю, я представляла себе, какой ужас и отчаяние она испытала в эту минуту. Сын в Константинополе, она на иждивении его брошенной жены.

Надо сказать, что женщины в нашей семье были все несчастливы и все умирали в одиночестве. Когда в конце двадцатых Аничка получила комнату в Астрахани, она перевезла туда мать. Частично, чтобы сохранить право на эту «жилплощадь», но, скорее, Лии было уже неуютно жить с семьей жены сына, к тому времени вышедшей снова замуж. Аничка много разъезжала по гастролям, и старуха оставалась совершенно одна в чужом городе. Она страдала от какой-то склочной соседки, которая ее обижала. Умерла она от рака желудка, когда Аничка была в отъезде. Все это я знаю от мамы, так же как о попытке моей бабушки поместить свекровь в инвалидный дом в Одессе, куда она сходила один раз

посмотреть на условия и потом весь день проплакала. Вопрос о богадельне отпал, но остался семейный ужас при одной мысли о старческом доме.

АНИЧКА КАМЫШНИКОВА

Аничка, Анна Марковна Камышникова, играла в провинциальных театрах, обычно роли героинь. Играла Саломею Уайльда, героинь Ибсена, Островского. Была высокая, стройная, с огромными карими глазами, обладала такой же благородной внешностью, голосом и манерами, как ее брат Лев. Наивная, очень добрая, интеллигентная старомодная еврейская дама — такой ее помню я. В молодости в нее был влюблен Натан Мильштейн, уже тогда знаменитый скрипач и «умолял ее выйти за него замуж». Но она не была в него влюблена, к сожалению... Влюблена она была в молоденького комического актера Юрия Николаевича Задерако, моложе ее на шесть лет, за которого вскоре вышла замуж. Брак был счастливым, но родила она поздно, в сорок лет, и единственный сын, Вадим, в четыре года заболел тяжелой эпилепсией. Интересно, как это случилось. На улице за ним побежала толпа более взрослых мальчишек, крича и угрожая. Он так испугался, что запачкал штанишки, а вбежав в дом, дико закричал и упал в эпилептических судорогах. С тех пор припадки часто повторялись и каждый раз сопровождались этим страшным криком, который сводил с ума его мать. Она говорила, что готова на все, только бы уменьшить частоту этих припадков. Вадим принимал огромные дозы люминала, которые подавляли психику, сделали его почти слабоумным. Внешне он был весь в дядю, Льва Марковича, такой же высокий, русоволосый, голубоглазый. Вся жизнь родителей сосредоточилась на болезни и лечении сына. Их актерская карьера на этом кончилась. Оба бросили сцену и стали работать художественными руководителями самодеятельного театра Куйбышевского авиазавода. Еврейская внешность, наивное благородство, старомодная аффективно правильная русская речь — «мхатовский» голос Анны Марковны — вызывал в студийцах смесь почтения и раздражения.

Вадима устроили на этот же завод кладовщиком по выдаче инструмента. Рабочие издевались над ним из-за его еврей-

ского происхождения, из-за замедленной, резонерской манеры говорить. Потом Анна Марковна женила его на одной из «студиек», надеясь, что половая жизнь ослабит силу его припадков. Эта Галочка выросла в бараке и жаждала подняться над уровнем своей семьи. Это была хитрая, льстивая, алчная баба, которая не торопясь подмяла под себя всю семью. Она завладела всем — дачей (хибаркой на заводском садовом участке, куда не могли провести электричество, потому что рабочие авиазавода не хотели тратить на такую роскошь), машиной, ролью хозяйки дома. Они ее боялись, понимая, что мстить им она будет, обижая Вадима. Даже когда она забеременела и родила девочку, несмотря на прежде демонстрируемую справку о бесплодии мужа, они сделали вид, что верят, будто это его ребенок. Особенно дед, Юрий Николаевич, полюбил девочку и много с ней возился. Но Галя настраивала ребенка против стариков. А тут мы уехали в Америку. Вскоре Юрий Николаевич внезапно заболел и умер. Аничка осталась одна с дефективным Вадиком, злобной Галей и девочкой подростком, ее ненавидящей. О ее последних годах страшно подумать. Умерла она где-то в середине восьмидесятых, но переписываться она с нами боялась, за все это время получили от нее два или три письма, оказией. Году в 1989-90 одна знакомая аспирантка, сама родом из Самары, как тогда уже опять стали называть Куйбышев, зашла к ним по моей просьбе. Хорошая новость была та, что вопреки уверенности Анички, что без нее он погибнет, Вадим был здоров, еще работал. Очень испугался, узнав, откуда она приехала. Об Америке отзывался критически и осуждал нас за предательство Родины. Потом пришла Галя. Она сказала, что сожгла все фотографии и бумаги Анны Марковны. Больше ничего я о Вадиме не знаю.

РОДСТВЕННИКИ БАБУШКИ АННЫ ФИЛИППОВНЫ ВОРОБЬЕВОЙ-КАМЫШНИКОВОЙ

Про родственников с бабушкиной стороны я знаю немного больше. Ее отец, Фишель Фридман, был ремесленником. Он шил корсеты, бандажи, делал супинаторы, и вообще, у него были «золотые руки». Старик прожил 104 года, совсем потерял память, и мама с ужасом думала об этой наследственности. Первое мамино воспоминание, это как она стоит на прилавке в дедушкиной мастерской, и он ей что-то примеряет. Он всегда был скуповат, к старости скупость, конечно, усилилась. Мама вспоминала, как они приходили к нему на Хануку, и он давал всем внукам три копейки («ханука гелд») — «это вам на всех!»

У Фишеля Фридмана были дети: Марк Филиппович Фридман, отец Ляли и Коли, детей от его русской жены Лидии Степановны Чепской, выкупившей их из гетто еще при румынах. Был дядя Сёма Фридман, отец тети Маруси, Марии Семеновны, и Оли, умершей в 45 лет от страшной, загадочной болезни Шолейн Геноха, «шолейгенóха», как тогда произносили. Внезапно все ее тело покрылось красными пятнами, «как раздавленная клюква», и вскоре она умерла от поражения почек. Я тетю Олю прекрасно помню и помню подробные отчеты о ее ухудшающемся состоянии, производившие на меня сильное впечатление. Была еще сестра Берта, тетя Бетя. Странно, что в семьях были тетки и дядя, и дети всю жизнь так и говорили: тетя Бетя, дядя Сёма. Было обращение: «тетя, дядя», имевшее значение родства, а не «вежливого» обращением к чужим взрослым.

Во время оккупации соседи выгнали дядю Митю на улицу, а дети попали в гетто. Тетю Бетю соседи тоже выгнали из дому, они ходили по городу, и никто их не пускал погреться. Как погибла тетя Бетя я не знаю, а Марка Филипповича какой-то немец целый день водил по городу (как потом рассказывали те же соседи и знакомые), а родные вспоминали, что у него, как у всех нас, было сильное плоскостопье, из-за которого он не

попал в свое время в армию, и ему всегда было больно ходить. Только вечером, после целого дня ходьбы по городу, солдат его, наконец, застрелил. Все это мы узнали от Лидии Степановны, когда ездили с мамой в Одессу в 1958-м году.

А вот продолжение истории этой семьи, о котором я узнала 24 сентября 2011г. Сына Ляли и профессора Коншина, «Славика» я видела один раз, в сентябре 1972 года, когда мы с мужем остановились у них проездом в Одессе, в квартире на Канатной. Славику было тогда двенадцать лет. На нас произвело неизгладимое впечатление, когда за полчаса до обеда Славик пришел в кухню, где Ляля рубила секачом синенькие с помидорами, и сказал, что хочет какао. Ляля воскликнула: «Солнце моё! Ребёнок хочет какао!» и немедленно переключилась с баклажанной икры на приготовление какао.

Славик в 1989 году пытался остаться в Канаде. Он и в мореходку пошел в надежде плавать за границу. В Канаде ему предложили работу, но он узнал, что у матери от переживаний случился инсульт. Хотя она заплетающимся языком умоляла его не возвращаться, боясь, что его арестуют, а ленинградские родственники по отцу, благородные Коншины, отказались с ним разговаривать даже по телефону, называя предателем, он вернулся. Был уже самый разгар перестройки, и никто его не тронул. Через несколько лет он уехал в Америку, и за взятки умудрился вывезти их старинную мебель и дорогие картины. Приехал в Сан Франциско, водил такси. Выписал мать, которая продала дачу и квартиру. Тем временем, он связался с какими-то «новыми» русскими. Женился на некоей знакомой, вроде бы с намерением устроить ей гражданство. Она вскоре подала на него в суд, обвинив его в том, что он её якобы бил (он тощий, невысокий, избалованный мамин сынок, вряд ли это было правдой). Его посадили, дали пять лет, он отсидел, а потом его депортировали в Украину. А Ляля живет в доме престарелых в Сан Франциско, не зная ни слова по-английски, не имея ни одного знакомого, и мечтает «судить эту воровку», надеясь отсудить свою мебель и картины и уехать обратно в Одессу. В Одессе она была санитарным врачом. Это я писала

в 2011 году. Сейчас, в 2017, она ещё жива и живёт все в том же доме престарелых. Судьба Славы Коншина мне не известна.

В нашей семье все любили поговорить о болезнях, интересовались медициной, и основная семейная хроника — это истории болезней и смертей родственников, как кажется, главного события их жизни. Дядя Сёма, брат моей бабушки Анны Филипповны, умер рано, у него была саркома ноги, и потом вспоминали, как он был счастлив, когда ему «сняли ногу» (такое было выражение), и он впервые за долгое время не испытывал острой боли. А много лет спустя «отняли ногу» его дочери, тёте Марусе, болевшей диабетом, ослепшей и умершей в глубокой старости. За ней в самое тяжёлое время конца восьмидесятых начала девяностых ухаживала внучка Оля, дочь очень рано, в тридцать два года, умершего от рака сына Марии Семеновны, Вити. Я помню Витю, его огромные зелёные глаза с длинными ресницами, тонкие пальцы, высокую фигуру. Он, как все Фридманы, интересовался медициной и мечтал поступить на медицинский факультет, но в начале пятидесятых это для еврея было нереально, он стал, как и родители, советским инженером. Зато вот его внук работает в Газпроме, а внучка вышла замуж за иностранца и живет в Испании.

О тёте Марусе стоило бы написать отдельно. Когда-то в молодости я была похожа на неё лицом (не длинными ногами и пышным бюстом!), к сожалению, стала похожа на неё и в старости. Мама о ней говорила: «Маруська-ханжа». Она славилась своей родственностью и, одновременно, скупостью. В семейный фонд вошли разные о ней анекдоты, в старом значении слова. Как-то у мамы украли кошелек (вырезали, как говорили после войны) с довольно большой суммой. Звонит она пожаловаться на неприятность Марусе, а та выражает ей бурное сочувствие, приговаривая: «Боже, чем же тебе помочь?! Что же делать?!» Одолжить деньги не предлагала.

Но я никогда не забуду, как летом 1972 года я оставалась в Москве одна. Стояла страшная жара, горели торфяники, это было первое такое жаркое лето на памяти москвичей. А

я заболела сильнейшей простудой, с мучительной болью в горле, в груди. В городе не было никого. Позвонила Марусе, и она немедленно пришла вместе с мужем, вдовцом покойной сестры Оли, за которого вышла замуж уже после смерти сына. Шокируя этим браком родственников, но следуя старому еврейскому обычаю и практическому смыслу. Она поставила мне банки, принесла молоко, сходила в аптеку, словом, провозилась со мной целый день. И мне стало легче. Всех хочу помянуть.

У тёти Бети был муж, Соломон Портер, дядя Мотя. В своё время он был управляющим одесского пассажа. О нем рассказывали, что после революции он страстно возненавидел большевиков, что выражалось в том, что, подходя к трубам центрального отопления, он говорил: «Не топят, сволочи! А, чтоб они горели!» или «Топят, как сумасшедшие! А, чтоб они горели!» Я его помню в комнатке большой коммунальной квартиры в Лучниковом переулке, где он после войны жил один. Я его очень любила в раннем детстве, как любила всех стариков (это с годами прошло!). Он меня развлекал, доставая вставную челюсть и ловко всасывая её обратно. На протяжении одного года я успела пройти все стадии, от восхищения этим действием до отвращения к нему. Он же дал мне попробовать сгущённого молока из банки с голубой наклейкой, хранившейся за оконной рамой. Я была потрясена дивным вкусом. У нас никогда ничего не покупали в магазине, если можно было обойтись домашним. К этому времени дядя Мотя стал вполне бескорыстным, но преданным сталинистом, так же, как и моя бабушка. Для них Сталин был символом доброго порядка, научного прогресса (Ольга Лепешинская, Лысенко, Мичурин, оздоровительная сила простокваши), а для бабушки ещё и естественным продолжателем Жан-Жака Руссо и Льва Толстого.

У дяди Моти и тёти Бети было два сына. Один, Александр Портер, Шура, был «необыкновенно талантливый пианист», с которым мама дружила и которого обожала. Его гибель на фронте, под Сталинградом, она оплакивала очень долго. У меня до сих пор хранится синяя чашка в горошек, советского

производства, которую он ей подарил перед уходом на фронт и которую она берегла как святыню.

Через Шуру Портера мама была знакома с Гилельсом, которого называла Миля. Как и отец, двоюродный брат давал ей сознание причастности к «высшему обществу», которое у нас в доме всегда воспринималось, как общество тех, кто служит Музам. После войны никаких связей в этом изысканном мире родители сохранить не могли.

Второй сын, Леонид, Лёня Портер, был тоже одарён в музыке, но «загубил свой талант», стал мелким предпринимателем, то есть по советским законам, уголовным преступником.

Шура Портер

Он организовал какую-то артель, в которой имели право работать только инвалиды, там шили сумки, пояса, делали брошки в виде пластмассовых цветных слоников. Среди прочих инвалидов там числилась моя полуслепая бабушка, а работала за неё мама. Это были годы 1949-1952. Никакой другой работы для мамы с её пятым пунктом и дипломом юридической школы не было. Сначала она стала делать слоников по секрету от соседей, так как формально она не имела права работать в артели для инвалидов. Мама приваривала раскалённой на примусе отвёрткой булавку к этим слоникам, простаивая возле примуса несколько часов. Помню запах горелой пластмассы и раскалённого металла. А потом она приносила домой тяжеленные рулоны цветной искусственной кожи, строчила на старом Зингере пояса и опять-таки приваривала к ним раскалённой отвёрткой обтянутые такой же кожей пряжки. Я всегда замечаю такие пояса на актрисах в фильмах 1950х годов. Шила она эти пояса года три, сидя за машинкой по десять часов. Ещё Леня стал делать в этой артели женские сумки, и мама тоже какое-то время их шила.

У этого Лёни Портера была когда-то жена, кажется, её звали Лида, и двое детей. Он её оставил ещё до войны ради новой жены, Зинаиды Ивановны Дёминой, пленившей его лёгким характером и способностью хохотать от любой шутки. На упрёк родных, что он бросает таких хороших деток, он, якобы, сказал: «А, у нас с Зинойчкой будут ещё лучше!» Лида и дети были убиты в Одессе в годы оккупации. А у них с Зиной родился страшный больной ребёнок, который не мог ни видеть, ни сидеть, ни говорить. Ему было полтора года, когда я его увидела в коляске на даче в Быкове, а запомнила, потому что это был первый младенец, которого я увидела в жизни. Удивительно, как редко мне в детстве приходилось видеть новорожденных... Этот ребенок вскоре умер, а у них родилось ещё двое детей, Ирина, старшая, и младший, Александр, Шурик. Мы с ними жили рядом на даче и вместе играли. Зина была прекрасной хозяйкой, радушной, весёлой. Я её любила, как всех родительских знакомых.

Помню, как году в пятьдесят втором или пятьдесят третьем она влетела к нам в комнату на Собиновском (дом 7, кв. 26, помню наш телефон — Б9 44 88). Зина закрыла за собой дверь и быстро тихо сказала: «Леню посадили». Все моё сознание ушло мгновенно на то, чтобы мама и Зина меня не заметили и не поняли, что я все услышала и поняла. Почему-то мне казалось, что если они будут знать, что я знаю эту страшную взрослую тайну, то это будет УЖАС. Лёню посадили «за дела», как тогда говорили, то есть за доходы в этой артели; он сидел не долго, но, когда его выпустили, оставаться в Москве боялся. Уехал в Тбилиси, где развернулся пошире. Была там у него подпольная артель, где шили сумки, всех видов и фасонов. Он стал хорошо зарабатывать и мог прилично содержать семью в Москве и какую-то даму в Тбилиси. Почему-то законной жене и детям это не нравилось, хотя он построил для них квартиру возле метро Аэропорт и деньги давал щедро. Они его презирали, даже ненавидели. Потом в Тбилиси воцарился Шеварнадзе. Видимо тогда Шеварнадзе, министр внутренних дел, был «новой метлой» и всех Лёниных компаньонов пересажали. Он вернулся в Москву — без денег, старый, больной, никому не нужный. Поразил его рассказ о чудовищной бедности простых грузин, «живущих на зарплату», о взятках, без которых нельзя устроиться ни на какую работу, об огромных «паях», которые надо заплатить, чтобы тебя приняли в «дело» и об обязательных процентах с доходов, идущих партийному и милицейскому начальству. Лёня недолго прожил с семьёй в купленной на его деньги кооперативной квартире, где спал на раскладушке в гостиной и всех раздражал. Очень скоро он умер, и никто о нем не жалел. А я теперь, да и тогда, пожалуй, жалела его, действительно, необаятельного, толстого, молчаливого, лысого, в золотых очках. У него, как у деда-бандажника, как у моей мамы, были фридмановские золотые руки. И почти все Фридманы невысокие, широкоплечие, коренастые, с коротковатыми ногами. После шестидесяти лет мама, сидевшая за рабочим столом по

шестнадцать часов в течение четверти века, смотрела на себя в зеркало и с ужасом восклицала: «Ах, стала широкая спина, как у тети Бети!»

Вот и вся память о земном существовании тети Бети.

ОДИННАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

И, наконец, была дочь Геня, Анна Филипповна Фридман, в замужестве Камышникова, потом Воробьева — моя бабушка. Бабушку я помню только начиная с Абези, то есть с моих четырёх лет.

В Абезь мы поехали вдогонку за папой, который в свою очередь уехал по вызову Бориса Суховерко на строительство железной дороги, знаменитой теперь «Мертвой дороги». Борис Осипович работал не то инженером, не то экономистом сначала в Ухте, потом в Салехарде, в Инте, а папа, уволенный из Промбанка, поехал на должность экономиста планового отдела в Абезь. Географические пункты памяти детства: Воркута, Абезь, Ухта, Салехард. Река Уса... В лагерном поселке Абезь, Коми АССР, отец проработал одиннадцать месяцев. Мама на это время устроилась администратором крепостного театра, в котором все актеры, художники и режиссеры были заключенные. Маму уволили довольно быстро, а папа уволился, когда ему кто-то передал, что на него ведется дело. Доносы на них писали с самого первого дня, как оказалось после. Не только на них, конечно. Поводом к заведению дела послужило то, что папа ездил в командировку на трассу и стал свидетелем каких-то особенных злодейств и написал по наивности жалобу наверх о «злоупотреблениях».

Мы быстро собрались и вернулись в Москву. Конечно, о масштабах происходящего, о миллионах замученных и убитых, он не знал. И родители не понимали тогда, что само их пребывание вольнонаемными в лагерной системе было аморально. Иначе он не удивился бы, когда много лет спустя встретил на улице какого-то бывшего заключенного, с которым был когда-то в прекрасных отношениях, а тот обошелся с ним крайне сухо. Только много позже, когда отца давно уже не было на свете, мама стала повторять, «Боже, как ужасно, что мы там работали и не понимали, что это позорно». За эти одиннадцать месяцев отец заработал достаточно,

чтобы мы могли перебиться еще целый год, пока ему не удалось с трудом устроиться в плановый отдел института «Гипромолоко».

Но сначала опишу дорогу туда (обратную не помню абсолютно). Мама, бабушка, я, мамина подруга детства Муся с сыном Вовой ехали все вместе. Нагрузили целый грузовик вещами, запечатали комнату (помню, как поразило выражение «запечатать комнату») и все забрались в грузовик, а мама села с шофером. При выезде из Леонтьевского на Горького Муся крикнула маме: «Лида, а билеты ты взяла?» — «Они же лежали на туалетном столе!» Но они даже не успели продолжить обсуждение, почему так вышло и кто виноват, как шофер резко развернулся (сейчас знаю, сделал U-turn) и рванул обратно к дому. Наверное, если бы опоздали на поезд, следующий мог идти через неделю, билеты бы пропали, да и вся утварь была уже упакована. О смысленности шофера долго рассказывали.

Отделить воспоминание этой дороги от описания ночного поезда в повести «Чук и Гек» мне трудно. Лимона, упомянутого Гайдаром, точно не было. Но у меня в сознании эти дороги к папе на север смешались. Мы с Вовкой спали на одной полке, он болел, как потом оказалось дифтеритом и скарлатиной, но я не заразилась, чему все удивлялись. Помню точно, как просыпалась ночью на остановках, отодвигала занавеску и смотрела на крошечные полустанки за окном, помню большую станцию, беготню людей, дым от паровоза. Но только ночью, дневной дороги не помню. Еще помню зародившийся тогда страх отстать от поезда, или что мама выйдет и останется. И даже себя представляла отставшей, потерявшейся. В воздухе были воспоминания отставания от эшелона во время только что кончившейся войны.

Ясно помню приезд. Папа и Борис встретили нас на станции, естественно, в темноте. Был снег, хотя из Москвы мы уезжали в августе. Нас посадили в сани (единственный раз в жизни я ехала в санях и запомнила), привезли в поселок Абезь — домой. Это был дом на две семьи, у каждой две комнаты и кухня с прихожей. Вход с крыльца. Мы вошли в комнату,

сияющую светом после темноты, поразившую простором — после московской тесноты. Мы с бабушкой жили в спальне, на бордюре обоев (или краски?) в ряд шли желтые цыплята, о жизни которых бабушка мне рассказывала всякие истории. Я как-то усомнилась, было это со мной, или я помнила об этих цыплятах, потому что бабушка читала мне «Детские годы Багрова внука», и многое, там описанное, я помню, как пережитое. В частности, когда я проснулась в первый раз на даче в Быкове, уже в сорок восьмом году, я увидела бревна стены, услышала запах смолы, потыкала пальцем мягкую смоляную каплю, и мне показалось, что я все это уже видела когда-то раньше, и только через много лет я поняла, что запомнила описание Аксакова.

Родители настолько не понимали происходящего и своего места в этой системе, что не скрывали презрения к большинству «сослуживцев». О начальстве говорили с насмешкой, с явным презрением, скорее снобистским, чем политически-осознанно. Даже мне взрослые казались фальшивыми и неприятными. Почему-то все как один, увидев меня, сладко улыбались и неизменно задавали два вопроса, поражавшие меня глупостью и бестактностью. Хитро прищурившись и заранее улыбаясь шутке, взрослые сначала спрашивали: «А почему у тебя такие черные глазки, ты сегодня умывала глазки?» А потом углубляли беседу и задавали второй роковой вопрос: «А кого ты любишь больше, папу или маму?» Любезно улыбаясь, я неизменно отвечала «одинаково», а про себя думала, «какой же это дурак так спрашивает! Во-первых, это бестактно, я никого не хочу обидеть, а во-вторых, неужели не очевидно, что папу?!»

С особенным отвращением дома говорили о начальнике строительства Барабанове и соседе по дому, начальнике лагеря Брагине, гнусной вечно пьяной роже, в дочку которого, Райку Брагину, я было страстно влюблена. Причем ничего, кроме своего чувства к ней, я не помню — ни облика, ни общих игр. Однажды она заболела, а я сидела у нее и мы вместе ели кисель: ложку она, ложку я. Оказалось, что у нее была скарлатина, но я не заразилась. Правда, дружба наша не поощрялась, а под

предлогом скарлатины мне совсем запретили с ней играть. Как-то родители (или, скорее, бабушка) подслушали наш детский разговор во время игры «в магазин». Фраза одной из девочек, нас было три или четыре, потрясла родителей: «А сколько стоит сметана?» --»Сметана только для руководства,» ответила одна из малюток. Они на все лады передавали эту историю знакомым, и заодно вспоминали, что «пиво только членам профсоюза». Потом упоминались другие имена, какой-то Герман Михайлович Грановский, Белкин, не то Моисей Абрамович, не то Абрам Моисеевич. Позже отец вспоминал, что кажется Грановский приводил совершенно иезуитский, очень распространённый довод в защиту системы: «Конечно, большинство заключенных ни в чем не виноваты, но именно поэтому их нельзя выпускать, теперь они стали настоящими врагами и нам никогда не простят».

Высокое начальство, может быть, сам Барабанов, жил в отдельном домике-вагончике с занавесочками на вагонных окнах, и мне казалось блаженством жить в таком вагончике, который так напоминает дорогу.

Для мамы гордостью и радостью была возможность общения со знаменитостями, которых, разумеется было много среди заключённых. Ни до, ни после она не вращалась в столь изысканном обществе — талантливые актеры, известные певцы, Сева (Всеволод) Топилин, бывший аккомпаниатор Давида Ойстраха, знакомого родителям по одесскому детству, ставший, как им казалось, приятелем. Актеры занимали привилегированное положение по сравнению с другими заключенными, им разрешалось бесконвойное хождение, но жили они под постоянной угрозой отправки на общие работы. Какое-то особое положение в театре занимал «князь Оболенский», про которого говорили, правда, что он «страшная сволочь и стукач». Еще работал в театре заключенный театровед Алексей Мороз, муж Ады Марковны, маминной подруги. Оболенский и Мороз имели особую власть, так как отвечали за поиски театральных талантов, от них в какой-то степени зависела лагерная участь заключенного. Может быть поэтому о них сложилось дурное мнение.

Помню, как родители были потрясены самоубийством художника Димы Зеленкова. В «Дневниках» Александра Бенуа нашла упоминание о его отце, Владимире Зеленкове, женатого на Софье Лансере; родственники... О нем говорили, что он необычайно талантливый, за какой-то проступок его угрожали отправить на общие работы, и он повесился. Был еще какой-то немец, «настоящий шпион», что было удивительно. Очевидно, безвинность заключенных воспринималась как само собой разумеющееся.

Мама рассказывала о каком-то не то художнике, не то актере, что он «страшно верующий», и это тоже в нашем одесском доме казалось невероятным. Именно в Абези, слушая разговоры взрослых, я спросила: «А я русская или одесситка?» Одесса была для меня тогда не городом, а страной, в которой ирония заменяла религию.

Я слышала сплетни о романах между актерами; выражения «барак», «бесконвойное хождение», «общие работы», «туфта», «уголовники проиграли в карты» я знала уже в четыре года. Что-то помню по рассказам, но главное помню отчетливо, и помню, что уже там, в Абези, в четырехлетнем возрасте, была собой, уже там сознавала себя такой, какая есть сегодня.

Но многое ожило в памяти после перечитывания Шаламова. Помню высокую фигуру няньки-домработницы, в первые же дни нанятую из освободившихся заключенных. Вскоре маме сказали, что эта женщина сидела за убийство, якобы она зарубила топором свою семью, шесть человек. От ее услуг немедленно отказались, и все долго говорили о том, как невероятно глупо было взять в дом няньку, не наведя справок. А теперь я понимаю, что конечно только социально близкую убийцу могли освободить и дать возможность работать прислугой у вольнонаемных. И еще помню, что бабушка ее жалела. Её бы воля, она, следуя учению Руссо и Толстого, оставила бы эту няньку в доме, дабы перевоспитать добрым отношением. К счастью, никакой няньки у меня больше не было, занималась мной только бабушка. Наверное, кто-то помогал на кухне, но этого я совершенно не помню, кухню не помню вообще. А в прихожей стоял сундук, на котором

потом в Москве, в коридоре, спали домработницы. Однажды я приняла лежащую на сундуке меховую шапку за кошку, и бабушка воскликнула: «Ах, какая жалость, у Наташеньки наследственная близорукость!» И была права.

Каждое утро в большой оледенелой бочке нам привозили воду. Возчик-якут был в желтой оленьей шубе, тоже, как мне смутно помнится, покрытой тонким слоем льда, он сидел на козлах, но я не уверена, была ли впряжена лошадь или олень. Наверное, лошадь, но приятно думать, что олень. Иногда он сажал меня рядом и прокатывал немножко, до соседнего дома. Олени присутствовали в жизни, якуты пригоняли стадо, и к оленям меня водила бабушка. Олени с огромными рогами стояли кругом, рядом в оленьих же мехах стояли якуты, поражавшие уродством, низкорослые, с большими выпирающими зубами, их социальный статус был ниже, чем даже у заключенных. Разумеется, бабушка ими любовалась и пыталась с ними разговаривать, но по-русски они почти не говорили. Мне разрешали погладить оленей. Вообще, бабушка была в восторге от перемены, от просторной комнаты, в которой она жила со мной, от необычайности жизни за Полярным кругом, от новизны впечатлений — белые ночи, северное сияние, якуты, олени, морошка. Природа, даже такая неприглядная, как тундра, ей была необходима, и то ли я у же тогда так же, как она, любила природу, то ли мне передавалось ее отношение, но я навсегда запомнила плоский простор, спуск к реке Уса, огромное светлое низкое небо, морошку, снежные пещерки, которые мы, дети, рыли и играли в этих снежных комнатках, слабо освещенных сквозь толстый слой снега. Наискосок от нашего дома был магазин, и рассказывали, что в метель можно было заблудиться, идя из дома до этого магазина. Однажды я ждала бабушку у входа и от скуки лизнула иней на железной не то скобе, не то ручке двери. Помню вкус железа и крови, когда отодрала мгновенно прилипший язык. Интересно, как часто эта фраза встречается в воспоминаниях детей, росших на севере.

Каждый день мимо нашего дома гнали колонну заключенных. Видимо, они работали в поселке, не на общих работах,

потому что у них не был заметно истощенный вид. Мы с бабушкой к ним выходили, часто кто-нибудь меня хватал на руки, чмокал и передавал на руках по колонне, все меня обнимали, передавали дальше. И я помню, что я понимала, что это не меня, Наташу, они целуют, а меня как представителя детей. И вместе с тем, помню, что я испытывала к этим людям любовь и уважение за то, что они взрослые и обращают на меня внимание.

Однажды я была на улице и вдруг услышала пленительную зовущую музыку. Это духовой оркестр играл Траурный марш Шопена, а за оркестром несли гроб и шла небольшая процессия. Я увязалась за ней. Хоронили футболиста. Какого футболиста, чем он заслужил такие торжественные похороны — не знаю. Дошли до кладбища. Все окружили гроб, кто-то вышел вперед и перед тем, как начать говорить речь, попросил всех обнажить головы. На мне была коричневая шапочка с козырьком, из американской посылки. Она застегивалась под горлом на металлическую застежку, которую я не умела расстегивать. И вот я стояла, сгорая от стыда, мучительно сознавая, как позорно стоять в головном уборе у гроба, если велели обнажить голову. Вполне исполнилась чувством подобающей скорби. Помню, что меня очень интересовало, в ботинках хоронят футболиста или нет. Вопрос ботинок на покойнике возник еще раз, когда бабушка, уже (или еще?) в Москве, повела меня в мавзолей (или рассказала про мавзолей?) и опять меня страшно интересовало, обут ли труп. Гроб еще не засыпали, как вдруг подбежали мама и бабушка, схватили меня и потащили с этих похорон домой — ругать и наказывать за то, что без спросу ушла из дома.

Но это что! Через какое-то время я опять ушла без спросу, на этот раз на целый день. Девочки, меня постарше, лет семи-восьми, «местные», то есть очевидно дети лагерной obsługi или охраны, пошли собирать морошку в тундру и позвали меня с собой. Мы собирали эту морошку, розовые ягоды, помесь клюквы с малиной, весь жаркий летний день бродили по плоскому болоту, нас ели комары, но я была в совершенном упоении, забвении всего. И вот, усталые, но

довольные, мы не спеша бредем домой, входим в поселок, а навстречу потрясенные ужасом родители, какие-то люди, все на нас кричат, вернее, на меня, я самая маленькая и городская, сгоревшая на солнце, искусанная, счастливая. На этот раз меня наказали, не разрешили целый день выходить из комнаты. Конечно, лето я помню подробнее, чем зиму, да лето пришлось ближе к отъезду, я была постарше.

Самым значительным событием всего моего пребывания в Абези был эпизод, навсегда определивший мое восприятие советской системы и понимание моего места в ней. Однажды мы с бабушкой, любившей дальние прогулки, вышли из поселка и шли по дороге. Слева был глубокий песчаный карьер. По другую сторону вытоптанной тысячами ног дороги расстилалась тундра. Время было под вечер, но светло сумеречным светом заполярной летней ночи. Вдруг мы увидели идущую навстречу колонну заключенных. Они шли с работы, по бокам шли солдаты конвоя. Колонна шла молча, мерно, неумолимо надвигаясь. Бабушка, со своими шестнадцатью диоптриями, очевидно заметила ее слишком поздно и решила, что мы можем переждать на краю карьера. Теперь я знаю, почему, но тогда я просто почувствовала, что никто в колонне не сделает шаг в сторону. Колонна прошла и смахнула меня в карьер, конвойный, шедший с краю, просто прошел сквозь меня. Я покатила вниз, разорвала верхнюю губу, так что пришлось зашивать. Маленький шов справа остался на всю жизнь. Это не задним числом я так все воспринимаю, наоборот, с годами чувство ужаса перед слепой человеческой массой притупилось, вместе с другими чувствами. Но я понимала даже тогда, что люди в колонне не могли сделать шаг в сторону из-за конвоя. Наверное, встреча с колонной случилась уже под конец нашего пребывания в Абези.

Но все другие воспоминания об этих месяцах за Полярным кругом удивительно радостные. Мама была занята в своем театре целыми днями. Я ее почти не помню, только помню, как она была там счастлива, на моей памяти единственные месяцы в ее жизни. Ей было тридцать восемь лет, она была еще очень

красива. Впервые после побега из Одессы 1919 года своего отца, театрального и художественного критика, она оказалась среди артистического, интеллигентного общества, которое ей очень импонировало. От нее что-то зависело, она могла кому-то помочь. Разумеется, лезть заключенных она принимала за чистую монету и верила, когда ей говорили: «Лидия Львовна, вы для нас, как мать родная».

Театр решил ставить «Хованщину». Еще ставили какую-то оперетту. И вот маму командировали в Москву, в Большой театр, закупить декорации и костюмы. Она поехала и закупила целый вагон. Она ничего не понимала ни в бухгалтерии, ни в отношениях и интригах, крутящихся вокруг этих закупок. По дороге огромное количество реквизита было раскрадено, хотя «вагон был запломбирован». Как можно запломбировать вагон, я не понимала. Пломбируют ведь зубы! Так словарь мой расширялся. Потом долго удивлялись, как это ее не посадили, а просто уволили.

Из этого реквизита мне перепала бледно-лиловая шелковая пелеринка, с темно-фиолетовой подкладкой, вышитая серебряной нитью. Она долго служила мне на школьных елках и в спектакле «Золушка» в пионерском лагере, где я была принцем... Восхитительные часы проводили дети на помойке возле театра, куда выбрасывали из костюмерной крошечные обрезки шелковых цветных тряпочек, золотой и серебряной парчи, маленькие цветные стеклышки. Какое наслаждение я испытывала, перебирая эти яркие, сияющие кусочки, не меньшее, быть может, чем маленький Набоков, глядевший из своей детской кровати на хрустальное пасхальное яйцо. Кроме этих обрезков, да еще картинок к сказкам Перро, ничего яркого в детстве я не помню.

До сих пор я храню маленький коричневый обливной керамический горшочек, который сделал мне в подарок какой-то заключенный. На нем и надпись: «Наташе от дяди. 1947 год». И все думают, что это мне подарил мой родственник. Горшочек стоит у меня на почетном месте, на полочке в кухне, и когда я умру, не останется никого, кто бы помнил о жизни этого неизвестного человека, частичка которой продолжилась

на долготу моей памяти и достигла американского штата Теннесси.

Помню домашние разговоры — кого-то отправили на общие, кого-то в бараке проиграли в карты, кто-то нашел в мусоре копирку с секретным текстом и донес, разговоры о доносах и стукачах. Один раз меня взяли с собой в барак. Там какой-то заключенный шил мне на заказ шубку из оленьего меха. Помню низкий потолок, очень тусклый свет лампочки, длинный коридор, нары с двух сторон, ужасную тесноту, какие-то тряпки, вроде занавесок.

У папы на работе обстановка была отнюдь не богомная, он маминого энтузиазма не разделял. Кроме того, вряд ли ему нравился мамин легкий флирт с актерами и музыкантами, о котором она дома рассказывала, считая его вполне невинным. Отец уходил на работу, приходил обедать, а потом все служащие возвращались и сидели до глубокой ночи, как если бы это была Москва и могли вызвать в главк, или мог позвонить «хозяин». Вся атмосфера была омерзительная, но стала понимать я это значительно позже. И все-таки, наверно не совсем я понимала, где провела этот важный год своего детства. Году в 1967, на вечеринке у Наташи Старостиной, университетской подруги, мы с друзьями в единении экстаза слушали новые записи Окуджавы. Впервые мы услышали «Молитву Вийона» и «Виноградную косточку в теплую землю зарю». Тогда же мы познакомилась с Костей Богатыревым, молодым переводчиком, убийство которого через несколько лет по явному заданию КГБ потрясло московскую интеллигенцию. Костя произвел на меня чарующее впечатление, поэтому, когда мы с мужем шли вместе с ним к метро и он упомянул, что сидел в лагере в Абези, я сочла возможным сообщить, что в раннем детстве тоже жила в Абези. В ту же минуту я для него умерла, разговор с нами он резко прекратил. Я огорчилась, но не обиделась, поняв, что он имеет право не делать для меня снисхождения.

Бабушка относилась к заключенным в лучших традициях русской культуры, то есть не задумывалась о их «преступлениях», что при ее любви к Сталину кажется непонятным, но

сочетание толстовства со сталинизмом не так уж странно и в те годы встречалось часто. Она считала необходимым воспитывать меня в духе сочувствия бедным и несчастным. Главным объектом ее нравственного тренинга была тихая невзрачная девочка, кажется, ее звали Аллочка, бабушка которой устроилась уборщицей в детском саду, а мама была заключенной. Моя бабушка часто приглашала ее в гости, кормила, пыталась нас свести и заставить подружиться, особенно надеясь таким образом отвлечь меня от «Райки». Но не то девочка действительно была скучной, не то бабушкино давление меня от нее отвращало, но дружбы у нас не получилось. Только один раз мы с ней долго и хорошо играли в подземный снежный замок.

А ведь все эти девочки мои ровесницы, значит, многие из них ещё живы. Что-то с ними стало, как и где живут теперь эти старухи, как прожили свою жизнь?

Готовя свои детские воспоминания, я наткнулась на книгу М.Д. Байтальского (И.Домальского) «Тетради для внуков». В главе «Как расстреливали в Воркутлаге» я встретила знакомое имя Барабанова, упоминание Абези. Описание знаменитых кашкетинских расстрелов в третьем десятилетии Октябрьской революции. Но я описываю только то, что видела сама.

Напечатано в журнале *Слово/Word*, Октябрь, 2007.

БАБУШКА АННА ФИЛИППОВНА

Бабушка, мамина мама, Анна Филипповна, Анюта, занималась мной не так уж долго. Я помню её с четырёх лет и до её смерти 9 октября 1955 года, когда мне уже было почти двенадцать. Но основное время с бабушкой — это годы с четырёх и до восьми или девяти лет. Потом я почувствовала, что «переросла» её, мне стало с ней неинтересно... Очень поздно в старости я поняла, что именно бабушке я обязана едва ли не всем своим образованием, отношением к людям, не говоря о врождённых чертах характера. Но надо начать с истории её жизни и жизни деда.

Бабушка была невысокая, сильно близорукая (шестнадцать диоптрий и такой астигматизм, что она немного даже косила), вся какая-то кругленькая, но не толстая. Тёмную длинную косу она сохранила до глубокой старости. Бабушка была страшно рассеянная, восторженная, романтическая натура, благородная душа. У неё был совершенный слух (как говорили, я тут не судья!) и изумительный голос, настоящее

Я с бабушкой

колоратурное сопрано. До самой старости она распевала арии, русские романсы, песенки Вертинского и французские шансонетки, вызывая у меня нестерпимое раздражение, поскольку я абсолютно к музыке глуха и не выносила никаких громких, высоких звуков.

Совсем молоденькой девушкой она умолила отца, бандажника Фишеля Фридмана, отпустить её учиться в Париж, в Сорбонну, на врача. Она много рассказывала мне об этой поездке. О том, как вышла на вокзале из поезда с подушкой и большим медным чайником в руках. Как поселилась в общежитии для студентов, где была одна уборная далеко в конце коридора. У неё сразу нашлись приятели, поклонники, они собирались в её комнате, болтали, пели и пили приготовленный ею чай, быстро получивший название «анютино пипи», поскольку её жидкий чай был похож на эту жидкость и гнал всех в дальнюю холодную уборную. Она так и осталась бездарной хозяйкой и плохой кулинаркой, вообще была равнодушна к еде, к «светской жизни», занятая сначала учёбой, потом детьми, потом доживанием. Она показывала мне глубокий шрам в ложбинке между большим и указательным пальцем: как-то раз во время химического опыта она зажала пробирку, которая взорвалась и перерезала ей крупный сосуд, так что кровь фонтаном ударила в потолок.

Занятия, новые впечатления, новые знакомства, Париж первого десятилетия двадцатого века — все это оборвалось сразу и навсегда. Приехал её одесский поклонник, Лёва Камышников. К тому времени он переехал в Петербург, работал в типографии ретушером, стал вольнослушателем в Академии художеств, потом театральным и художественным критиком, в 1908-1909 годах был секретарём Художественного Салона, вращался в художественно-артистическом мире Петербурга начала века.

Во всех отношениях он был полной противоположностью бабушке. Он страстно любил «светскую», общественную жизнь, был хорошо знаком с видными писателями и художниками того времени (о чем я узнала подробнее только сейчас, найдя его имя на Интернете рядом с именами таких

знаменитостей, как Бунин и Алексей Толстой). Печатал рецензии на художественные выставки, спектакли, переводил — с идиш. В Петербурге он был завсегдатаем артистического ресторана «Вена». Была у нас книжка, посвящённая юбилею ресторана, подаренная деду Корнеем Чуковским с шутливой надписью. Книжку мы в конце пятидесятых переслали деду, теперь она вместе с его коллекцией картин, собранных уже в Америке, должна быть в музее университета Ратгерс. Когда-то я знала это четверостишие наизусть, а сейчас не могу вспомнить.

Бабушка не была в него влюблена, но он сделал так, чтобы у неё не оставалось другого выхода, как выйти за него замуж. Он написал её отцу в Одессу, что Анюта живёт независимо, что у неё много знакомых мужчин (гоев! — впрочем, об этом, наверное, отец сам догадывался) и что необходимо заставить её вернуться в Одессу. Отец, прижимистый Фишель, немедленно перестал посылать ей деньги. Повертелась она без денег недолго, но делать нечего, пришлось вернуться в Одессу. К тому времени она сошлась с дедом и выходила за него замуж уже беременная маминым старшим братом, Михаилом, дядей Мишей. Он родился в 1910 году, а через год родилась моя мама. Ещё через три года родился младший, Эмиль, Милечка.

Рассказывали такую историю: когда бабушка была беременна (кем конкретно, не знаю, думаю, что именно младшим), Лев Маркович завёл себе любовницу — актрису одесского театра. Бабушка делала вид, что ни о чем не подозревает. А после родов послала этой даме корзину цветов с запиской, в которой писала, что благодарит за услуги, но больше в них не нуждается. Недаром прожила в Париже! Интерес к медицине у неё остался навсегда, так же, как и горькая ностальгия по Франции, по французскому языку. Помню, как мы с ней ходили гулять на Тверской бульвар, где ещё встречались старорежимные старушки в выцветших бархатных шляпках, и бабушка, найдя себе собеседницу, упоённо щебетала с ней по-французски, пока я или слонялась, скучая, или бегала с другими детьми наперегонки «от Тимирязева к Пушкину», где мы качались на чугунных цепях ограды.

С мужем они жили неплохо, несмотря на разницу интересов и склонностей. Лев Маркович ни одного вечера не оставался дома — каждый день театры, премьеры, вернисажи и, обязательно, рестораны. Из маминих рассказов помню, что «его каждый день можно было застать у Робина». У «Фанкони» была другая публика, там он бывал реже».

Бабушка же никогда не могла прийти к началу спектакля, всегда и везде опаздывала. Пока оденешь детей, привезёшь их в театр, разумеется, в ложу, уже идёт второй акт. Капельдинер всегда говорил: «А вот наша наседочка с цыплятами идёт». Для бабушки эти «выходы в свет» были докучны и утомительны. Она любила возиться с детьми дома, устраивать детские спектакли, большие именины с играми. Воспитанию детей бабушка отдавалась с тем же увлечением, что и учёбе. У неё открылся интерес к педагогике, и она впоследствии работала в детском саду, наблюдая за развитием детского характера и записывая свои наблюдения.

Из всех детей самым одарённым был, по общему мнению, Милечка. С детства хрупкий, слабенький, с астмой, он «невероятно много читал» и писал какие-то литературно-критические сочинения, по мнению родственников, «гениальные». Он умер в четырнадцать лет от заражения крови, которое получил, расковыряв булавкой больной зуб. Разумеется, эта трагическая история передавалась всем потомкам, служа угрожающим и назидательным примером.

Ну вот, а тут начинается революция. Дед был, как большинство артистической интеллигенции, особенно ассимилированной еврейской, не чужд либеральных веяний, но от политики далёк. В 1918 году в Одессе собралось множество писателей, поэтов, художников, актёров, бежавших от голода и большевистских зверств. Литературно-художественная жизнь в городе кипела. Моей маме было тогда всего семь лет, но именно это время оставило ей образ отца — красавца, блестящего литературно-художественного критика, близко знакомого со всеми этими знаменитыми людьми. Когда я начинала писать эти воспоминания, я полагалась только на мамин рассказы и на свою память.

Сейчас на Интернетe каждый месяц появляются новые, неожиданные сведения. Так, я прочла в статье Елены Толстой, что на вечере Алексея Толстого в октябре 1918 года присутствовал Анатолий Фиолетов, троюродный брат моего отца, и Лев Камышников, отец моей мамы. Вскоре Фиолетова убили, но эти двум семьям было суждено породниться. Удивительно не это, конечно, а то, что я только сегодня узнала об этом.

Когда в начале 1919 года, через несколько дней после прихода большевиков, Лев Маркович нашёл своё имя в помещённом в газете списке расстрелянных, он намёк понял. Схватив бабушкин «соболий палантин и гарнитур из огненных опалов», он бросился в порт. В детстве меня очень волновало это звуковое сочетание «огненные опалы». На «последнем корабле» ему удалось бежать в Константинополь. Впоследствии стало известно, что он там очень бедствовал, в особенности потому, что заболел каким-то «стреляющим ревматизмом» (наверное, ревматоидным артритом?). Когда я была в Стамбуле в мае 2009 года, я жила на маленькой улочке против церкви, вблизи от башни Галата и района Перы. И думала о том, что мой дед исходил эти улицы, а теперь я иду по его следам, как там, в Стамбуле, так и здесь, в Нью Йорке. Там же, где жил он, на Бродвее, живёт его правнучка. А теперь и праправнуки.

Не так скоро и не так легко ему удалось добраться до Парижа, где он на некоторое время осел, пока не переехал в Америку. Когда он женился на своей второй жене, Лидии Владимировне Билик, я не знаю, кажется, ещё в Константинополе, узнав, что в Одессе бабушка вышла замуж. Про их парижскую жизнь я слышала от Лидии Владимировны, когда она, после его смерти, приехала туристом в Москву в 1970 году. Поразило нас всех её внешнее сходство с бабушкой, его первой женой. Воспитанная им в духе иступлённой ненависти к большевикам, она ожидала увидеть костры на улицах и сидящих вокруг беспризорников. При таких невысоких ожиданиях, зрелище апельсинов на уличных лотках и наша, как я теперь ясно по-

нимаю, дорогая старинная мебель её поразили и мгновенно заставили пересмотреть своё отношение к советской власти.

Она с гордостью рассказала, что как-то сам Шагал подошёл ко Льву Марковичу в кафе и сказал: «Здравствуйте, Камышников. Я знаю, что вы меня не любите, но это ничего».

Лев Маркович больше всего любил передвижников и художников Мира Искусств. «У нас были все номера журнала Аполлон», повторяла моя мама всю жизнь. Может быть, именно состояние маминого отца «при» искусстве и её рассказы о нем воспитали во мне снобизм с обратным знаком.

Как все люди без профессии, и человек уже не молодой, он сильно нуждался, перебивался мелкой литературно-художественной критикой в эмигрантских газетах. В Америке пытался открыть книжный магазин, журнал, фотостудию — не имея никаких деловых способностей, всегда прогорал. В дальнейшем он жил с женой скромно, но безбедно, пользуясь поддержкой богатых родственников жены. Они помогли ему открыть картинную галерею, где он мог продолжать тот единственный образ жизни, который подходил ему и где он был на своём месте.

О нем мне рассказывали знавшие его старые эмигранты. Высокий, стройный, импозантный, с хорошими манерами и обширными знаниями русского искусства начала века, он беседовал с посетителями, его знали в эмигрантских кругах. Он продолжал публиковать рецензии в газете «Новое русское слово», издаваемой в те годы Андреем Седыхом, его старым, ещё по Парижу, знакомым. В эмиграции он стал крайним анти-большевиком, удивлявшим своей непримиримостью офицеров Белой армии. Мне рассказывали, что он часто появлялся в русской православной церкви и, стоя у входа, внимательно выслушивал всю службу, наслаждаясь церковным пением, но внутрь никогда не заходил. Лев Маркович умер от тромба в мозгу, в 1960 году, и похоронен на еврейском кладбище Сидер Парк в Нью Джерси. Наискосок от богатого участка семьи Билик, где похоронен он рядом с Лидией Владимировной, в июле 2000 года я похоронила свою маму.

Когда-то, кажется в 1929 году, отец прислал ей аффидевит — но она от него отказалась, решив остаться в России, поскольку была страстно влюблена в своего будущего мужа, моего отца, и вскоре они поженились. Кроме того, ей только что удалось обменять квартиру в Одессе на комнату в Москве — кому тут нужна Америка! Последний раз в жизни мама видела отца восемьдесят один год назад, и на могиле его никогда не была. Теперь они оказались рядом.

А между тем бабушка осталась одна, с семьёй из пяти человек на руках, в революционной Одессе. У неё революция не вызвала отвращения, она была покорена потоком событий, сменой властей — ей все было любопытно. Конечно, знаю я об этом только по её рассказам. Она с восторгом вспоминала, как во время недолгой французской оккупации Одессы в порту стоял французский пароход и она, к изумлению домашних, привела домой какого-то негра, кажется, сенегальца, с которым они говорили по-французски и хохотали. Во время гражданской войны она чувствовала себя свидетелем исторических событий и никогда не вспоминала таких ужасов, с которыми для неё была связана вторая мировая война, не оставлявшая ей, на ее седьмом десятке, никаких надежд. Её рассказы об эвакуации, о перронах, на которых вповалку лежали люди, а под ногами хрустели вши, об оставших от эшелона и навеки разделённых семьях, стали частью моей памяти, содержанием моих детских снов. А тогда, в 1919, конечно, кушать было нечего, и тиф, и вши, и полная неизвестность впереди, но она была молода, у неё был лёгкий, весёлый характер и жадность ко всем жизненным явлениям.

В один прекрасный день, довольно скоро после бегства деда, пришёл какой-то матрос-комиссар реквизировать большую часть квартиры. Илья Андреевич Воробьёв был матросом из Очакова, огромного роста (по воспоминаниям моей невысокой мамы, тогда восьмилетней девочки), синеглазый, наперекрёст в пулемётных лентах, вежливый и добродушный. Вспыхнул страстный роман, и бабушка никогда не скрывала, что любила Илью Андреевича больше первого мужа. Ради неё Илья Андреевич оставил жену и сына. Мама

о нем всегда вспоминала с уважением и благодарностью. Илья Андреевич не только взял Анюту с тремя детьми, но и Лёвину маму, старуху Лию, и его сестру Аничку — содержал всю семью. И никогда никого не попрекнул. Эти два таких непохожих человека, отец и отчим, и, конечно, обстановка ассимилированной семьи, как я только теперь понимаю, сформировали мамин характер: от ворон отстала, а к павам не пристала. Только в обратном смысле: от пав отстала, но и к воронам не пристала, что и создало мучительный для меня конфликт, потому что в маме было инстинктивное благородство, великодушие, презрение к мещанской мелочности, умение видеть смешное, и, одновременно, снобизм и претензии, основанные на потенциале той культуры, которой она коснулась в раннем детстве.

Илья Андреевич, судя по всему, был очень умный мужик. Он быстро понял, что происходит, ждал ареста. Через несколько лет после женитьбы на бабушке Илья Андреевич стал пить, сначала немного, а потом все больше и больше, начались пьяные скандалы, все обычные сцены, когда в доме алкоголик. Маме тогда было лет шестнадцать, она уехала из дома в Елисаветград (тогда Зиновьевск), не помню, работать или учиться. Году в 1928 или 1929 Илью Андреевича командировали на Дальний Восток, но вернуться он уже не мог — садился в поезд, пропивал с себя все и «его возвращали», что бы это ни значило. В 1930 году он повесился. Последние годы жизни с ним были тягостны, но бабушка до конца жизни оплакивала его гибель, гордилась его памятью, а мама говорила о нем с любовью и даже восхищением.

Я их поняла, когда году в 1963 вдруг на пороге появился здоровый дядька, моряк, который оказался сыном Ильи Андреевича от первого брака. Он нашёл нас через справочное бюро. Пока мамы не было дома, он сбегал в магазин, принёс водку, шампанское, закуску, потом расхаживал по комнате, рассматривал висевшие на стенах картинки, всякие тарелки, «антиквариат» и радостно, без злобы, воскликнул: «А ты, Лидка, все такая же мещанка!» От него исходило добродушие, прямота, сила, меня покорила его грубоватый юмор, лёгкость.

Все это я пишу о людях, которых не знала, или почти не знала, со слов мамы и бабушки. Они ничем не были замечательны, от них ничего не осталось, никакого следа, никакой памяти. Мне просто хочется написать их имена, увериться самой в том, что они были.

Но я отвлеклась. Попробую вспомнить все, что заставляет меня в последние годы возвращаться мыслью к бабушке. Не помню, чтобы она мне рассказывала про Жан-Жака Руссо, но руссоистские идеи, опосредствованные Толстым, были центром её мировоззрения. По каждому поводу, требующему этически-воспитательного воздействия, она придумывала истории про «одну девочку, которая» в духе толстовских рассказов для детей, а из Толстого особенно любила рассказывать историю про старика отца, которого выросшие дети стали кормить отдельно в углу за печкой, а маленький внучек стал плести коробочку из лыка; на вопрос, зачем он это делает, ответил, что когда родители состарятся, то и он их будет кормить из этой коробочки отдельно. Мне было четыре года, но и тогда я чувствовала в этой притче какой-то неприятный намёк на тогда не понятные мне обстоятельства. О Толстом она мне рассказывала часто, все больше о его школе для крестьянских детей, читала начало «Детства» про Карла Ивановича, но особенно ее волновал уход Толстого. Может быть, ей было близко его желание вырваться из тюрьмы, которой может стать семья.

Я не могу поверить, что это было в Абези, но почему-то мне кажется, что именно там она взяла меня посмотреть хронику «Уход Толстого». Помню маленький зал, серые тени, прыгающие на экране — при моей близорукости черно-белый немой фильм вызвал во мне стойкое отвращение к кино, и лет до четырнадцати я больше в кино не была. Ещё один раз папа меня повёл в Стереокино на Моховой, и весь фильм я ела конфеты с настоящим ромом внутри. Тошнота от сладкого алкоголя надолго была связана с видом любого экрана.

Бабушка мне редко читала вслух, все басни и стихи она помнила наизусть, а в основном рассказывала как бы истории из своей жизни. Она очень любила всё, связанное с Египтом

и Грецией, библейские истории и исторические события она описывала так, будто все это случилось совсем недавно. Очень любила историю Иосифа, подробно описывала его цветные одежды и зависть братьев, так же описывала плетёную корзиночку, в которой дочь фараона нашла Моисея на берегу Нила. Я пишу именно о том и теми словами, которыми бабушка мне все это рассказывала. Она рассказывала в лицах, изображая всех участников. Никаких развлечений не было, и мы все время разговаривали, при этом она занималась со мной лепкой, или рисованием, или мы клеили заваренным из муки клеем какие-то игрушки. Понемногу она рассказывала мне события французской и русской истории, географию мира — Каракумы и Гоби, Гималаи, Джомолунгма — слова остались в памяти ни с чем не связанные. Очень любила истории про знаменитых путешественников. От неё я знала имена Миклухо-Маклая, Пржевальского, множество событий давнего и совсем недавнего прошлого: гибель Титаника и Лузитании, гибель Помпеи, извержения Этны, Везувия, Кракатау (недавно услышала передачу об этом извержении и вспомнила, что бабушка мне и о нём рассказала!). Она бесконечно уважала науку и подробно рассказала мне теорию дарвинизма (наличие хвостика у человеческого зародыша произвело неизгладимое впечатление, как и существование никому не нужного аппендикса). Поль и Мари Кюри были её героями, но рассказывала она не так о тайнах физики, в которой не была сильна, а о том, как Мари Кюри работала в лаборатории, как бедный Поль попал под лошадь, восхищалась их дочерью Ирэн и Фредериком Жолио-Кюри, которые как раз в те годы, в конце сороковых — начале пятидесятых, высоко были ценимы Сталиным за свою прогрессивную деятельность. Она рассказывала, как добывается каучук, чем была нехороша Салтычиха, не сказки, а басни Крылова были основными историями моего детства. Она мне пела колыбельные песни своим оперным голосом, чаще всего Лермонтова, пела Вертинского, помнила все слова, но я предпочитала мамино незамысловатое баюканье. Был в бабушкином воспитании какой-то постоянный дидактический

подтекст, который я рано начала чувствовать и против него раздражаться.

И, конечно, очень много было рассказов о войне. Опять недавно пришлось вспомнить бабушкины восторженные рассказы о том, как в годы первой мировой войны французские и немецкие солдаты братались в окопах в день Рождества. Шла передача по радио, и я с изумлением поняла, что к шести годам я уже знала и об этих событиях. Вообще, при её толстовстве идея братания в окопах не могла её не пленять, и с тем же одобрением она рассказывала, как русские солдаты уходили с фронта, узнав о революции.

А вот о самой революции, о гражданской войне она почти ничего не рассказывала, да и знала, я думаю, немного. В сущности, после революции ее жизнь так обеднела, что она, теоретически восхищаясь официальными достижениями (история девочки Мамлакат и скоростного сбора хлопка, строительство Волго-Донского канала, открытия Мичурина и Лысенко), опиралась на тот фундамент, который в ней был заложен предреволюционными годами. Очень много рассказывала о только что окончившейся войне, о которой знала только то, что печатали в газетах. Про блокаду Ленинграда я знала годам к семи, но, конечно, не в той ужасающей реальности, которая стала известна только в начале двадцать первого века. И еще она много рассказывала о Ташкенте и Алма-Ате, где в эвакуации жила наша семья. Всякое новое впечатление было для нее подарком судьбы. Она с восхищением описывала устройство узбекских домов, арыки, с возмущением обычаев носить паранджу и хвалила Советскую власть за «освобождение женщин востока».

Я помню рассказы мамы о жизни в Ташкенте, но почему ее послали на уборку саксаула в Казахстан, а бабушка рассказывала о красоте Алма-Аты, я не понимаю. Очевидно, они переезжали. Теперь спросить некого.

Теперь и я понимаю потребность старости в позитивном взгляде на мир, потребность защиты от ранящих впечатлений. До самого конца бабушка не верила ни в массовые аресты, ни в государственный антисемитизм. В день похорон

Сталина бабушка вышла погулять, пошла к улице Герцена (теперь опять Никитской). Она увидела большую группу студентов, направлявшихся к Дому Союзов, где был выставлен сталинский гроб. Бабушка увязалась с ними — маленькая, подслеповатая, взволнованная историческим событием. Подошли к самому открытию. Бабушка посмотрела, полюбовалась парадностью, и вернулась домой, так и не узнав, что через несколько часов тысячи людей погибли там в давке.

Удивительна эта потребность в вере. Будучи примерной атеисткой, она возлагала огромные надежды на развитие науки, которая, как она верила, раскроет тайну бессмертия.

У меня сохранились ее тетрадки с записями о моем детстве, очень многое она увидела: мою неорганизованность, чувственность, живое воображение, пылкость, неумение доводить дело до конца. Она не хотела, чтобы я научилась читать слишком рано, «чтобы не выделялась в школе».

Высказывала мало популярную у нас в семье теорию, что детей должно воспитывать государство, а не «бездарные родители, калечащие детей своим баловством». Я тогда не понимала, какое разное прошлое стояло за ними, как папу раздражала ее восторженность, и как она презирала его буржуазное происхождение. Надо сказать, что ей свое отношение скрывать от меня не удавалось, что меня от нее потом стало отдалять, а от отца я никогда не слышала ни одного критического слова о ней. И лишь потом узнала, что он ее просто игнорировал.

Бабушка всегда приводила с улицы нищих, бездомных, инвалидов, кормила их, собирала какие-то обноски, помогала, чем могла — но могла она очень мало. Так было и в годы после революции, и на моей памяти, после войны. За второго мужа, Илью Андреевича Воробьева, она получала персональную пенсию, 260 дореформенных рублей. (Какова же была обычная пенсия по утрате кормильца?!) Помню, как долго она хлопотала об этой пенсии, и как мы с ней ходили в страшное учреждение под названием Собес.

Бабушка всегда всех лечила, больше всего на свете веря в силу согревающих компрессов. Почти каждый вечер она

ставила сама себе эти компрессы, на то место, где болит. Компресс это была холодная мокрая тряпочка, покрытая воощенной бумагой и старым оренбургским платком. Мне тоже перепало достаточно таких компрессов и горчичников. По утрам она делала гимнастику и обтиралась мокрым жестким полотенцем (ванны у нас тогда еще не было).

Переезд из коммунальной квартиры в отдельную, осенью 1950 года, обмен комнаты на квартиру, которым мама так гордилась, она переживала как трагедию, как конец жизни. Она понимала, что теперь придет настоящее одиночество.

Зимой, когда темнеет рано, время после пяти казалось уже ночью. И вот мы шли в темноте к Тверскому бульвару, мимо магазина школьных принадлежностей, в сторону памятника Тимирязеву, к угловому продовольственному магазину, к которому надо было подняться по ступенькам. Вскоре его снесли, и на этом месте появилось здание ТАСС. Бабушка мне покупала сто грамм конфет-подушечек, из которых я выковыривала пальцем повидло, и она сердилась на меня, что я не могу потерпеть до дома и облизываю на ходу пальцы, как невоспитанные дети. А она шла и глубоко вдыхала зимний воздух, всегда повторяя: «Ах, какой воздух!»

Последние годы ее жизни я от нее совсем отделилась, мне уже было с ней неинтересно, назидательные истории надоели, я стала ближе к отцу, и она очень ревновала, не скрывая своей к нему антипатии. Мы жили с ней в одной комнате, и у меня вызывали отвращение запахи чесночных капель и каких-то протухших мазей, которые она сама делала из кусочков спермацета, привезенного из Парижа еще до революции.

Только сейчас, и чем старше я становлюсь, тем больше я осознаю, какую роль в моей жизни сыграло ее воспитание и как мы с ней близки — прежде всего страстной, восторженной любовью к природе и жизненной потребностью в ней. Самое интимное и ранящее воспоминание, как она перед отъездом с дачи в Быково в августе 1950 года, зная, что это последний день ее жизни на природе (больше за город мы не выезжали), прощалась с деревьями, целуя и трогая каждое, и плакала, не зная, что я ее вижу.

Бабушка умерла 9 октября 1955 года, в приёмном покое больницы, от «атеросклероза», очевидно, от сердечной недостаточности. Мама говорила, что она уменьшила свой возраст в документах, как делали после революции многие, и ей было лет 75 или 76.

СЕМЬЯ ОТЦА

Чем дольше живешь, тем чаще приходит мысль: а что, если не было бы в России революции? И, соответственно, не было бы мировой войны и немецкой оккупации? Думаешь не о совершенно непредставимой картине состояния мира, а о своей семье. Вот жили себе люди, были у них родители, дети, тетки, братья. А потом все размело, развеяло, многие рано умерли.

В детстве мне казалось, что все меня окружающее только таким и может быть, и до шестидесяти лет я особенно не задумывалась, а каким было бы мое детство, если бабушка Клара Герцевна жила бы в Одессе, а мама не делала бы пластмассовых слоников и не шила пояса из кожзаменителя для артели инвалидов

Про семью отца я знаю совсем мало. Думаю, что и он знал мало, а говорил еще меньше. Мое детство, сороковые-пятидесятые годы, отделяло от убийства его матери и сестры лет пять — семь. Для него срок ничтожный, но понимаю я это только сейчас.

На прошлое тогда не оглядывались. Говоря о своей семье, папа употреблял одни и те же формулы: «отца звали Пейсах, он был богат». Ни гордости, ни стыда, ни интереса, ни грусти я в его голосе не слышала. «Торговéц», презрительно говорила о нем бабушка Анна Филипповна, делая ударение на последнем слоге.

Когда я просила рассказать про бабушку, Клару Герцевну, папин голос всегда заметно смягчался, нежнел, но казалось, что он ищет нужные слова в пустоте, и произносил одну и ту же фразу: «Она была очень добрая, очень нас любила. Очень хорошо готовила. Она погибла при немцах». Добавлял: «У нее было большое чувство юмора».

Мама добавляла более живые детали. Глядя на меня, она замечала с легким огорчением: «А, у тебя такие же жиденькие волосы на висках, как у Клары Герцевны». Что еще? У нее были толстые колени (мама не знала тогда, что и это я унаследую).

Она любила кормить детей, гостей, и всегда ей казалось, что еды мало. Наготовив на Маланьину свадьбу, в последний момент кто-то посылался в лавочку купить еще колбасы — вдруг гостям не хватит?! Это я тоже унаследовала. Я даже не знаю, сколько ей было лет, когда ее казнили. Не меньше шестидесяти четырех или шестидесяти пяти.

Папа родился в 1904 году, его старший брат умер от заражения крови после обрезания. Редкий случай, зловещий. Вместе с Кларой Герцевной казнили дочь, Викторию. О ней я тоже знаю только от мамы: «страшно застенчивая, все в ужасных веснушках». Вот от кого мои веснушки! Мама, блестящая, ослепительно красивая, бойкая («языкатая», или «цикавая» как говорили в Одессе) ничего больше не могла рассказать о Вите, молчаливой «старой деде под тридцать», «вечно с кошкой на руках». Нет, она говорила «с вечной кошкой на руках». В годы оккупации «она жила с румыном», что их на какое-то время спасало. Только когда румыны ушли, а в город вошли немцы, их схватили по доносу дворовых мальчишек («за две пачки папирос Казбек», дошли потом слухи). Их казнили — повесили за обман, за то, что они выдавали себя за караимов, а не пошли честно умирать с остальными евреями, когда было предписано. Надо еще добавить, что Клара Герцевна когда-то в ранней молодости училась в Германии и ни слову из того, о чем писали советские газеты, не верила. Она ждала «культурных немцев», которые несут освобождение от большевистского ига. Таких и среди евреев, а тем более, не евреев, было много.

Теперь я иногда представляю себе эту веснушчатую тетю Витю (почему это имя так было популярно в этом кругу?), которая впервые сошлась с мужчиной в годы войны. Нравился ли ей этот румын, о чем они думали в эти годы оккупации, как им было страшно, когда их схватили. На что и как они жили до войны? Не у кого спросить, а когда были живы те, у кого спросить было можно, эти вопросы у меня не возникали. Чем старше я становлюсь, чем больше прочитано воспоминаний евреев, переживших мировые войны, тем чётче мне

представляются последние часы жизни родных, погибших в Одессе.

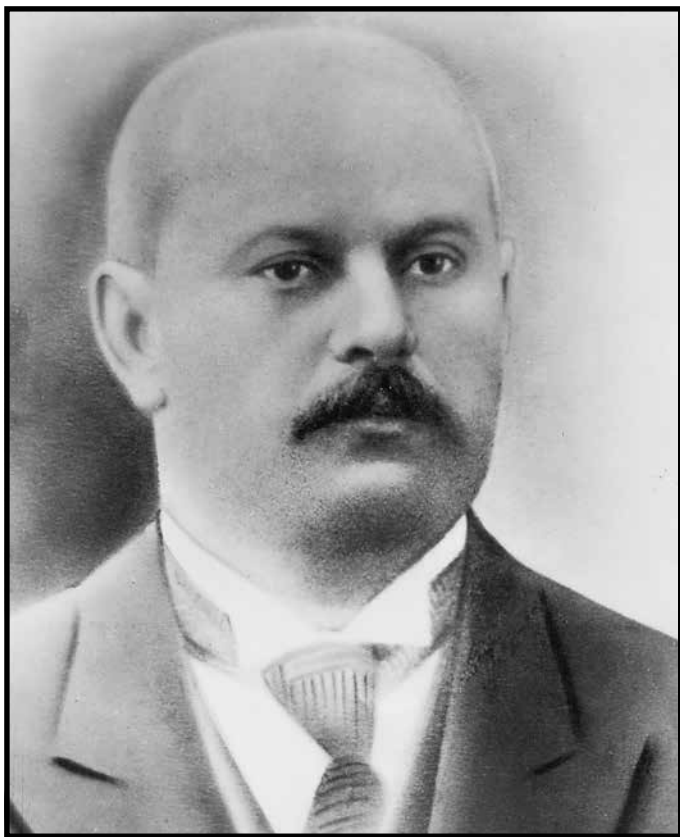
Отца моего деда, Пейсаха Койфмана, звали Лейб. Лейб Койфман жил в Сороках, имел одиннадцать детей, одного из которых звали Борис (Борух), а другого, моего деда, Пейсах (уму непостижимо, теперь только понимаешь, какое это близкое родство, вот как наш Мишенька Джеффри Саммонсу или Эрику Первухину). О других ничего не знаю. Кажется, они еще до революции эмигрировали в Южную Америку, по слухам, ограбив перед отъездом оставшихся.

Койфманы родом из южной Германии, куда попали после изгнания из Испании. Когда я была в Испании, мне казалось, что многие мужчины были похожи на моего отца, а один врезался мне в память сходством почти мистическим — невысокий, широкий, но ладно сложенный, похожий на папу обликом, профилем. Даже короткий плащ его напоминал папин. В восемнадцатом и девятнадцатом веке семья занималась торговлей скотом, перегоняли быков из Германии в Венгрию, Румынию, а потом осели в Бессарабии, жили в Сороках, где папа и родился. В Германии их фамилия была Кауфманы, но на юге «ау» произносится, как «ой». Так и стали Койфман, «торгаш», «торговец», как говорила бабушка Анна Филипповна.

Кажется, Лейб был «основателем рода» — он монопольно торговал по всему югу колониальным товаром, особенно специями. Характера был невыносимого, деспот, скандалист, впадавший в приступы бешенства. Если что было не по нем, срывал с накрытого к обеду стола скатерть — во гневе был страшен, его все в доме трепетали. Папа рассказывал маме (никогда мне), что его отец, Пейсах, был тоже очень вспыльчив, устраивал скандалы и кричал на домашних. Поэтому папа поклялся себе никогда не повышать голоса. И действительно, он всегда говорил негромко, никогда не спорил, на мамины мелкие упреки отмалчивался. Несколько раз я видела, как он выходил из себя, это было особенно страшно, потому что так редко, но он быстро брал себя в руки и опять замолкал.

А про Пейсаха я знаю только то, что он умер от тифа в девятнадцатом году, и есть у меня его фотография — лысого господина в пенсне. Он женился на одной из сестер Бергер, якобы известных в Одессе богатством и некрасивостью. Все «хорошо вышли замуж». Знать бы на тех свадьбах, чем дело кончится. Отец их, Герц, Герцель Бергер, а имени матери, моей прабабки, я не знаю и никогда ничего о ней не слышала (а, может быть, я на нее похожа?!)

Шура Койфман, папин кузен, на отца моего не был похож, а на его голубоглазого брата Мирона похож. В отличие от Мирона — Морица, как его звали в доме по имени героя известной всем мальчикам того поколения книжки «Макс и

Пейсах Койфман

Мориц», ушедшего из дома в тринадцать лет и едва грамотного, Александр был способен к наукам, стал во Франции врачом рентгенологом. Я никогда не видела семьи, в которой был бы такой культ родителей, как в семье Шуры.

История их эмиграции интересна. Его отец, Филя, был хорошим инженером и работал успешно в каком-то советском учреждении, был, как тогда это называлось, «спец», то есть специалист, получивший образование до революции. А его мама, родом из города Белая Церковь, который она до конца жизни считала эталоном культуры, была простая еврейка, очевидно не такая глупая, какой она показалась моей маме при знакомстве в 1972 году. Кажется, ее звали Сарра, а сестру ее, тихую шизофреничку, звали Етка. Так вот эта провинциальная мама довольно скоро разобралась в том, что собой представляет советская власть и стала требовать, чтобы семья эмигрировала. А было у них уже два сына, мысль об их будущем ее подталкивала. Филя ни за что не хотел уезжать, он занимал привилегированное положение и любил свою работу. Тогда Сарра написала заявление и оформила все документы на эмиграцию, подделав подпись мужа. Это было в разгар НЭП'а. Ему ничего не оставалось, как уехать — не выдавать же жену. Ее непременно бы посадили, если бы узнали, что подпись поддельная.

Во Франции Филя неплохо устроился, дети получили образование. Лева стал инженером, Шура врачом. Он никогда не забывал ничего, что сделала для него мать. Особенно он гордился тем, что пока он учился, она пекла пирожки на продажу, а когда он открыл медицинскую практику, ходила по улицам и совала прохожим рекламку его рентгеновского кабинета. Потом он женился на необычайно красивой француженке, католичке Дениз. Он и сам был весьма хорош собой. Бедная Дениз всю жизнь прожила в одном доме с его мамой и сумасшедшей тетей. Шура всегда брал их с собой в театр, в ресторан, в отпуск... Хорошо, конечно, что он их не стеснялся, не обращая внимания на их странный вид. Они отказывались расстаться с пальто, привезенными из России. Сарра ходила в дорогой ресторан в шинели и каких-то

страшных ботинках, а Етка вообще могла стоять часами лицом к стене.

У Дениз и Шуры двое сыновей, Жак (Яша) и Пьер. Жак преподает в гимназии английский, Пьер врач на Мартинике. Оба красавцы неописуемые, особенно Жак, на которого все оглядываются на улице. Он так красив, что на него без смеха нельзя смотреть. Кажется, что в реальной жизни таких не бывает, только на экране. Но они так же глупы, мелки и жадны, как феноменально красивы. Оба сына не женились. Жак остался жить с родителями, не из родственных чувств, а из экономии. Интересуют его только водные лыжи. Пьер тоже не женат, не порадовал стариков внучатами. Ничего общего с родителями у них нет. Больше всего на свете они любят серфинг и стараются устроить свою жизнь таким образом, чтобы уделять этому занятию все свободное время. Они, как полагается, левоватые, но не по глубокому убеждению, а «как все».

Шуру больше всего волнует судьба Израиля, хотя он, кажется, в жизни не вошел в синагогу. Он был в Соппротивлении, как и Лева. Лева воевал, написал интересные воспоминания о своем побеге из немецкого плена. После войны он оставил свою британскую жену и уехал в Палестину, воевал во время образования государства, прокладывал дороги, вообще до конца оставался пламенным сионистом. Естественно, был глубоко разочарован в нас, когда мы уехали в Америку. Шура рассказывал, как они сидели в кафе и мимо шли ортодоксальные евреи в своих черных кафтанах, белых чулках, с пейсами, и Шура сказал о них что-то презрительное. Оба они совершенно нерелигиозные. И Лева ответил, что вот эти на вид полусумасшедшие ортодоксы сохранили народ, и без них евреев на земле не останется. Это соображение кажется мне очень важным.

ОТЕЦ

Помню совершенно отчетливо, как однажды, рассказывая о своем детстве, папа сказал, что у евреев есть одна самая главная молитва, которую он знал с детства, и произнес целиком, с непередаваемым выражением торжества и смущения: «Шма, Израиль!» О религии у нас в доме никогда не говорили, но и папа, и, особенно, бабушка пересказывали мне библейские истории, впрочем, так же, как и греческую и римскую мифологию.

Удивительно, я так ясно вижу, как отец сидит наискосок от меня на тахте, вижу его глаза, выражение лица... У него были большие, карие, скорее веселые, чем «типично» еврейские печальные глаза. Небольшой, красивой формы рот, крупный, еврейский, хотя чуть вздернутый, нос, красивые уши, правильный овал лица. Я не помню его с шапкой курчавых волос, как на ранних фотографиях. Его всегда загорелая лысина казалась мне очень милой, и я любила ее целовать. Роста он был среднего по российским меркам, кажется 1м 75см.

Как он хорошо рассказывал! У нас в семье все умели интересно рассказывать, но все по-разному. Любил он меня невероятно. Я всегда чувствовала, что для него никого нет на свете важнее и интереснее меня. К сожалению, так это и было. Мама и отец жили дружно, мирно, и оба были безнадежно несчастливы.

Что он рассказывал? Когда он был маленьким, у него была астма. Врачи сказали, что ребенку нужен свежий воздух и хорошее питание. Родился он в 1904 году, значит, это был 1909 или 1910 год. Они жили в большой квартире в Одессе на Пушкинской улице, прямо напротив музея. По совету врача больному ребенку выделили самую большую комнату в этой квартире, вынесли всю мебель, только кровать стояла посередине. И самое ужасное, давали пить теплое молоко с разведенным в нем свиным салом! Очевидно, чем страшнее, чем более треш было снадобье, тем больше надежд возлагалось на его целебную силу. Несмотря на лечение,

ребенок поправился (поклон Толстому.) Судя по его рассказам о чудовищном кашле и по тому, что «астма» никогда не возвращалась, это была не астма, а коклюш.

Когда я была в Одессе в 1958 году, в этой квартире была редакция какой-то газеты. Почему мне даже в голову не пришло туда зайти? Я никогда не спрашивала и мне никто не рассказывал, как и на что Клара Герцевна и Витя жили там после революции и до войны, где жили, когда им пришлось уйти и скрываться. Я только знала, что они переехали в другой район, выдавали себя за караимов, даже узнали от кого-то о моем рождении, и почти было дождалось прихода Красной Армии, пока их не выдали немцам. Мне тогда казалось, что все это было бесконечно давно, и что никто ничего не знает и не помнит. Мальчишкам этим должно было быть тогда под тридцать, и я могла с ними пересечься на улице или на базаре.

Папу отдали не в гимназию, а в Николаевское Коммерческое училище. Почему не в гимназию? В гимназии еврейская норма была 5%. Шли по пути наименьшего сопротивления, что характерно для нашей семьи. Впрочем, хотя училище давало образование не такое хорошее, как гимназия, но лучше, чем современный университет. Во всяком случае, он читал и немного говорил по-французски, помнил какие-то классические монологи на латыни, а историю и литературу знал и, главное, помнил великолепно. Папа мне рассказывал, как он шел по улице и читал «Дон Кихота», при этом так хохотал, что с размаху налетел на столб. Бывало это с ним не раз. И со мной случалось. Он всегда смеялся вслух, когда читал смешное. У него был на редкость хороший природный литературный вкус. Помню, как он читал, иногда немного про себя подвывая, в ритм читаемой прозы или стихов.

Он мне никогда ничего не запрещал читать, только почему-то увидев у меня в руках «Джейн Эйр» сказал, что незачем читать эту пошлятину. Пришлось мне эту «Джейн Эйр» прочитать раз десять, поскольку была не рекомендована. Узнав об этом впоследствии, он удивился, что я приняла его замечание как запрет. Да, еще не велел мне читать «Моль Флендерс», которую постигла бы та же участь, что и роман

Шарлотты Бронте, если Дефо не был бы настолько для меня скучен, что я его осилила раза два, не больше. Читала я обычно в постели, вечно болея или притворяясь больной. Помню, как он вошел, и я в ужасе сунула книгу между стеной и кроватью. Почему в ужасе? Не знаю, меня никогда не наказывали, но какая-то я всегда была трусливая.

Папа обожал Гоголя и Пушкина. Почему-то особенно он любил «Тараса Бульбу», во всяком случае, помню, как он читал мне куски оттуда. Тарас Бульба был особенно любим этим поколением одесситов — Багрицкий, Ильф, папин двоюродный брат Остап Шор. Я думаю, что, не обладая развитым чувством своего еврейства, они себя не «идентифицировали», как сейчас говорят, с убиваемым Янкелем в белых чулках (и напрасно...), а наслаждались яркостью и буйством описаний казачьей жизни. Может быть, конармейский восторг Бабеля идет отсюда же. Папа читал Гоголя постоянно, подсовывал мне его «Вечера» и «Мирго-

Я с папой и с собакой Крезом

род», но я полюбила больше «Мертвые души», «Портрет», «Записки сумасшедшего». А он обожал у Гоголя все.

Когда я была совсем маленькой, папа играл со мной в «детский зверский сад». Все тахтовые подушки были зверями, а жесткий валик из старинного афганского коврика был тигром. Теперь понимаю, что коврик, привезенный из ташкентской эвакуации, был, наверное, молитвенным ковриком. И уже тогда самым смешным для меня в игре был каламбур: «зверский», то есть из и для зверей, и зверский, то есть «свирепый». Папа катал на спине не только меня (он был «слоном»), но и моих подружек, класса так до пятого. Главное, что я чувствовала, что он не просто играет со мной, занимает меня, а что ему самому смешно и интересно.

Трудно поверить, но Светка Воронова до сих пор вспоминает с умилением, как он сажал нас на спину и шел на четвереньках, рыча, по комнате. А ее перевели в нашу школу только в пятом классе! Не могу не добавить: Светка Воронова, по школьной кличке

«Ворона», а по жизни Светлана Романовна Привальская, умерла 2 июня 2018 года. Она была старше меня на восемь дней.

Отец разговаривал со мной, как со взрослой всегда, даже в игре. И беседовал на разные темы. Теперь я понимаю, в каком смятии он пытался уяснить себе происходящее. Свободно можно было говорить только с Остапом Шором, циничным, честным, полусумасшедшим. Папа рассказывал мне историю Рима, ища и находя страшные параллели. Что такое проскрипционные списки Суллы («враги народа?»), кто такие клиенты (профсоюзы?), что такое преторианцы (НКВД?), рассказывал о Герострате, о Спарте и Афинах, часто упоминал, как Катон неустанно повторял: «Карфаген должен быть разрушен». В римской истории он пытался найти объяснение сталинскому террору, лъстивому заигрыванию с «массами», привилегиям номенклатуры, цинизму власти. Рассказывал про Нерона, Калигулу. Мне тогда было лет десять. Рассказывал, что имел в виду Генрих Наваррский, когда сказал, что «Париж стоит обедни». А потом пересказывал Маккиавели, уже я была

постарше, лет мне было тринадцать. Мысль его вертелась в одном кругу — было ли в истории что-нибудь подобное? Память у него была исключительная. Но он признавался, что всегда был ленив.

Семейная шутка, якобы из его дореволюционного детства: «Мишенька, кем ты будешь, когда вырастешь? — Я буду рантье, я хочу стричь купоны». Поскольку его отец был купцом, папа стал «лишенцем», то есть не имел права поступать в высшее учебное заведение. Тем не менее, большинство наших знакомых получили формально высшее образование. В конце двадцатых годов он ходил сдавать за знакомых экзамены в институтах, но сам так никогда никуда не поступал.

Году в двадцать девятом или тридцатом он переехал в Москву, где, как я думаю, по протекции Остапа Шора, дружившего с Ильфом и с Катаевым, работал в газете «Гудок». Но очень скоро ему пришлось уйти. Дело было так (если это не апокриф): в один прекрасный день его вызвало начальство и посоветовало взять псевдоним. Он сговорился еще с несколькими сотрудниками, и они подготовили номер, подписав все статьи «Иванов 1», «Иванов 2», «Иванов 3». Вряд ли этот номер вышел, но папе пришлось уйти. Никогда больше он не поддерживал отношений с людьми этого круга. Вообще избегал общения с успешными, интеллигентными, не только с людьми более высокого социального статуса, но даже с равными. У него не было близких друзей, во всяком случае после переезда в Москву, хотя он был очень обаятельным, привлекал к себе людей, к нему все ходили советоваться. Что это было? Гордость, прежде всего. Оскорбленное достоинство — не чем-то конкретным, а всем строем жизни.

В Одессе он дружил с Витей Павловским, который эмигрировал во Францию и там женился на папиной сестре Анастасии, Тасе, которая тоже эмигрировала в начале двадцатых. Почему он не уехал? Кажется, из той же гордости, думая, что здесь он и умен и хорош, а во Франции, без профессии, никому не будет нужен. Он объяснял свое решение остаться ленью, а мне кажется, что это была скорее депрессия, слабость воли, неуверенность в себе. Может быть, он не хотел бросить

мать. Словом, то, что сейчас называют «комплексы». Его последние слова, обращенные ко мне в больнице, были: «Учи французский». Об Америке или Израиле тогда, в 1968 году, мы и не мечтали. А во Франции у нас были родственники, и он может быть надеялся, что когда-нибудь я смогу туда попасть. Хотя, вернувшись из Франции, он сказал мне: «Я не хотел бы, чтобы ты поехала во Францию. Ты не вынесешь возвращения».

После «Гудка» папа работал экономистом. Какое-то время он вообще не работал, кажется, году в 1937 просто сидел дома, чтобы нигде не числиться. Мама училась в Юридической школе на юрисконсульта и шила галстуки. Как-то пришли с обыском, не к ним. Думали, что они прячут что-то соседское. Чекист удивился бедности. У них не было ничего. Шкаф пустой. Все обошлось. Потом папа устроился на должность «экономист-плановик». Что это такое, объяснить невозможно. Как я теперь понимаю, эта работа олицетворяла эффективность социалистической экономики. В разных местах он проработал на подобных должностях до конца жизни.

В 1940 году он служил экономистом в министерстве путей сообщения, носил что-то вроде формы. Тогда же его послали в командировку в только что оккупированную Польшу, мама потом к нему приехала. В Польше ее поразили ортодоксальные евреи, ничего подобного она в советской Одессе и Москве не видела. Соблюдение кошера вызывало у нее иронию и удивление. Когда в 1997 году я упомянула ее пребывание в Польше, в Пинске, она уверенно отрицала этот факт, через несколько дней она сказала, что имя Марины Цветаевой ничего ей не говорит. Только тогда я поняла, что моё возмущённое, «мама, что ты говоришь?», которым я последние годы пересыпала наши разговоры, тоже не имеет смысла. Мама быстро теряла память, но до самого конца сохраняла чувство юмора и, неожиданно, благодарности всем, кто о ней заботился. Мы с ней встретили третье тысячелетие по московскому времени. 17 июля 2000 года мама умерла.

Несколько лет папа работал в Промбанке на Тверском бульваре, там я впервые постукала пальцем по пишущей машинке. Это было, наверное, осенью сорок шестого года, не позже,

потому что к сорок седьмому он уже давно не работал. Устроиться евреям на работу было в эти годы в Москве невозможно. Тогда-то Борис Суховерко, «русский, член партии», сам недавно поехавший на строительство железной дороги Воркута — Инта, предложил папе приехать в поселок Абезь, тогда центр управления лагерей.

После возвращения в Москву осенью сорок восьмого года папа еще почти год не работал, жили на заработанное в Абези и на маминых слониках. Наконец, ему удалось устроиться начальником планового отдела в институт проектирования предприятий молочной промышленности, Гипромолоко. Находился он где-то на Басманной. Класа до восьмого папа провожал меня в школу, а сам шел на работу пешком, с Никитской до Басманной, в любой мороз пешком. А потом пристроил и меня туда корректором в 1958 год, когда надо было зарабатывать трудовой стаж для поступления в институт. Контора наша находилась на Софиевской набережной, напротив Дома Правительства, в подвале жилого дома. Начальником моим был Лазарь Моисеевич Циперович, а папа к тому времени перешел в родственное учреждение, Гипромясо. Он не сидел, не был на фронте по возрасту, не томился на партсобраниях, но он прожил унижительную, оскорбительную для человеческого достоинства жизнь, полностью это осознавая. А самым большим разочарованием стала для него я. Он не мог понять, почему я, такая, по его мнению, умненькая и живая, так плохо училась, общалась с какими-то явными, как сейчас говорят, мисфитами (а было ли такое понятие в наше время? Даже приблизительного слова не найду), так отдалилась от родителей, а главное, вступала в такую же серую и убогую жизнь, какую прожил он. Даже детей я не хотела иметь, о чем ему успела сообщить, к его большой печали. Отец умер в шестьдесят четыре года, мне тогда исполнилось двадцать пять. Если бы верить, что он знает, что произошло с нами после его ухода: Ася! Америка! Моё профессорство, внуки, два мальчика и две девочки... Даже конец советской власти он еще мог бы застать...

МОРИЦ

Младший брат отца, Мориц, был на него ничем не похож. Крепкий, красивый, голубоглазый, очень здоровый — он рано и навсегда отказался учиться. В двенадцать лет он выбросил приходящего на дом учителя древнееврейского языка в окно. В тринадцать лет женился. В шестнадцать у него родился сын Павлик, которого потом убили бандиты. Читал и писал Мориц еле-еле, на уровне расписаться. Но басню «Ворона и лисица» (Maître Corbeau, sur un arbre perché) помнил по-французски и читал наизусть, когда приезжал к нам в пятьдесят девятом году. Не целиком, правда. Мориц организовал в одесском порту артель лудильщиков паровых котлов. Впоследствии его сыновья, Сергей и Игорь, работали с ним вместе. Все парни красавцы. Женат Мориц был на Оле, молочнице. Кажется, чуть ли не с тринадцати лет, с ней и прожил до конца жизни. Во время оккупации она носила Кларе Герцевне молоко, еще как-то помогала. Все, что я знаю о гибели Клары Герцевны и Вити, а также маминых родных (Берты Фридман, тети Бети; Дмитрия Фридмана, дяди Мити) идет от Оли. Насколько ей можно было верить, другое дело.

Мама и Мориц друг друга на дух не переносили. Во время войны Мориц раздобыл справку об инвалидности, войну провел в Ташкенте, умел симулировать эпилепсию, торговал на базаре. В дни моего зачатия все жили вместе в одной комнате — мама, папа, бабушка, мамина тетя Аничка, ее маленький сын Вадик, и Мориц. Потом в Москве, когда Мориц увидел меня новорожденную, он с изумлением сказал: «Да, ничего не скажешь, койфмановский ребенок. Кто бы мог подумать?!» Он был уверен, что мама изменяет мужу на каждом шагу и ребеночка прижила от сослуживца по фамилии Аптекарь, который, кажется, действительно за мамой ухаживал. Мориц был слащаво-сентиментален, жесток, лжив, предан своей семье, любил, чтобы «было красиво». В те же военные годы (или сразу после войны) Мориц крестился — для безопасности и благообразия. Дом в иконах, кровать с

подзором, цветы бумажные. Жили они в собственном доме, на Слободке. Когда я попала в их поистине слободской дом, увидела этот экзотический быт, попробовала еду, немыслимо вкусную, какую-то особенно домашнюю — Оля, как и мама, научилась готовить у Клары Герцевны — я пришла в восторг. А это южное, пылкое, распевное гостеприимство! Как трудно за ним разглядеть свирепую жестокость, так отстраненно описанную Бабелем.

В 1958 году зашли мы с мамой в дом, где она провела детство, в Малом переулке. В квартиру, ставшую коммунальной, мы не заходили, я только восхитилась застекленной галереей, шедшей вдоль всего второго этажа. А в квартиру на первом этаже зашли. Там жила та самая дворничиха, что не пустила тётю Бетю погреться. Как она обрадовалась, увидев маму! «Лидочка, всё такая же красавица! И дочечка совсем большая, такая же, как мама, красивая. Заходите, надолго ли к нам в Одессу?» С таким тёплым радушием она нас приветствовала! Мы постояли в дверях, взрослые обменялись ещё какими-то любезностями, а когда мы вышли, мама сказала: «Этажерка у нее стоит наша. И стол».

Мориц умер, кажется, в самом начале шестьдесят восьмого года или в конце шестьдесят седьмого, папа ездил на его похороны за несколько месяцев до своей смерти. Он впервые поехал в Одессу после войны, а может быть и впервые после отъезда оттуда в конце двадцатых. Почему я не поехала с ним?! Каково ему было быть там в эту поездку?

О своих эмоциях папа не рассказывал, но красочно описал похороны. Хоронила Морица «вся Слободка», гроб несли на руках, сыновьям гроб нести не полагается, несли соседи. Отпевали в церкви, потом служили на пути к кладбищу. Поминки были шикарные. Когда 29 ноября умер папа, у нас ничего подобного не было. И быть не могло. Мориц принял целиком другую традицию с ритуалами, эстетикой, понятиями, укладом. Мы ничего не имели — ни традиций, ни понятий, ни уклада.

Знакомая врачиха, Сусанна, циничная прожженная хапуга, требовала, чтобы умирающих везли в больницу - «дома уми-

рать тяжело для окружающих». Так она заставила маму отвезти бабушку в больницу, где она умерла в приемном покое, а теперь категорически настаивала, чтобы папу отвезли в Боткинскую, хотя он умолял оставить его дома, был в совершенно ясном сознании. Еще в мае страшного шестьдесят восьмого года он ходил с мамой пешком по Парижу — транспорт не работал, все бастовали, а они покупали шубы, обувь, тряпки, чтобы собрать денег нам с Эриком на квартиру. Он уже очень плохо себя чувствовал, и там ему сделали все анализы, но, видимо, решили не говорить, что у него рак костного мозга. Когда мы с Эриком вернулись в начале сентября из Коктебеля (21 августа танки вошли в Чехословакию), папа еще встречал меня на вокзале и удивился, что я разбираюсь в политических событиях. А 15 октября он подарил мне французские духи Жоу, которые купил по секрету от мамы, самые дорогие и модные духи того года.

К концу октября его положили в больницу на Пироговке, в светлую, большую палату, которую он делил с молодым парнем, который умирал от какой-то почечной болезни.. Парень успел похвастаться, как их прямо от станка или еще откуда-то привозили на процесс Синявского и Даниэля, где они выражали народный гнев, вполне искренне. Эти несколько дней наедине с умирающим кретином были папе очень тяжелы. Выписали папу довольно быстро, как только поставили диагноз. 27 ноября мы его все-таки отвезли в больницу, хотя он все время повторял и умолял, чтобы ему дали умереть дома. В больнице его положили в коридоре, но на другой день перевели в палату, где он ночью и умер. Без нас. Мы ушли домой спать. Утром я вышла в первый день на работу в издательство «Прогресс», еще успела сказать папе, что меня взяли на работу, редактором, в издательство, и удивилась, не увидев в его глазах ни радости, ни интереса. Ему сделали укол какого-то снадобья, от которого боль ушла, и он сам стал уходить от нас, а мы радовались, что ему стало лучше. Не ему, это нам стало легче. Видеть чужие страдания неприятно.

Мой рабочий день начался с того, что нас всех, молоденьких сотрудников, попросили спуститься в помещение столовой, где стоял гроб какого-то начальника, который надо было украсить елочными ветками. Когда я вернулась в комнату, позвонила наша родственница. На мой вопрос «папа умер?» она ответила «да». Шел сильный снег, метель. Мы не сидели шива, никто не плакал, у меня ломило в груди (как потом в жизни бывало часто), но плакать я не могла. Приходили знакомые, шел пустой, пристойно сдержанный разговор. Через несколько часов пришла мамина приятельница Ила Баруцкая, журналистка, жена поэта Рувима Морана, рассказала об очаровательном новом мультфильме под названием «Чебурашка». Была Розалия Ильинична Ровенская, художница, недавно овдовевшая. Наверное, было много других интеллигентных дам. Стали обсуждать современное кино. Так у меня навсегда и связались эти сведения про Чебурашку с похоронными днями.

И вдруг звонок в дверь. Открываю. На пороге стоит Оля, вся закутанная в платки, за ногу держит огромного свежесоципанного петуха, рядом сын Сергей. Они ожидали воя, рыданий, бешеной готовки на кухне к поминкам. Ничего этого не было. Как им наверное было отвратно на нас смотреть!

Похорон я почти не помню, все организовал Остап Шор. Он сказал, чтобы хоронили в обычном костюме, а не в новом французском («все равно снимут»), что он договорится, чтобы похороны оплатила папина бывшая контора «Гипромясо» (так и сделали, поэтому гроб был обит красной тряпкой), велел кремировать, а не хоронить («урну захороните на Ваганьковском, у вас там участок, а сейчас земля промерзла, а золотые коронки все-равно вырвут»), а мы, как овцы, в каком-то ступоре, на все это согласились. Почему-то мне тогда казалось правильным, чтобы его сожгли, тем самым как бы объединяя с теми миллионами, которые тоже ушли дымом. В крематории было много провожающих, первые покойники собирают большие толпы, это глубоких стариков некому хоронить, а уж на чужбине особенно. Я ничего не соображала, никого не поблагодарила, ни с кем словом не обменялась.

Больше всего меня мучило, что мы не попрощались, что нас не было рядом, мне хотелось только еще раз увидеть его лицо, а оно было совершенно искаженное, неузнаваемое (коронки, наверное, действительно, вырвали. Ну, тем более соединился с теми, что в Аушвице-Биркенау). Вернулись домой. Это было 2 декабря, зима, глубокий снег. Мы-то не русские, не евреи. Помним, что поминки, вроде, не полагается. А люди замерзли, устали. Оля, тем временем, наш позор прикрыла, наготовила вкусной еды, все сели за стол, помянули, поели. Посмотрев на маму, одесские Койфманы решили, что она не засидится, сразу «найдет себе». Когда мы через десять лет уезжали, они с удивлением и уважением отметили, что «Лида после Миши жила только для дочери».

ПАПИНА СЕСТРА ТАСЯ ПАВЛОВСКАЯ

Тася, папина сестра, эмигрировала во Францию в двадцать шестом году и вскоре вышла замуж за папиного школьного товарища Витю Павловского. Как это, наверное, было утешительно встретить в эмиграции почти родного человека, с общим одесским прошлым. Лет тридцать никакой связи не поддерживали. Даже ее фотографии у нас не было, но была переданная с кем-то фотография Николь, родившейся в 1940 году. Рассматривая семейный альбом, переплетенный в серый холст, с твердыми страницами, на которые были наклеены фотографии (сколько альбомов нужно было бы теперь для всех фотографий, сделанных за последние тридцать американских лет!) я видела маленькую девочку в кудряшках и с бантом и слышала: «Это Тасина дочка. Они уехали во Францию». Звучало совершенно как «они давно умерли». Связь с Тасей и ее семьей возобновилась в конце пятидесятых.

Им повезло: Тася пережила войну в Лионе и не была «депортирована», как те, кто не сумел бежать из оккупированной зоны и погиб в лагере. Витя был в армии, поэтому после войны они получили гражданство. Скрывая свое русско-еврейское происхождение, говорили только по-французски. Поэтому Николь совсем не знала русского, а когда уже взрослой пыталась им заниматься, очень удивлялась, что все предложения в ее учебнике начинались словами: «товарищ Иванов». Мы получили от них письмо, потом посылку, и наконец, Тася сообщила, что приезжает. Это была одна из первых туристических поездок в СССР, какая-то профсоюзная женская группа, состоявшая из русских и польских евреек, дружба между которыми завязалась, когда они спасались в Лионе, в «свободной зоне».

Итак, мы ждем приезда возникшей из небытия Таси — француженки, иностранки! Я не способна передать, как мы готовились к ее приезду. Подготовка шла несколько месяцев. У нас была старинная, антикварная мебель, пережившая пожар Москвы, восстание декабристов, Освобождение

крестьян. Переходила, очевидно, из поколения в поколение. Потом она пережила революцию. Но сталинских чисток она не пережила, оказывалась в комиссионных магазинах, где мама ее и выискивала (а иногда и просто на помойке, как старинный комод, стоявший у нас в коридоре.) Был туалетный стол начала девятнадцатого века, шифоньер совсем старый, «крепостной работы», конца восемнадцатого — начала девятнадцатого века, многоуважаемый книжный шкаф «с орешком», «николаевский» — всё красного дерева, «с пламенем». Несколько позже был куплен диван с выпуклого красного дерева спинкой, удобный, обитый старинным зеленым шелком, роскошный — особенно после того, как из него вывели клопов. Все это стоило дешево, намного дешевле новой, современной и модной мебели рижского производства. А страсть к старинной мебели моя мама унаследовала от своего отца.

Так вот, времена были еще патриархальные. Мама нашла краснодеревца, из бывших, который всю эту мебель перетер, снял старую полировку и навел новую — работал, как в девятнадцатом веке, месяца два-три, все руками, без всяких лаков. Отциклевали паркет. Сияли на шифоньере позолоченные бронзовые часы, подарок Клары Герцевны. Надо помнить, что квартира была коммунальная, наших две комнаты, у соседа Володи Бабичева, полотера и алкоголика, одна.

На вопрос, что Тася ест, она написала, что после операции рака почки в середине сороковых годов (он ее догнал и убил в 1967), ей нельзя есть омаров, а все остальное можно. Она, конечно, шутила, но на нас эта шутка произвела ошеломляющее впечатление. Надо же, омаров ей нельзя! Купили курицу — удивить и порадовать француженку. Не были уверены, что теперь у каждого француза есть курица в супе. Какая она? Француженка... Наверное, ослепительно-элегантная. И вот, мы с мамой сидим дома, ждем, а папа едет за ней в гостиницу. Приезжают, поднимаются на наш третий высокий без лифта этаж, короткий звонок, бегу открывать. Вошла невысокая дама, в строгом синем костюме с агатовой брошкой, с большими (койфмановскими?) кари-

ми глазами, сильно запавшими (как к старости у папы и у меня). Вошла, огляделась и сразу сняла все напряжение, всю торжественность. Она так просто держалась, так была рада, весела, так знакомо, понятно, ядовито шутила и над нами, и над собой. Меня поразило, что с первого взгляда я испытала отчетливое, совершенно новое для меня чувство родства. Через много лет после ее смерти я приезжала к Николь в Бордо на несколько дней. Решила им приготовить обед. Сделала утку с айвой. Когда я начала двигаться в кухне, раскладывать продукты и специи, Николь с изумлением сказала: «Ты так похожа на маму! Одинаковая манера, движения, как будто она готовит!»

Потом, на другой день, был парадный обед. Пришли все родственники — Мориц приехал из Одессы, Аничка из Куйбышева (Самары), ее старые подруги и французские спутницы. Все глаза были сосредоточены на иностранках. Тася все пробовала, уважая наши дикие обычаи обжорства, пила «изысканные» вина, которые папа доставал загодя к ее приезду. Она рассказала, что вообще с одной почкой ей пить не следует, но на случай поездки в Россию врач дал ей какое-то лекарство «от алкоголя». Существование подобного лекарства произвело сильное впечатление. А вообще она, как все Койфманы, могла пить сколько угодно, не пьянея. И папа, если пил, мог выпить литр водки, я сама видела, как он один раз в жару пил со знакомыми в Крыму, но он никогда не пьянел, только делался веселее. Пил он, конечно, крайне редко.

И вот сидят за столом все ее родственники и друзья. Подруга, тоже Витя, видно это имя было модно в Одессе в первое десятилетие века, приехала из Ленинграда. Она привезла в подарок толстенную книгу по истории Ленинграда, там было и про Путиловский завод, и про Кирова, и про Жданова. Интересная книга, правда без картинок, но с фотографиями руководителей страны и членов ленинградского обкома. Я ее хорошо помню, потому что Тася, конечно, не стала тащить во Францию этот толстенный том, так он и валялся у нас до самого отъезда. Сидят все, кроме моих родителей и самой Таси с подругами, скорбно-многозначительные, серьезные,

торжественные. Мориц вспоминает, как Тася послала ему в 1929 году шелковые трикотажные кальсоны: «Тасенька, я их не носил. Я хочу, чтобы меня в них положили в гроб». — «Мориц, ты уже из них вырос! Я тебе пошлю другую пару». Мориц высокий, здоровенный, могучий — в шелковых кальсонах его так же трудно себе представить, как и в гробу. Тася потрясена тем, что ее веселая, остроумная, живая подружка Витя превратилась в мрачную советскую патриотку в длинном габардиновом плаще. Тасины французские приятельницы, все за пятьдесят, страшно веселятся, подшучивают друг над другом, смеются. «Наши» за столом не смеялись — «А чего радоваться?» В это мгновение я поняла — там жизнь, здесь смерть. Не благополучие ее меня потрясло, а отсутствие уныния, печати унижения, робости, того, что объединяло всех нас, советских людей. Витя, Тасин муж, был управляющий маленькой фабрикой по разливу оливкового масла в Нанси, она не работала. Когда я в семьдесят третьем году увидела их квартирку в панельном доме, я удивилась тому, как скромно они жили, но только теперь я понимаю, как дорого было для нее совершить эту поездку, одарить всех знакомых, а нас «одеть во все заграничное».

НИКОЛЬ ПАВЛОВСКАЯ-ДЮПОН

В конце семидесятых в Россию приехала Николь Дюпон, дочь Таши. Сначала приехали в Ленинград, потом в Москву, а потом в Одессу и вернулись через Болгарию или Югославию, не помню точно. По передачам «Голоса Америки» я представляла себе, что едут они в специальной машине для семейных путешествий, с прицепом вроде вагона на колёсах. Оказалось, что ехали они на маленьком Ситроене через всю Европу — муж Николь, Гастон Дюпон, и трое детей — Клэр двенадцати лет и малыши Лоран и Жером. В Ленинграде они остановились на квартире наших знакомых, где-то в Купчине. Я там их встретила. Больше всего их поразило, что в кемпинге, где они останавливались, с веревки украли детскую одежду. А меня восхитило то, что Гастон на все имел один ответ: «*pas de problème*».

С Николь мы переписывались многие годы. В 1993 году, уже из Америки, я приехала во Францию и видела их всех в последний раз. Дочь Николь, Клэр, смуглая темноглазая девушка, окончившая отделение международной юриспруденции в Швейцарии, еще с первой поездки в Россию, когда ей было лет двенадцать, познакомилась с молодым человеком, за которого теперь, в двадцать восемь лет, вышла замуж. За эти годы молодой человек женился, развелся, у него была дочь лет восьми. Когда я получила приглашение на свадьбу, на котором был нарисован силуэт жениха, я нашла его внешность отталкивающей. Но и Клэр не была красавицей, хотя в ее облике ничего неприятного не было.

В Париже я остановилась сначала у дяди Шуры, папиного кузена, в его доме на улице Пастера, остановка метро Robinson. Стены моей комнаты были обиты темно-зелёным ситцем в цветочек, ставни на ночь закрывались. Было уютно и очень душно. Потом я переехала в маленькую гостиницу прямо в Пале-Рояле, очень близко от Национальной библиотеки. Лифт был на одного человека, старинный. Я жила на последнем,

шестом этаже. В окно были видны крыши Парижа. Я каждый день ходила в Библиотеку. Французским языком я почти не владею, объяснялась на английском.

Потом я поехала в Нанси, где имела быть свадьба. Итак, это был 1993 год. Жених был из «новых русских», он приехал на машине BMW, то есть на «иномарке», с мамой, работавшей в фонде Горбачева, и дочерью. На другой машине приехали охранники. На третьей машине его друзья. Быстро выяснилось, что с его мамой мы учились в одной, 131 школе, правда, она была меня постарше.

Для свадьбы была снята старинная ферма, где теперь проходили подобные церемонии. Находилась она за городом, среди лугов и рощ. Дело было в середине дня.

Французские родственники со стороны отца Клэр, Гастона Дюпона, были и сами похожи на фермеров или рабочих, хотя, как я помню, многие из них были, как и Гастон, физиками, химиками, и прочими технарями. Они пришли в соответствующей сельской местности одежде: спортивной обуви, юбках, блузках, летних костюмах. Русские гости были одеты, как полагается, по их понятиям, на свадьбу. Как были одеты мужчины, что жених, что друзья-охранники, я, конечно, не помню, помню только их узконосые лакированные ботинки.

Я с Николь

А вот дамы были все в длинных вечерних платьях, с декольте и открытой спиной, увешанные драгоценностями, а главное, в туфлях на высоких тонких каблуках, которые вязли в мягкой почве лужайки, на которой проходила церемония. Одна из молодых женщин, в «золотых» туфлях, советовалась со мной, какой иностранный язык следует знать гувернантке, которую она собирается нанять своему ребенку помимо няни. Для меня, уехавшей из Советского Союза в 1979 году, это был поразительный опыт.

Потом нас позвали внутрь, где все сидели за отдельными столами по 8 человек за каждым. Я сидела рядом с мамой жениха. Угощение, тщательно продуманное и опробованное накануне на репетиции мероприятия, состояло из утиног филе с грушей в вине, еще чего-то элегантног, бокал вина, и очень красивых фруктов, украшавших отдельный стол. Мы со свекровью Клэр развлекали общество за нашим столом рассказами о типичной русской свадьбе. Особенно неприятно поразило маму новобрачного отсутствие водки и скромное количество вина. Не помню, почему, но я есть не могла: тошнило и физически, и морально. Когда я спросила Николь с некоторым ужасом, откуда взялся этот молодой человек, «наш новый родственник», она только ответила: «Ты бы видела, кого она раньше приводила!»

Клэр даже в голову не приходило, что она еврейка по маме и, главное, по внешности. Поэтому, когда она приехала в Москву и стала жить московской жизнью, она чувствовала себя не очень уютно. Родился сын, Павел (Paul), с мужем довольно быстро начались конфликты. Бедняга, она очень его любила, совершенно не понимая, во что вступила. Об этом я узнала в Израиле через несколько лет, от Наталы Павловской, сестры отца Николь. Клэр довольно быстро разошлась с мужем. Уехала в Оксфорд с сыном, работает, кажется, в области охраны окружающей среды, адвокатом. Вряд ли, называя сына Павлом, им приходило в голову, что по-еврейскому обычаю Павлом может быть Пейсах. Ведь и мой отец не Моисей Пейсахович, а Михаил Павлович. Но как ни назови... И Павел этот не узнает, что он еврей.

После смерти Николь от рака летом 2003 года (знаменитая жара 2003 года!) связь с этой семьей была прервана. На мое письмо никто не ответил, и это родство потеряно.

ХОСТА

Как моя мама ненавидела дачу! Что такое была дача для нее? Сороковые годы. Маленький ребенок и старенькая мама — подразумевается выезд на лето из города. Где-то в начале марта надо ехать на электричке в Быково, Красково, Кратово, в Вешняки или Жаворонки. И часами бродить по незнакомым улицам, отыскивая дачи, где уже живут хозяева и кричать из-за забора: «У вас ничего не сдаётся?» Наконец, находится дача: две комнаты, терраса, кухня с керогазом или примусом в саду, в каких-нибудь ста метрах от террасы. Зато сосны, свежий воздух и недалеко от станции.

Для переезда надо сложить вещи: посуду, кастрюли, сковородки, бельё, тазы, подушки, раскладушку, керогаз. На даче для меня и бабушки рай, а для мамы с ее больными ногами мука мученическая. Холодильника не существует. Раз в две недели надо ехать на базар и тащить от станции две тяжеленные сумки с молодой картошкой, огурцами, укропом, луком, помидорами, мясом на котлеты, капустой, свеклой или щавелем на щи, яблоками «Белый налив» и черешней «для ребёнка». Или вишней на вареники. Да, забыла про молоко. Молоко в бидоне. Потом приготовление вкусного, по-одесски обильного обеда в полутемной, жаркой, душной кухоньке на керогазе. А утром, само собой, каша «для ребенка». Ну это может сварить и бабушка, тем более, если мама уехала на базар очень рано. И так изо дня в день; одна конфорка в кухне-сарайчике, и до нее от террасы и обратно — километры. Словом, когда я перешла во второй класс, в 1951 году, от подмосковной дачи мама отказалась навсегда и уехала со мной в Хосту, под Сочи.

По дороге на какой-то станции прямо около нашего вагона стояли столы с уже разлитым щавелевым супом, в котором плавала половинка крутого яйца. Мама обрадовалась, что «ребёнка можно накормить горячим» и необычайный вкус этого дивного супа остался одним из лучших воспоминаний дороги. В Сочи мы остановились у каких-то знакомых мам-

ной подруги. Меня уложили на полу, и когда я проснулась, то увидела на уровне своего лица сияющий паркет, огромную, по моим понятиям, пустую комнату и, главное, открытую дверь на балкон и белую занавеску, относимую в сторону морским ветерком. Комнату мама сняла в Хосте, довольно, как мне казалось, далеко от пляжа. Хозяин дома был ветеринаром, и каждый вечер развлекал маму разговорами о болезнях скота и картинками в медицинском атласе. Электричества не было, посидев в темноте на крылечке, мы шли спать. Однажды хозяйская девочка, лет, наверное, девяти или десяти позвала меня вместе с ней продавать алычу из их сада. Меня удивила ее необычайная сообразительность: она плоды похуже клала снизу, а поспелее и покрупнее сверху. Но почему-то на маму мой рассказ об этой торговой ловкости произвел плохое впечатление, она сказала, что это отвратительное мошенничество и не велела мне больше торговать алычой с хозяйской дочерью.

Целые дни мы проводили на закрытом женском пляже, где можно было загорать в голом виде. Я даже помню наших соседок по лежаку. Там были две немолодые балерины; еврейка с маленьким мальчиком, про которого она сказала, имея в виду его худобу: «это же рентгеновский снимок!» И перечисляла все блюда, которые она ему готовит, а он ничего не кушает. В ответ на жалобы еврейской мамы ее соседка воскликнула со смесью изумления и недоверия, произнося почти по складам и с сильным грузинским акцентом: «Чахох-били не кушает?!»

Мама входила на руках в воду и демонстрировала одесскую школу плавания. Кончилось это довольно печально: у нее началось сильное воспаление среднего уха. С высокой температурой и острой болью. Но она упорно ходила со мной на пляж, закутанная в серый шерстяной платок и в тридцатиградусную жару дрожа от озноба. Однажды мы с ней поехали на автобусе к врачу. Помочь он ничем не мог, а бесконечно долгое ожидание автобуса на раскаленной пыльной дороге и маму в шерстяном платке на остановке я тоже запомнила.

А потом приехал папа. И привёз пенициллин, который в те годы действовал мгновенно. В последнюю неделю мы уже ездили на экскурсию в Самшитовую рощу, ходили на какой-то «дикий» пляж и один раз обедали в ресторане, где я впервые попробовала бефстроганов с картошкой фри. Но лучше запомнилась та часть лета, когда мы были с мамой вдвоем. Это особенность моей памяти, грустное я дольше помню, чем благополучное.

ШКОЛА

Впервые я рассказала о своих впечатлениях о нашей школе Илье Семеновичу Кремеру, отцу моей соученицы, Тани Кремер. Мне было лет шестнадцать, я уже могла смотреть на школьные годы со стороны. У Тани были самые молодые родители в классе, им не было еще сорока. Отец ее преподавал историю в каком-то институте, и я знала, что он член партии. Возраст и партийность как-то отдаляли эту семью от моего домашнего привычного окружения, но его внимание и интерес развязали мне язык. К этому времени я перешла в вечернюю школу, чтобы днем зарабатывать производственный стаж, который по закону хрущевского времени давал мне некоторое преимущество при поступлении в университет. Школа осталась в прошлом, но ее влияние я ощущала очень долго. Мой рассказ изумил Илью Семеновича, и он был первым, кто сказал, что я должна его записать. Не прошло и шестидесяти лет, как я следую его совету.

Лет через двадцать в доме у Евгения Борисовича Пастернака я познакомилась с дамой, которая впоследствии оказалась внучкой Корнея Чуковского. Когда разговор зашел о современном образовании, я стала рассказывать о своей школе, которая, по-моему убеждению, была образцом эпохи сталинизма. «Это была самая гнусная школа, которую только можно себе представить!» воскликнула я с большим чувством. «Нет уж, позвольте, « прервала меня Елена Цезаревна, «самая гнусная была моя!» Быстро выяснилось, что учились мы в одной и той же школе, с разрывом лет в десять, так что и директор школы, Панна Ивановна Неклюдовская, и многие учительницы (учителя-мужчины появились только в старших классах) у нас были общие.

Потом я часто рассказывала о своей школе, но мне никогда не удавалось передать, в чем была особенная гнусность школы номер 131 в Леонтьевском переулке, тогда называвшемся улицей Станиславского. А чем им, собственно, Станиславский не угодил? Кажется, что за переименованием стояли потомки

тех, кто когда-то менял Никитскую на улицу Герцена, а Шереметевский переулок на улицу Грановского. Обратное переименование отличается то же невежество и равнодушие к истории, что и первое.

Школа стояла на углу Леонтьевского переулкa и Шведского тупика. Поразили строчки стихотворения Красовицкого, услышанные в 1961 году:

Парад не виден в Шведском тупике.

А то, что видно, — все необычайно.

Там человек повешен на крюке,

Овеянный какой-то смелой тайной.

К нашей школе примыкала совсем другого духа школа, 119, и даже можно было перейти по коридору из одного здания в другое. А в Шведском тупике девочки играли в классики и прыгали через скакалку. К первому классу моей маме удалось обменять наши шестнадцать метров в коммунальной квартире на две комнаты в квартире с одним соседом в Малом Кисловском переулке, а в те годы Собиновском. В этом переулке находился ГИТИС, институт театрального искусства, театр Маяковского, а прямо напротив нашего тогдашнего дома номер семь находилось общежитие студентов консерватории, из которого постоянно «то флейта слышится, то будто фортепьяно», то рулады оперных арий. Дорога в школу занимала минут десять.

Это школа заложила во мне отвращение и ненависть ко множеству явлений, большинство из которых я тогда считала чисто советскими. С кем бы из сверстников я ни говорила, ни у кого такой атмосферы в школе, как у нас, не было. Это была, как теперь говорят, элитная школа Москвы. Была еще не менее «элитная» 175, бывшая гимназия Креймана, где учились дети Сталина, Микояна, Берии, но это было другое поколение. Но и в наши годы, пятидесятые, состав учащихся был сходным. Наша школа тоже была основана до революции, теперь это гимназия номер 1520 имени Капцовых, ее попечителей.

Как раз в тот год, когда мы поменяли квартиру, меня приняли в эту школу, потому что на собеседовании я прочитала наизусть целиком «Песнь о вещем Олеге», а главное, с необык-

новенным выражением стихотворение Исаковского «Слово к товарищу Сталину».

Нет, тогда надо начинать раньше, с того, почему это я, никогда не ходившая в детский сад, знала это стихотворение. За год до школы, в пять лет, меня отдали в прогулочную группу Евгении Николаевны, гулявшей с детьми на Тверском бульваре. Там было несколько таких частных групп, в некоторых даже обучали французскому языку. Отдельно с бонной гуляли мои сверстницы сестры Вертинские. Но обычно в группе бывало детей пять-шесть. У Евгении Николаевны была самая большая группа, причем она девочек брала неохотно, считая их капризными ябедами, и большинство детей в ее группе были мальчишки. Меня она взяла, приняв уверения моей бабушки, что я не буду жаловаться на строгость и ябедничать не стану.

Евгения Николаевна и ее группа были удивительно характерным явлением для того времени. Явно «из бывших», она прежде всего учила нас элементарным манерам: при разговоре со взрослыми смотреть в глаза, если идешь или бежишь, при виде знакомого остановиться за несколько шагов, наклонить голову и, немного улыбаясь, поздороваться. Она нас муштровала, как солдат. Мы должны были подбегать к прохожим и, выполняя всю описанную процедуру, вежливо спрашивать: «Будьте любезны, скажите, пожалуйста, который сейчас час?» Взрослые догадывались, что это игра, улыбаясь отвечали, и нас охватывало сознание важности коллективного действия.

Мы должны были вести с помощью бабушек или родителей дневник наших занятий дома, отражающий наше поведение. Более того, совсем в духе времени, она ставила условие, чтобы взрослые ей сообщали о наших домашних провинностях (не стелил постель, не вымыл руки перед едой, нагрубил бабушке, капризничал за столом), а нам говорила, что у нее в комнате стоит специальное радио, по которому она все о нас узнаёт. Я ей верила совершенно и обожала ее.

Среди других необходимых для жизни навыков, мы выучили с ней это стихотворение Исаковского, и взрослые поража-

лись, с каким глубоким чувством я произносила «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как может быть, не верили себе.» Мои родители, конечно, умилялись, но и немножко подсмеивались над пафосом, с которым я читала это стихотворение. С таким же серьезным трогательным выражением моя дочь уже в Америке, лет в 11, читала мне в подарок на день рождения стихотворение Тютчева «Я лютеран люблю богослужение, обряд их строгий, скромный и простой». Смысл стихотворения ей был так же непонятен, как мне вера в Сталина, но так же завораживала магия ритма и интонации.

Единственного ребенка из этой группы я запомнила, потому что его смешно звали — Вадик Перельмутер, имя, вызывавшее у меня ассоциацию с пуговицами. Кстати, недавно узнала, что Вадим Перельмутер стал профессиональным литератором, поэтом. Интересно, чем занимались в жизни другие дети из этой группы? И помнит ли кто-нибудь еще нашу Евгению Николаевну?

Вот с этим багажом я пришла в первый класс 131 женской школы.

Школа эта была двухэтажным зданием из темно-красного кирпича, какой-то необычной архитектуры — стилизация не то под древне русскую, не то под древне-скандинавскую, модная эклектика начала века. Во всяком случае, выглядела она снаружи, как музей. В широких коридорах сиял до блеска натертый паркет, совершенно квадратные просторные классы освещались большими окнами. Слева от входа стоял бюст Сталина, проходя мимо которого надо было немного придержать шаг.

Осень 1950 года. Девочки рождения 1942 и 1943 года. Два класса построили в две линейки, у всех в руках букеты цветов, только Вера Чиликина пришла с цветком в горшке, наверное, у радившей ее бабушки не было денег на букет. Учительницы, Мария Дмитриева Ильина в нашем первом «А» и Ревекка Борисовна в первом «Б» — в синих крепсатиновых платьях, отделанных полосками из того же крепсатина на левую, блестящую сторону, с кружевными воротничками, с седыми прическами по моде 1913 года.

Они смотрели на нас с непонятной нам жалостью и удивленно повторяли: «Какие все маленькие!» Действительно, уже года через два дети, приходившие в первый класс, были повыше.

Самыми высокими были Вика Криворучко и Лида Пашенко, неразлучная пара в школьные годы. А ниже меня были только Вера Чиликина, Ира Ена, Нина Антонова и Таня Баранова.

Надо сказать, что меня никто до этого дня не называл по фамилии, но в школе я никогда больше не слышала своего имени, а только фамилию, длинную, взрослую — Камышникова. От звучания своей фамилии я испытала какой-то шок, как будто за мной из детства захлопнулась дверь.

Многие учительницы сами учились в этой школе, бывшей гимназии, и начали преподавать после окончания восьмого класса, да так всю жизнь и прослужили на одном месте. Кажется, из этой же гимназии вышла наша директриса. Панна Ивановна была женщиной очень невысокой и полной, держалась неестественно прямо, и любила смотреть своими бледно-голубыми, почто до белизны светлыми глазами тем взглядом, о котором я впоследствии прочитала в описании взгляда Николая Первого. Она явно наслаждалась силой своего взгляда, лицо ее при этом каменело маской.

Основным потрясеньем в школе для меня была атмосфера страха, даже ужаса, которую Неклюдовская создала, причем скорее для учительниц, чем для детей. Но детям она передавалась.

Помню первое с ней не столкновение, а контакт. Я вбежала с улицы в коридор и повернула направо, к раздевалке. Она в это время появилась из левого крыла, так что оказалось, что я не повернула головы ни в ее сторону, ни в направлении бюста Сталина. Тут я ее заметила, сердце мое упало в пятки (почему? врожденная трусость или приобретенный страх? И то, и другое, наверное). Она стояла около бюста Сталина, с его добрыми гипсовыми морщинками у прищуренных умных глаз, и смотрела на меня молча. Помня уроки Евгении Николаевны, я скорым, но не слишком торопливым шагом приблизилась к ней, остановилась, резко наклонила голову в приветствии

(наверное, некий эквивалент возрождаемого книксена) и посмотрела в ее белесые выпученные глаза, смотревшие на меня в упор. Она ответила мне легким кивком и жестом отпустила. Я повернулась и пошла, чувствуя спиной длину и простор этого коридора и какое-то неопределенное чувство унижения.

В классе меня посадили на первую парту из-за маленького роста, а соседкой моей оказалась Нина Егорова, очень, по моим понятиям крупная девочка, уже второгодница. Ее мама, как оказалось, сидела в будочке на углу улицы Горького и Тверского бульвара, чистила ботинки и продавала шнурки. Я помню лицо ее мамы, но не уверена, была ли она «айсорка» или просто работала на кого-то. Тогда в Москве чистильщиками обуви были обычно «айсоры». Нина уже знала главные правила поведения и произвела на меня самое приятное впечатление. Занятие ее мамы меня тоже восхитило. Я сразу поняла, что в классе у меня уже есть подруга. Почему-то родители к моему энтузиазму отнеслись неодобрительно. Даже бабушка была озадачена такими радикальными плодами своего демократического воспитания.

Правила были такие: сидеть всегда прямо, когда учитель говорит, держать весь урок руки за спиной. Вставать из-за парты абсолютно бесшумно, ни в коем случае не стукнув крышкой. Вставать и садиться бесшумно нас учили по несколько минут каждый день: встать/сесть, встать/сесть. Учительница Мария Дмитриевна добивалась такой тишины в классе, что дыхание было слышно. Вся система была каким-то симбиозом дисциплины старой гимназии с общей атмосферой унижения и страха, внесенной новой эпохой. Ученики в нашей школе, так же, как и в соседней, мужской, 135, находившейся на углу Большого Гнездиковского с Малым Гнездиновским, распределялись точно по району. Соответственно, это были дети работников Совета Министров, Госплана, Мосгорстроя, Комитета Государственной Безопасности, дети актеров и сотрудников Большого Театра, членов Союза композиторов и ГИТИСа, а также разгромленного к тому времени Еврейского

театра ГОСЕТ, и проживавших в подвалах ведомственных домов татар, местных дворничих (дворников-мужчин я в те годы не помню), а я относилась к третьей категории, детям рядовых служащих, проживающих в Брюсовском, Гнездииковском переулке, на улице Горького или Станкевича. Эти могли оказаться кем угодно, от врачей и инженеров до парикмахеров. Такое резкое социальное деление школой подчеркивалось.

Мария Дмитриевна была выпускницей этой гимназии, и она вела себя так, я думаю, как обращались с ней. Огромное внимание уделялось каллиграфии, чистоте перьев и перочисток. Она приносила как образец промокашки из своих гимназических тетрадей, чтобы продемонстрировать, что такое хороший почерк и ровная строка. Помню, как во втором классе она вызвала девочку Наташу Стернину, которая должна была, естественно стоя, выслушать увещание Марии Дмитриевны: «Вот, смотри, как ты пишешь! Как курица лапой! Что с тобой будет, если ты не справишься?! Вот Лида Пашенко — ее отец ответственный работник, и как она старается, какие у нее чистые тетради. А ты?! Кончишь там же, где твои родители.» Отец Лиды Пашенко был, точно не уверена, кажется начальником Мосгорстроя, мама, Фаина Мартыновна, председателем родительского комитета, а Лида действительно была хорошей, скромной и незлой девочкой, поставленной учителями в неестественное положение. Родители Наташи Стерниной были репрессированы, а проще, сидели.

В первые же дни школы Мария Дмитриевна стала заполнять школьный журнал, куда вносилось имя, адрес, национальность, место работы родителей каждого ребенка. Заполняя журнал, она обратилась к классу: «А теперь, дети, сознайтесь, кто из вас еврей?» И тут же добавила, что в нашей стране все равны, не важно, кто татарин, кто еврей, кто украинец. Я не была тогда стопроцентно уверена, что я еврей, поэтому спросила дома, повторив форму вопроса, и только по реакции моих родителей поняла, что она была не совсем удачной.

Во время школьных перемен мы должны были чинно прогуливать парами по коридору, а по трое не разрешалось. Не поощрялась беготня.

На втором этаже, в левом крыле, в глубине, за библиотекой была дверь в примыкающую 119 школу. Дверь эта первое время не была заперта, она выходила в огромный, как мне казалось, рекреационный зал, и там девочки бегали, громко разговаривали, но входить туда нам запрещалось. То была обычная районная школа, вскоре уничтоженная. Дело было так.

В 1953 году, когда нас распустили на каникулы, за одно лето нашу школу совершенно перестроили. Краснокирпичное резное великолепие исчезло, зато в переулке стояло четырехэтажное, светлое здание, типовая московская школа. Осенью мы пришли в новый дом, от 119 школы совсем отделенный. В те годы наша школа выпускала по двадцать медалистов на восемьдесят выпускников. После двадцатого съезда Неклюдовскую проводили на пенсию.

Огромным событием был выбор девочки из соседнего «Б» класса для вручения Сталину букета цветов на Первомайской демонстрации. По-моему, это был 1952 год. Девочка эта, Ира Мельникова, отличалась не только безукоризненной анкетой, но славилась ярко синими глазами и белокурыми косами ниже попки. Только ростом мы все одинаково не вышли. Когда появилась ее фотография со Сталиным в «Правде», вся школа ощутила перемену статуса. Со всего мира стали приходить конверты с яркими марками, дети Китая и Германии, Кореи и Болгарии хотели переписываться с учениками нашей школы. Надо сказать, что никто из этих детей, отмеченных положением родителей, не зазнавался, они как будто понимали, что это было просто в порядке вещей, не видели в этом своей заслуги. Так же, как и каждый принимал без сомнений свое место в иерархии.

Тем не менее, совершенно гоголевское чиновничество учительницами начальства, их очевидный страх при одном появлении директора или завуча, а также их вопиющая бедность (родительский комитет собирал деньги на подарок учительнице — килограмм чернослива от запора..., иногда

коробку конфет) не могли не быть замеченными. Однажды директор Панна Ивановна, преподававшая, кстати, русский язык и литературу в пятых-седьмых классах, повернулась к доске спиной, и у нее на крупном, обтянутом синим крепсатином задку висела не то белая ниточка, не то пушинка. Учительница, стоявшая рядом, наполовину согнулась и благоговейным жестом эту соринку сняла. А затем отступила на прежнее место. Это уже был класс пятый, и наверно не только я заметила эту сцену.

Недавно я нашла нашу групповую фотографию и в каком-то самнабулическом состоянии вдруг вспомнила имена почти всех девочек, даже тех, которые перешли в соседнюю школу после соединения нашей с мужской и которых я не видела с 1954 года никогда. Марина Эрак читала стихи с тем гражданским пафосом, горловым голосом, какой ассоциировался у нас с голосом диктора Левитана. Крошечная Ира Ена, девочка, поражавшая зеленоватой бледностью, была дочерью сотрудника НКВД, получившего комнату Виктора Иоэльса, впоследствии моего знакомого, в доме на Тверском бульваре после ареста его родителей. Это я узнала много лет

Мой класс

спустя, конечно. Почти такой же бледной была Ира Антонова, дочь актрисы Большого театра. Была добрая, немного умственно отсталая Валя Шестакова. Ее на этих фотографиях нет. Она жила с мамой в большой коммунальной квартире в Брюсовском переулке, почти около Консерватории, в бельэтаже. Отца у нее не было. Никто не задавался вопросом «А где твой папа?», подразумевалось, что отец всегда погиб на фронте. Даже дети, родившиеся у мамы Вали Кармановой, дворничихи, в начале пятидесятых, считались детьми отца, воюющего на фронте. Наверное, не все имена я помню точно, но хочется вспомнить каждого.

Теперь я понимаю, что отец Вали Ковнер, тихой отличницы с мамой-активистской родительского комитета, был репрессирован, так же, как отец Саши Колоднера, мать которого была актрисой разгромленного театра ГОСЕТа. Впрочем, мальчики появились в нашей школе позже. Про еврейский театр ГОСЕТ я впервые услышала, проходя с отцом мимо памятника Тимирязеву на Тверском бульваре. Вдруг к нему подошел элегантный пожилой господин, явно иностранец, и на чистом русском языке тихо спросил: «Вы не скажете, где здесь был ГОСЕТ?» Очевидно он искал в толпе «своего», еврея, которому можно было задать этот вопрос. Ответ отца я не помню. Было это году в 1955.

Шестаковы были бедны благородной бедностью, у них была чистая комната с мебелью. Моя бабушка любила Валью и часто звала в гости. Всех поражала способность Вали к счету: она вела хозяйство, ходила по магазинам и быстрее всех могла в уме складывать и вычитать. Любимым лакомством у нее был плавленый сырок «Новый». Мы подружились и довольно долго не теряли связи. Ей удалось закончить семь классов, и она работала телефонисткой. Уже в конце шестидесятых я встретилась с ней на Зубовском, у нее был сын, и она казалась безмятежно счастливой.

Совсем с другой бедностью я столкнулась классе в третьем или четвертом, когда мамы родительского комитета решили провести компанию контроля за тем, как девочки помогают дома родителям, стелют ли свои постельки, есть ли у каж-

дой место для приготовления уроков. Группа детей под руководством одной из этих мам пошла проинспектировать жилищные условия девочки-татарки, кажется, ее звали Галя (ее к нам перевели классе в третьем, и ее фамилии я не вспомню, она ушла после пятого или шестого класса и несколько лет торговала мороженым на улице Горького, возле арки на Большой Гнездниковский). Жили они в глубоком подвале того дома, где на первом этаже был рыбный магазин, напротив Елисеевского. Это был бесконечный сырой, плохо освещенный коридор, по одной стороне которого были расположены отделенные занавеской друг от друга каморки, где чуть ли не вповалку спали жители, в основном татары. В отсеке, занимаемом семьей нашей соученицы, жило человек 8. Мать ее сразу стала жаловаться на то, что тут много проституток, и они водят с улицы пьяных мужиков. В этом доме я бывала несколько раз у других девочек нашего класса, и знала, что они живут в отдельных четырехкомнатных квартирах, с полированной мебелью, коврами и хрустальными вазами. Да и наши светлые, сухие комнаты, с книгами и картинками, представляли такой контраст тому ужасу, который я впервые увидела, что меня потрясли не так даже условия жизни, как страшная бестактность всей этой затеи. Мамаши, кажется, тоже были несколько ошеломлены и быстренько нас увели.

Самым главным делением в классе на группки был принцип территориальный. Те, кто из школы поворачивал направо, друг друга знали, иногда дружили, а с теми, кто шел налево, нигде, кроме школы, не встречались. Направо шли в сторону улиц, названных именами писателей-демократов: Станкевича, Белинского, Огарева, Герцена. Налево в сторону улицы Горького. Сейчас я смотрю на лица своих одноклассниц, которых я почти никогда не вспоминала, и ни с одной из которых не сохранила связи, и вижу, какие грустные у всех этих детей лица. Как бросается в глаза их социальное положение; несколько девочек замечательной красоты.

Начальная школа стала для меня образом сталинского времени. Она оставила во мне ощущение своего ничтожества, своей человеческой незначительности, одиночества и скуки.

Единственным утешением было сознание, что хоть не родилась в Америке, где жизнь совсем ужасна. Особенно запомнился рассказ про то, как мама негритянка привела в обувной магазин свою маленькую девочку, она хотела купить ей красивые, лакированные туфельки. Девочка померила туфельки, и они оказались ей малы. Но негритянка должна была все равно купить эти дорогие туфельки, потому что после ее черного ребенка их никто не купил бы. А ведь в 1950 году в Америке такое вполне могло и быть. Только мы в это скоро перестали верить.

После восьмого класса произошли некоторые изменения в моем положении в школе. К этому времени я уже жила литературой, страстно любила поэзию. Но среди моих школьных подружек не было никого, с кем я могла бы разделить эти интересы. Наверно, острое чувство одиночества совпало с пубертатным возрастом. Кажется, никогда я не испытывала такой депрессии, как в четырнадцать лет, но поняла я, что это была депрессия, только в зрелом возрасте. Очень жалею с тех пор подростков.

В восьмом классе у нас появился новый преподаватель математики, Владимир Ильич Стомахин. В те годы, когда евреям было особенно нелегко сделать карьеру, в школах попадались замечательные учителя. Кстати, то же самое произошло и в Соединенных Штатах, когда перед талантливыми женщинами открылись другие возможности, кроме учительской карьеры. Блестящие преподаватели появляются в школах все реже. Сначала Стомахин вызвал среди наших отличников почти бунт. На первой же контрольной, привыкшие к пятеркам, они получили в лучшем случае тройки. Все остальные, и я, конечно, получили двойки. Говорил он на каком-то, как нам казалось, глупом жаргоне: «аналогично, функционально, из этого следует». Постепенно мы все его оценили. Но то, что теперь мне придется нанимать репетитора, стало очевидно.

Репетитор тоже оказался, как говорила моя мама, «ex post-ritis», не принятый преподавать на мехмате МГУ. Как-то очень быстро он сумел понять, что у меня есть пространственное

мышление, и вселил в меня некоторую уверенность и понимание геометрии. Но главным событием, изменившим представление учителей обо мне, твердой троечнице, стало мнение Ивана Ивановича Кругликова, нового преподавателя литературы. Однажды нам задали сочинение на тему «Что ищут герои Толстого». Может быть, там были и другие темы, но я выбрала эту. К тому времени я прочитала «Войну и мир» дважды, и, воспитанная в духе Толстовской морали, еще не думала о том, что «руки у него по локоть в крови», как утверждали мои друзья в середине семидесятых.

Мое присутствие в классе учителя замечали к середине года, когда привыкали к моей фамилии, затерявшейся в середине списка. Наступил день возвращения сочинений. Входит Иван Иванович в класс и сразу спрашивает: «А кто Наташа Камышникова»? Я встаю, и он просит меня подойти к доске. Ставит перед классом и говорит: «Вот, смотрите: маленькая, худенькая, зелёная (это он о моем цвете лица), а как пишет! Написала самое лучшее сочинение из всех, которые мне приходилось читать за многие годы». Мне, конечно, было очень приятно. Особенно после того, как предыдущая учительница поставила мне двойку за сочинение по Пушкину — на двадцати шести страницах я сделала слишком много грамматических ошибок. Но самым удивительным для меня было мгновенно изменившееся ко мне отношение других преподавателей. Очевидно, он расхвалил меня в учительской, и все преподаватели, даже химичка, вдруг стали ко мне относиться с интересом и симпатией. Вскоре после этого я ушла в вечернюю школу и с пятнадцати лет пошел мой трудовой стаж.

В 2005 году, приехав на пять дней в Москву, я прошла по своему старому району, гордому переименованными улицами. Нашла историю названия бывшей улицы Станиславского: Шереметевский переулок переименован в честь генерала-аншефа М.И. Леонтьева — «видного политического и военного деятеля середины XVIII века». Известность К.С. Станиславского оказалась преходяща. Пришло время скинуть с российского корабля Герцена (Никитский женский

монастырь разрушен), Грановского (Вместо западника Грановского — им. Боярина Романова), Станкевича (церковь Вознесения, в садике возле остова которой проходили свидания моей юности), Огарёва (вернули предпоследнее название, Газетный переулок, здесь давно уже Следственный комитет МВД). На тротуарах были запаркованы иномарки. В здании школы 135, откуда к нам после слияния мужских и женских школ в 1954 году перевели самых слабых учеников из бедных семей, теперь школа бизнес-информатики. На месте моего дома в Леонтьевском, напротив моей школы, азербайджанское посольство. В окнах видны были сверкающие люстры. Перед домом толпилось человек двадцать — то ли вышли покурить, то ли ждали разрешения на вход. На углу, где когда-то было отделение милиции, установлен памятник Низами.

Впервые после 1959 года я решила переступить порог своей школы. У входа сидел охранник. Я объяснила, что когда-то училась в этой школе и попросила разрешения войти. Он встал и позвал какую-то учительницу, или администратора. Мой возраст уже требует некоторого уважения. Поколебавшись минутку, симпатичная тетка пригласила меня следовать за ней. Сияющий паркет исчез, пол застлан пластиком, зато появилась прекрасная столовая. Я потянулась налево, где была когда-то дурно освещенная небольшая комната, в которой мы могли купить себе винегрет с кусочком селедки, «язык» слоеный, стакан жидкого сладкого чая. Да, и мутный компот из сухофруктов. Чаю можно было покупать сколько влезет. Позже, классе в пятом или шестом, мы уже бегали в Филипповскую булочную и покупали горячие жареные пирожки «с повидлой», они стоили 50 копеек, их вкуса мне не забыть и не ощутить больше никогда. К середине пятидесятых они исчезли. Но обычно дети приносили завтраки из дома: кто бутерброды с икрой, кто с колбасой, кто с сыром. Мне почти всегда давали хлеб с протертой смородиной с сахаром, запасенной на всю зиму. «Дворницкие дети» получали бесплатные завтраки, мне почему-то кажется, что деньги на них собирал родительский комитет, они не были

«казенные». Впрочем, этого я толком не знала и не помню уже. Память о столовой была особенно ностальгической.

На ее месте оказался школьный музей. Ученик старшего класса им заведовал. Тут только я и узнала, что наша школа была до революции гимназией имени Капцовых, пожертвовавших деньги на ее строительство, и что историческая несправедливость устранена, старое название восстановлено. На стенах висели портреты основателей, попечителей, учителей и учеников первого набора. Вновь я увидела кирпичные красные стены двухэтажного здания и резные башенки, какими я их помнила. Но ни одной фотографии, ни одного упоминания о той школе, которая существовала с двадцатых по восьмидесятые годы, я не видела. Как корова языком слизнула самую память о ней и о всех тех, кто там учил и учился. Ни места, ни времени — зияние. Я спросила, а знают ли они что-нибудь о том, какой была эта школа в сталинские годы, чем она была известна, кто там учился. Они помнили, что в восьмидесятые годы это была специализированная английская школа, но ничего больше. И тут я себе не отказала: «Если бы вы знали», сказала я, «какая гнусная, фальшивая и подлая тут была школа! Как я ее ненавидела! Но все-таки, если у вас тут музей истории школы, как же вычеркивать такой значительный исторический период, как будто те, кто жил тогда, не существовали?» В глазах старшеклассника что-то мелькнуло, и я полушутя спросила: «А что, не так уж много изменилось?» Он полу-улыбнулся и ничего не ответил. Да и что он мне стал бы отвечать?

Наконец я призналась, что приехала из Америки. В эту поездку сообщение о месте моего постоянного жительства иначе как «признанием» назвать было нельзя. Искупало мое пребывание во вражеском стане только то, что я преподаю русский язык и литературу, и тем самым пропагандирую отечественную культуру за рубежом.

А сейчас я посмотрела, что о нашей школе есть на интернете. Ведь так, как не знают теперешние ученики, и я не знала ничего о ее прошлом «до меня». И нашла интересное: оказывается, в годы ВОВ там находился госпиталь и развед-

школа СМЕРШа. Удивительно, что дух обоих учреждений сохранялся долго после того, как здание вернули детям. И вместе с тем я понимаю, что дело не только в фактах, а в самом духе времени, который живет дольше, чем сознательная память.

На моей памяти эта школа ковала или конформистов, упивающихся своей верностью духу этой школы и разносящих его дальше по жизни, или «вечно несогласных», познавших до тонкости природу двоемыслия и узнающих фарисейство везде, где бы они ни оказывались.

Два совершенно противоположных отзыва об этой школе я получила от своих более молодых друзей. Оба давно эмигрировали и оба живут в Америке. Алеша Якубович жил в детстве на Тверском бульваре и даже гулял в группе у Евгении Николаевны! Он попал из закрывшейся 119 в 131 школу в 1958 году, как раз, когда я оттуда ушла в вечернюю. Прочитав мой опус, Алёша мне написал: «Да, самое неожиданное это то, что я встретил имя «Викторина Соломоновна». В мое время она была уже членом партии, единственной из учителей, кто оповещал об этом. Я встретился с ней в седьмом классе, она стала классным руководителем и вела литературу. Редкая сука, такой сволочи я не встречал в жизни среди учителей и возможно среди кого бы то ни было». Викторина Соломоновна была секретарем комсомольской организации, и ее я упоминаю, описывая ниже смерть Сталина. Впечатления Алёши Якубовича от этой школы близки моим. Он перешел в другую как раз тогда, когда началась для школы новая эпоха, короткая, как и для всей страны.

Но когда я поместила рассказ о своей школе в Фейсбуке, мне написала Лена Мандель. Она тоже моложе и меня, и Якубовича. Она училась в 131 школе в те годы, когда директором был Г. И. Суворов, историк и бывший дипломат. Лена вспоминает нашу школу, ставшую английской, как очаг свободы и либерализма. Может быть, ученикам того времени удалось глотнуть иного воздуха, чем тот, которым дышали поколения до них и после?

5 МАРТА 1953 ГОДА

Наверное, самым запомнившимся событием для всех, живших в те годы в Москве, стала смерть Сталина. Когда я сейчас читаю о том, что евреи в начале пятидесятых боялись высылки из Москвы, я понимаю, что в нашей семье от меня это просто скрывали. Но везде была общая атмосфера уныния и какой-то неопределенной угрозы. Я могу судить только о том, что видела и чувствовала сама. Все эти годы, с пятидесятого и дальше, мне казались какими-то суетно-пыльно-мрачными. Везде было плохое освещение, даже в моей «детской» тускло горела висящая на шнуре лампочка. Утром отец будил меня пораньше, чтобы успеть пешком на Басманную, предварительно проводив меня в школу. Эта пятнадцатиминутная прогулка была самым приятным эпизодом всего дня. Он тоже предпочитал провести время со мной, а потом не ехать на метро. Он никогда не брал с собой завтрака на работу, завтрак из дома воспринимался, как недостаток мужественности. А когда вечером приходил смертельно голодный, кидался к столу на кухне, где мы всегда ели, и первые полчаса не мог со мной говорить от усталости.

Я всегда приходила в школу первой, и очень любила несколько минут уединения до появления девочек. Полутемный класс, запах тряпки из мешковины, намоченной в хлорке, заснеженный город за окном, развалины сгоревшего перед войной круглого здания на Тверском бульваре, видные из окон школьного коридора. Сейчас на этом месте новый МХАТ. А что там строили и не достроили до войны, я не знаю. Машин не помню. Постепенно сходились дети и учителя. Было как-то нерадостно, но никто меня не обижал, все девочки были тихие и робкие. Или сигналы до них еще не доходили.

Помню мамин рассказ, который она часто повторяла. Однажды она возвращалась домой, забрав тяжелый рулон кожаненителя, из которого делала пояса для артели инвалидов. После войны мама никакой работы по своей специальности юрисконсульта найти не могла. Но то, что еврейке

получить работу сложно, казалось нормальным. Теперь я думаю, какое счастье, что она хоть не участвовала ни в чем.

По дороге мама зашла в булочную и по своей одесской привычке протиснулась к прилавку посмотреть, какой есть хлеб. Какая-то тетка высказалась в том духе, что когда уже этих евреев, которым всегда больше всех надо, куда-нибудь денут: «Всех их надо выслать, наглые, везде лезут». Мама ткнула ее тяжелым рулоном в пузо и была больше всего поражена, найдя поддержку у какого-то мужчины с благородной внешностью и интеллигентной речью. «Совершенно правильно», одобрил он мамино поведение, «незачем глупости говорить. Еще не время и не место».

Бабушка никаким разговорам об антисемитизме не верила. Она знала, что евреи всё всегда преувеличивают, у нас все народы жили дружной семьей, об этом и Сталин говорил, и в газетах писали. На службу она не ходила, других источников информации, кроме любимых книг и газеты «Правда», у нее не было. Книги были ее собственные, привезенные перед самой войной из Одессы, куда никто из семьи после войны не возвращался. Она их держала в своем ящике шкафа — Элиза Ожешко, «Пятьдесят лет в строю» генерала Игнатьева, «Овод» и однотомник Некрасова. Думаю, что её наивность вызывала в моем отце презрение, но оно проявлялось только в форме полного ее игнорирования. Симпатия была взаимной, веселости домашней жизни не прибавляла.

Ползли слухи. Как-то подозрительно погиб актер Михоэлс. Книжечку о спектакле «Король Лир» в Еврейском театре и разбор игры Михоэлса я знала почти наизусть, но о расстреле членов Еврейского Антифашистского Комитета я тогда не знала, как и о его деятельности. Увольнения с работы, невозможность попасть в институт, постоянные компании борьбы с каким-нибудь вражеским проявлением и отчеты о них в газетах воспринимались как норма. Сознание неизменности такого положения давало ощущение стабильности.

Мне недавно исполнилось девять лет. По дороге в школу и во время воскресных прогулок в Столешников за пирожным

«картошка» и по книжным на Кузнецком, мы вели с отцом долгие разговоры. Иногда он мне рассказывал что-нибудь из мифологии или истории Рима, но чаще я его терзала просьбами доказательств его ко мне любви: «Ты бы съел дохлую кошку, чтобы спасти мне жизнь?». Папа покорно обещал в случае необходимости съесть. «А крысу?» Я эту игру любила, как он терпел, не понимаю. Мы вместе подсчитывали, сколько еще мне надо терпеть учиться в школе — дней, месяцев, лет.

В семье у нас как-то так получилось, что все женщины мечтали стать врачами, все интересовались медициной, медицинские разговоры были очень приняты. Бабушка даже училась в Сорбонне году в 1908 и 1909, пока дед ее не увез обратно в Одессу. Часто повторялась моя первая, произнесенная на ночном горшке, полная фраза: «Пшенная каша очень помогает больному человеку». Мне вообще свойственна склонность к изречению глубокомысленных суждений.

Помню письмо Лидии Тимашук. Имена посаженных врачей стали звучать, как родственные. Запомнилась смешная фамилия доктора Вовси, кто-то в семье с ним когда-то консультировался, доктор Шерешевский отговорил маму от операции щитовидки, Валя Фельдман-Загорянская, дочь того самого Фельдмана, врача-вредителя, вырезала мне потом гланды. Искала ее фамилию по мужу, под которой она была известна, но нашла только блог, посвященный выпячиванию роли евреев в деле врачей-вредителей. Действительно, среди арестованных по процессу были не только евреи, но волна покатилась, и евреев медиков увольняли по всей стране и с любых должностей.

Даже я воспринимала язык правительственных сообщений как личную угрозу, но какую-то неопределенную. Борьба с безродными космополитами не воспринималась мной так лично, да и название «безродный космополит» звучит почти смешно, не то что «врач-отравитель».

Поэтому, когда однажды светлым мартовским утром я увидела на кухне взволнованную маму, которая держала в

руках «Правду», и бабушка с соседкой к ней склонились с выражением странного возбуждения и тревоги, я сразу заинтересовалась медицинскими данными бюллетеня.

Вообще, само открытие того факта, что у Сталина могут быть физиологические функции, произвело даже на меня какое-то освобождающее действие, как будто окно распахнули. Почти все слова звучали знакомо: давление, кровь, моча. Дыхание Чейн-Стокса, воспетое знатоками, конечно звучало ново, но красиво. Вечером пришел с работы папа. Когда мы остались в комнате одни, я подошла к нему и сказала серьезно и трезво: «Папа, он умрет. Очень плохо, что у него вдруг резко упало давление». И тут в глазах моего отца сверкнула искра какого-то неожиданно искреннего веселья, он щелкнул меня по носу, и улыбаясь, сказал: «Ничего, все будет хорошо».

На другой день я пошла в школу, экзистенциально озабоченная своей жизненной неудачей: мне довелось жить почти рядом с Кремлем, я могла хоть раз в жизни видеть Сталина, хотя бы на демонстрации, если бы мой папа, как другие отцы на фотографиях в газетах (мы до окончания демонстрации на улицу не выходили) нес меня на плечах, и мы прошли бы мимо трибуны мавзолея. Тогда бы я, конечно, могла испытать личное горе, а так я его не ощущала, и тем самым не разделяла общего чувства, оказалась на обочине истории. В школе все девочки лежали лицами на партах, уткнувшись в рукав, и, видимо, рыдали. Зашла распухшая от слез Панна Ивановна, с белой пуховой шалью на плечах, слезы непрерывно лились по ее лицу; Мария Дмитриевна, похожая на старую лошадь, с всегда опухшим лицом и раздутыми, как осами покусанными губами, была взволнована, но плакала в меру, потом зашла секретарь комсомольской организации Викторина Соломоновна и, сдерживая слезы, призвала крепиться. А я лежала мордой вниз, с сухими глазами, и размышляла, в чем причина такого моего бесчувствия. Наверное, я была не одна такая черствая, но плечами все трясло одинаково.

Замечательный рассказ Наташи Старостиной, моей подруги по университету. Она на год или на два меня старше, что

много значит в этом возрасте. Ее отец, из знаменитой семьи футболистов Старостиных, Андрей Петрович Старостин, провел в заключении в Норильске одиннадцать лет. Мать тоже была арестована, воспитали ее тетка и няня. О Сталине Наташа имела гораздо более определенное мнение, чем я. И умная девочка стала, по ее собственным словам, «работать каменное горе». Она тупо бесчувственно смотрела сухими глазами перед собой, как бы раздавленная страшным несчастьем. Учительница даже поставила ее в пример другим детям.

А еще через неделю умер Готвальд. Вот тут я и получила свое. Помню очень ясно это холодное мрачное утро, тусклый свет, я в этот день едва не опоздала на урок и, входя в класс, споткнулась на оставленное уборщицей в дверях ведро. Я удержалась на ногах, но как бывает в таких случаях, улыбнулась. Что тут поднялось! Девочки вскочили на ноги, стали кричать, что я такой же враг, как врачи, что я могу смеяться в дни страшного народного горя. Причем имелся в виду именно Готвальд. Стали обсуждать чуждость еврейского характера, моего в частности. Мне хотелось объяснить, что улыбнулась я от неловкости, а не от радости, что умер Готвальд, но вряд ли бы сумела это сделать, если бы мне даже позволили.

А между тем в нашей семье произошло некоторое чудо. Моя бабушка, крошечная старушка, почти слепая, в сильных очках, восторженная и очень добрая, едва услышав о смерти Сталина, вышла на улицу — может быть в магазин или просто подышать воздухом. Она прошла квартал до угла с улицы Герцена (у нас в доме ее называли Никитской, но в те годы она все-таки была Герцена!) и увидела толпу студентов, шедших в Колонный зал проститься со Сталиным. Бабушка всегда ощущала себя внутри исторического процесса, любознательность ее была безмерна. Как пропустить такой случай, когда студенты позвали ее с собой? Нет, она совсем не рыдала, но она понимала значительность момента. Ведь отсутствие надежды дает чувство стабильности, и всех страшила возможность поворота к чему-то неизвестному и худшему. Вместе

с молодежью она дошла до Колонного зала, в числе первых прошла мимо гроба и спокойно вернулась домой. Слухам о сотнях людей, раздавленных в толпе в тот же день, не поверила бы.

КАК Я В ПИОНЕРЫ ПОСТУПАЛА И В КОМСОМОЛ

В моем детстве октябрят ещё не изобрели. Партийная жизнь начиналась в девять лет, с пионерского возраста. Я в школе была всегда середнячком: и фамилия в алфавитном списке в середине, и отметки средние, и росту маленького, и голос тихий.

Сначала пионерами стали отличницы. Я к ним никогда не относилась. Потом двоечницы, для подъема самоуважения и стимулирования. Двоечницей я тоже не была. Тут же пионерские собрания стали «закрытыми», и гордые избранничеством пионерки подчеркивали таинственность своих мероприятий. Продолжалось это, конечно, недолго, но помню, что уже тогда эта «партийная» спесь меня раздражала. Тем не менее, не вступать в пионеры мне даже в голову не приходило.

Наконец, дошла очередь и до меня. Кажется, всем моим современникам известна социальная пропасть между носителями шелкового и штапельного пионерского галстука. В нашем классе штапельных было штук пять, остальные шелковые. Саму процедуру я совершенно не помню, кажется, она проходила просто в школе. Но очевидно, я очень волновалась, потому что вернулась домой с высокой температурой, с которой началась моя первая и единственная детская болезнь — корь. Воспоминания об этой болезни очень приятные. Связаны они с книжкой, которую я прочитала с великим наслаждением, а именно, с «Коньком Горбунком» Ершова. Сменить многократное чтение «Робинзона Крузо» на любое другое я долго отказывалась. От добра добра не ищут, чувствовала я тогда инстинктивно. Поэтому «Конек Горбунок» оказался восхитительным сюрпризом, а стихи, которыми написана сказка, были первым стихотворным текстом, который я прочитала сама. Сказки Пушкина последовали за Ершовым, а не наоборот.

Вообще, читать я начала довольно поздно. Пожалуй, только в девять лет я стала читать запоем. Но, начавши, до сих пор не могу остановиться!

И всю жизнь мне мешали читать другие требования дня: посещение школы, потом университета, приготовление уроков, призывы родителей «погулять на свежем воздухе», и так далее. Я действительно не отличалась крепким здоровьем и склонностью к гимнастическим упражнениям, но кроме того, я частенько симулировала очередную простуду или преувеличивала ее симптомы. Для этого надо было только сказать маме утром: «У меня болит горло и голова». И немножко подбить градусник, чтобы температура была 37,3 или 37,4. Кстати, у меня и без особых манипуляций часто бывала субфебрильная температура — выражение, которое мама употребляла озабоченным тоном, повышающим мое самоуважение. Среди прочих секретов, я поделилась своим методом избегать школу с любимой подругой детства, Инкой. Правда, когда в 12 или 13 лет я рассказала ей новость о тайне появления детей, мы с ней рассорились. Она сказала, что такой гадостью она заниматься никогда не будет, а я, умудренная книжным опытом, признала, что ничем не отличаюсь от других людей, очевидно буду. То, что перспектива не казалась мне особенно отталкивающей, а даже наоборот, я ей, к счастью, не сказала.

К четырнадцати годам я уже вполне понимала, как устроен наш мир, и вступление в комсомол считала, не без основания, необходимым условием приёма в университет.

Итак, идет пионерское собрание, где обсуждается моя кандидатура. Тут Инка поднимает руку и просит слова. И, преодолевая боль, она вынуждена сказать, что я, Камышникова Наталья, не достойна быть членом комсомола, потому что обманываю родителей и школу, симулируя болезни. Классный руководитель, Мария Ивановна Власова, явно в некотором замешательстве, но хвалит выступавшую за то, что она преодолела ложные требования дружбы, и, как настоящий друг, говорит о своей лучшей подруге тяжелую, но необходимую правду. О том, что мы уже год, как перестали быть друзьями, она не знает. Я бегу рыдать в уборную. За мной приходит отличница Валя Ковнер и, к моему изумлению, говорит: «Не плачь. Все знают, что Инка сволочь!»

Ну хорошо, а как мне в комсомол пролезть?! На другой день я прошу у Марии Ивановны встречи и рассказываю ей и о ссоре, и о необходимости поступить в университет, на что она реагирует с полным пониманием. В комсомол меня вскоре приняли. Год был 1957. О том, что некоторые и в эти годы отказывались становиться «помощниками и резервом партии» я узнала много позже.

ПИОНЕРСКИЕ ЛАГЕРЯ

Подлипки

Должна признаться, что я не без удовольствия ездила в пионерские лагеря. Всего я побывала в девяти лагерях, и только последний, пионерский лагерь для детей членов Союза Писателей, оказался настолько невыносимым, что я попросилась домой до окончания смены.

В 1952 году меня отправили в пионерский лагерь, находившийся в подмосковных Подлипках. Лагерь «подлипковцев» находился где-то под Загорском, как тогда назывался Сергиев Посад. Конечно, я тогда понятия не имела, что «Загорск» это Сергиев Посад и что он значил. От какого предприятия был лагерь, я не знаю. Судя по его размерам и отрядным домикам, предприятие было совсем не бедным. Природа вокруг вытоптанного лагерного участка была, как я помню, совсем не тронутая, никакого жилья рядом не было.

В этом лагере было две смены по 42 дня. Мне тогда еще не исполнилось девяти лет. В единственный родительский день между сменами на свидание с детьми родителей завозили на автобусах и грузовиках. Иначе туда нельзя было добраться. Все дети стояли и ждали «своего» автобуса, который привезёт маму и папу. Ждала и я. Но вот пришел последний автобус и сказали, что больше автобусов не будет. Я не помню, что испытала тогда при этом сообщении, но очень хорошо помню, что почувствовала, когда вдруг появился крытый брезентом грузовик и из него попыталась прыгнуть моя мама, как всегда в своем синем платье в белую клетку, но упала, а за ней появился папа в бежевом пыльнике, как тогда называли летний плащ. Мы сидели на траве, и они с умилением и не без ужаса смотрели, как я без остановки поглощаю привезенные котлеты, пирожки и черешню. Я им так и не сказала, и потом не упоминала, что смесь любви и жалости, которую я испытала, когда они стали вылезать из грязной трехтонки,

была самым сильным чувством, мной испытанным, и запомнившимся на всю жизнь.

Приезжать было почти невозможно, зато можно было посылать сколько угодно продуктовых посылок. Я получала огромные посылки каждую неделю, и этим сильно отличалась от других детей, которым присылали пачку печенья или вафель. Мои родители, одесские евреи, присылали в товарных количествах яблоки, домашние коржики, коврижку, сухарики, сушки ванильные и конфеты, которых хватало не только на всех девочек, но и на вожатых, хранивших посылки в отдельной комнате, чтобы дети не обожрались.

Никто меня не обижал, я не скучала, только к вечеру очень хотелось есть. Избалованная мамиными кулинарными талантами, я не ела гарниры, суфле из манной каши, заливное киселем из компота из сухофруктов, не пила кипяченое молоко с пенкой, которое давали на полдник, но после раннего ужина вертелась возле кухни, ожидая, когда повара выставит противень с оставшимся после ужина подсушенным черным хлебом, необычайно вкусным. Я плохо помню, чем мы были заняты днем, кроме уборки территории и линейек, на которых

В пионерском лагере под Загорском

нас заедали комары. Были любимые подружки, которым я раздала на прощание всю свою одежду к некоторому неудовольствию мамы и бабушки. Да, и еще мы разучивали песни, а более спортивные дети практиковались в построении пирамид.

Но я прекрасно помню вечерние детские разговоры. Как я уже говорила, все дети были подлипковские, и подлипковский патриотизм был у них сильно развит. Любимой темой было обсуждение, кто настоящий русский, а кто «помесь». Дети были твердо убеждены, что настоящих чисто русских нет больше нигде, кроме Подлипков. Основным доводом для осуждения жителей других областей, в особенности Москвы, служила смешанная кровь населения, которое не из Подлипков. Ведь везде встречались татары, евреи, украинцы и армяне. Но не в Подлипках! Я уже понимала, что это немного смешно считать, что только и исключительно в Подлипках живут настоящие русские. Интересно, что о том, как получают дети, никто еще не слышал и вопросом этим не задавался.

Вечерами рассказывали страшные истории. Особенно популярен был классический сюжет о котлетах, купленных на рынке, в которых находят человеческие ногти. Кое-что мне казалось явно неправдоподобным: кто же покупает котлеты на рынке, когда их жарит мама или бабушка дома на сковородке! Но один вариант объяснил мне, что кое в каких деталях рассказ основывался на фактах, правда, неправильно понятых. История была о том, как, опять-таки на рынке, кто-то купил котлеты, а в них оказался детский палец (или нечто столь же не подходящее). Пошли за еврейкой, которая их продавала, зашли в комнату, вроде все обычно, только на стене ВИСИТ БОЛЬШОЙ КОВЕР! Содрали ковер, там дверка в другую комнату, а в ней прибитые по стенам мальчики, гвоздями!. А я про себя думаю: «Конечно, это чушь, но понятно, как появился такой слух. Вот ведь и у нас, у евреев, на стене висит огромный ковер, который мама привезла из эвакуации. Правда за ним нет дверцы, а живет в соседней комнате астроном Полак, но схема похожая». Ни обиды, ни возмущения я не чувствовала. Было интересно, и поняв, на чем основан такой сюжет, я сама

стала рассказывать аналогичные истории, расцвечивая подробности злодейства, но не упоминая национальную принадлежность преступников. В сущности, «тискала рóманы».

Росла я в совершенно ассимилированной семье, и прямого отношения к религии ни греческие мифы, ни библейские истории не имели и никак для меня не были связаны с понятием о Боге. Было какое-то смутное представление, вернее, я еще не задумывалась о том, что Бога может быть и нет. Я еще не думала об этом, и потому не сомневалась. Но все девочки в нашей комнате в случае грозы начинали креститься, а одна, прирожденный лидер, требовала, чтобы мы все стали на колени и молились, а то «убьет громом». И я тоже исправно становилась в кровати, как все, на коленки и крестилась — из вежливости. Икон или крестиков не было ни у кого. Кроме того, соблюдалось еще множество примет, совершенно, как я теперь понимаю, языческих: какой рукой завязывать ленточку на кровати, с какой ноги вставать, всего уж и не помню. Теперь только понимаю, из каких семей были эти дети, что они слышали дома, а главное, как недавно тогда кончилась война, о которой никогда не говорили. Мои ровесницы, они еще живы сегодня, как и я.

Томилино

Это был очень странный лагерь. Он представлял собой вытоп-танный квадрат земли, примыкавший к станции. На территории росли сосны, ни травы, ни цветов не было. Кажется, было несколько длинных бараков, каждый на отряд, человек двадцать девочек и, отдельно, мальчиков. В этом лагере впервые мне был задан вопрос о моей национальности, в такой форме: «Наташка, ты абрамка?» Инстинктивно, я поняла, о чем спрашивают, хотя прежде этого слова не слышала. «Да», ответила я и была вознаграждена похвалой моей честности. «Молодец, что призналась, ты же не виновата». Никаких последствий для меня это «признание» не имело.

Теперь я понимаю, что тогда, в самом начале пятидесятых, почти никакой идеологической работы с детьми не

проводилось. Посреди территории стоял огромный стол, на котором лежали кучи не то глины, не то пластилина. Нас учили делать изделия из папье-маше. Мы лепили какие-то страшные рожи или овощи, обклеивали их цветной бумагой, долго сушили. Результатов нашей работы я не помню. Зелени ни на территории лагеря, ни вокруг не было. Но нас два раза возили «на природу». Мы ехали в открытых грузовиках, причем один раз нас провезли через центр, по улице Горького и через Красную площадь. Всю дорогу мы пели песни, я была в упоении от езды, ветерка, от незабываемо красивой песни «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся Советская земля». Самой «природы» я не запомнила.

Но потом начались дожди, и в лагере стало как-то тяжеловато. Но мы, евреи, как известно, всегда умеем устроиться. Моя мама договорилась с врачом лагерного изолятора, тоже еврейкой, и меня под каким-то предлогом положили в изолятор. Там лежала другая девочка, Мила Грачёва, с которой мы крепко подружились. Меня потом несколько раз возили к ней в гости, в дом номер 42 на улице Арбат. Дружба наша продолжалась довольно долго после лагеря, может быть год или два.

Цесарка

Почти во все лагеря я попадала «по блату», от папиной работы в «Гипромолоке» (или в «Гипромясе») был только лагерь под названием «Цесарка», где я провела одну смену году в 1954. Не помню, где он находился, кажется, в Катуарах, но где-то в такой подмосковной глуши, что мы часами пропадали в лесу, обрывая зеленые грозди лесных орехов, собирали грибы и сушили их, нанизав на нитку и развесив на окнах. Благодаря пионерским лагерям начала пятидесятых, я несколько летних каникул провела в подмосковных лесах и лугах, и там особенно остро полюбила одиночество и природу.

В этом лагере я ни с кем не подружилась, мне еще повезло, что меня не преследовали, как какую-то несчастную девочку,

которую обвинили в воровстве. Она бегала вокруг нашего домика, а за ней бежала толпа злобных девчонок, и они на бегу били её. Как обычно, «лидерами» в толпе становятся самые грубые, решительные и самодовольные. Вечерами там было популярно развлечение, о котором я вспомнила, читая рассказ Бабеля «Мой первый гусь». Самая «задорная» из девиц присаживалась на каждую кровать, а в палате было кроватей пятнадцать, и изображала, что громко пердит.

В этом лагере мы были предоставлены самим себе, и никто не запрещал нам проводить время в лесу, бродить в одиночку, и не мешал читать.

Однажды в «Цесарке» нас повели в соседнюю деревню на братскую могилу солдат, погибших в недавно окончившейся войне. На меня пыль и тишина дороги в деревню, а потом могила с датами жизни убитых, произвели сильное впечатление. И я написала об этой экскурсии заметку в лагерную стенгазету, которая вызвала такое восхищение нашей пионервожатой, что она всем ее показывала, гордясь талантливой пионеркой, мной, то есть. И, конечно, заметку эту потеряла. Потом я написала по памяти заметку заново, но так чувствительно уже не получилось. Остро запомнился момент, как я стояла одна на терраске и вдруг, в какое-то одно мгновение ощутила свое существование, почувствовала себя собой. Мне было почти десять лет.

Лагерь в Купавне

Там был лагерь какой-то богатой организации. Нас заметно лучше кормили, на территории были разбиты клумбы, была организована детская самодеятельность. Ничем интересным этот лагерь мне не запомнился, только ежедневной «уборкой территории», которую я ненавидела. Уже тогда я страдала от боли в спине из-за плоскостопия, и эти медленные прогулки в согнутом положении по огромной территории и сбор бумажек был мучителен и смертельно скучен. И еще к этому времени стали уделять больше внимания идейному воспитанию, утренняя и вечерняя линейки стали продолжительнее, и

на репетициях заставляли присутствовать, даже если ты ни в каких номерах не участвовал за полным отсутствием талантов. Лагерь был недалеко от станции, меня несколько раз навещала мама и ее тётка, Аничка Камышникова, приезжавшая иногда в Москву. В этом лагере я впервые услышала о таком явлении, как менструации, но решила, что это бывает только у совсем взрослых женщин. Ни о каких аистах, капусте и специальных магазинах, где «покупают братика», в нашем доме, конечно, не говорилось. Но откуда в животе у женщины берётся ребёнок, меня совершенно не интересовало. Ни у кого из знакомых младенцев не было, беременных среди них тоже не бывало.

Белые Столбы

В этот лагерь я попала в ту смену, когда из-за Международного Фестиваля Молодежи и Студентов не попала в свой любимый, Гипромезовский. Странное это было место. От станции довольно далеко, кажется, шесть километров. Вокруг лагеря лес, в котором в то лето мы собирали грибы, и, веря, что сыроежки так называются, потому что их можно есть сырыми, действительно их ели. Никто не заболел. Опять-таки, никакой работы с нами не вели. Кажется, часто шли дожди, и детей занимали тем, что всем раздавали краски и стекла, на которых мы рисовали цветы, домик, дерево, а кто умел, рисовал собаку и будку. Это был очень бедный лагерь. Домик был разделен на две половины, между которыми было большое окно. В одной половине спали все девочки, в другой все мальчики, всего человек тридцать. Конан Дойля я рассказывала на обе палаты. Помню, как рассказывала «Пеструю ленту» и «Шесть Наполеонов». Названия помню. А содержание совершенно теперь забыла.

Каждое воскресенье ко мне приезжал папа. Он шел шесть километров от станции пешком, и пешком возвращался. Мама в это время уехала с подругой Адой Марковной отдыхать в Бердянск. Все были еще совсем молодые. Кажется, никогда я их так не любила, как в это лето. Мне было лет одиннадцать.

А однажды на меня напал жор. В этот день на ужин давали гречневую кашу. Мне было особенно вкусно, и я попросила добавки. Каши оставалось много, и мне охотно дали вторую порцию. Я съела и попросила ещё. Опять принесли полную тарелку. Боюсь соврать, но я ела так, что вожатая привела другую, позвали с кухни работницу, и они в совершенном изумлении смотрели, как этот тощий заморыш наворачивает гречневую кашу с маслом. Ничего подобного со мной не бывало ни до этого случая, ни после.

Иногда вдруг осознаешь, как многое уже проявилось в таком далеком детстве. В конце смены силами пионеров старшего отряда, то есть детей лет 13 и 14, ставили сцену из пьесы Островского «Без вины виноватые». Мальчик, который играл Незнамова, казался мне невероятным красавцем, совершенно взрослым, конечно! Впрочем, я и себя чувствовала тогда взрослой. И когда он произнес: «Я пью за матерей, которые бросают своих детей», я рыдала так, как лет двадцать спустя в театре Моссовета, потрясенная игрой Раневской в спектакле «А дальше тишина». А вообще театр я не люблю, за всю жизнь видела всего несколько спектаклей, и всегда испытывала чувство неловкости, услышав первые реплики актеров, поражающие фальшью. До сих пор со стыдом вспоминаю, как после этого представления я объясняла подруге, что никто из присутствующих не способен так тонко чувствовать прекрасное, как я, потому что выросла в очень культурной семье. Ужас!

Пионерлагерь от «Гипромеза»

Самый любимый пионерлагерь был от «Гипромеза», института на Проспекте Мира, где работала моя тётя Маруся. Я провела там по одной и по две смены три года подряд. По сравнению с другими, это был богатый лагерь: палаты были на двоих, уборные с унитазами и сливом в корпусе на каждом этаже, почти всегда действующие. Местоположение прекрасное, правда, не помню, где это было, возили нас на автобусах с Проспекта Мира.

Очевидно, в те годы идеологическая работа в пионерских лагерях еще не была налажена и никаких «Зарниц» не существовало. Из организованных занятий было изучение танцев народов СССР, песен для исполнения хором, построение «пирамид» для особенно спортивных и гибких, и частая уборка территории. Я ни в чём, кроме обязательной линейки, не участвовала по причине редкого отсутствия способностей — ни голоса, ни слуха. Я только читала целыми днями, и никто не говорил мне, в отличие от родителей: «Пошла бы погулять на свежем воздухе!»

Очень украшал мое пребывание в этом лагере пионер-вожатый Миша Гуревич. Довольно быстро разобравшись в том, с кем он имеет дело, он не требовал от меня обязательного дневного сна, а разрешал читать все два часа в постели. При чем его комментарии по поводу моего выбора я помню до сих пор. Так, он презрительно отозвался о книге Бориса Мусатова «Стожары», которую я с упоением читала в 11 лет, с насмешкой, когда лет в 12 я читала на дежурстве под «Грибком» у входа в лагерь «Сестру Керри» Драйзера, и приблизительно в это время советовал мне прочесть «Слово о полку Игореве». Тогда я была еще мала и с усилием продравшись через древнерусский оригинал, я почувствовала, что когда-нибудь оценю этот текст, а пока еще не могу. О чем честно сообщила вожатому Мише следующим летом. Все детство и юность я, мечтала стать врачом. Ни у кого в нашей семье по разным причинам это не получилось. А самым отвратительным занятием на свете я считала преподавание русского языка. Из этого легко заключить, как у нас преподавался русский и литература, когда их вела Панна Ивановна Неклюдовская. Представьте себе мое возмущение, когда Миша заявил, что я буду учительницей русского языка! Как я ни убеждала его, что стану врачом, он настаивал на своем и цинично смеялся мне в лицо! А однажды прочитал мне «потрясающее» стихотворение недавно появившегося молодого поэта «Со мною вот что происходит, ко мне мой старый друг не ходит». Я всегда отличалась неуместной честностью. Несколько лет спустя, когда мальчик, в которого я была влюблена, пригласил меня на

футбольный матч, я отказалась, потому что к футболу была равнодушна. Больше он меня никуда не приглашал! Так и тут, строки, потрясшие душу обожаемого Миши, у меня вызвали мурашки отвращения, о чем я немедленно ему и сообщила.

По тем временам, середины пятидесятых, Миша Гуревич был необычным пионервожатым. Наш пионерский отряд он назвал «Пиратский корабль», гимном которого была песня «Бригантина». Флагом была назначена моя зелёная косынка в белый горошек. Вечерами он по получасу занимался с нами военной подготовкой, после которой дети засыпали, как миленькие, без особых лагерных вечерних драк подушками и страшных рассказов до полуночи.

А однажды Миша предложил желающим встать очень рано и пойти встречать рассвет. Но он предупредил, что будить никого не будет, только приоткроет дверь. Кто проснется, тот с ним и пойдет. Было еще темно, когда тихо приоткрылась дверь нашей палаты. Я мгновенно проснулась, накинула платье и выскользнула навстречу группе из трех или четырех человек, стоявших в коридоре. Мы вышли на улицу. Воздух посерел. Трава была совершенно мокрая от росы. Мы вышли за территорию лагеря и пошли через поле в сторону леса. Рассвет вообще-то описывался в русской литературе другими мастерами пера, могу только сказать, что за шестьдесят прошедших лет тот рассвет не стерся в моей памяти.

Еще был один эпизод в этом лагере, который меня тогда очень удивил. Смысл его я поняла гораздо позже. В нем я играла ведущую роль. Многие уже читали рассказы о Шерлоке Холмсе и организовать «тайный клуб», посвященный рассказам о таинственных преступлениях и их раскрытии, казалось совершенно естественной и невинной игрой. В соседнем, мальчишеском корпусе, вернее домике, был чердак. Мы решили собираться там, человек шесть или семь, помню, среди нас был мальчик по фамилии Лемперт, которого родители, не удовольствовавшись данной ему наследственной фамилией, снабдили женскими розовыми трико в качестве шортов. Желающие могут представить себе, как этот мальчик был популярен среди остальных детей.

Итак, встретились мы на этом чердаке один или два раза. Заходящее солнце освещало чистый чердак, пахло свежим деревом, мы сидели на полу и шепотом, потому что общество было тайное, пересказывали рассказы Конан Дойля, украшая их по своему вкусу страшными подробностями.

Каково было наше удивление, когда нас всех вызвал к себе директор лагеря, на собрании этом присутствовали вожатые и воспитатели, и все казались взволнованными и озабоченными. Оказалось, что наше поведение было почти преступным. Мы организовали «тайное общество», в этом была огромная опасность и для нас, и для администрации лагеря. Мы должны были пообещать, что никогда ничего подобного не повторим. Конечно, на этом наша невинная игра и завершилась. При том, что мы совершенно не понимали, что в ней преступного и за что нас так ругают. Именно после этого, очевидно желая направить романтические интересы детей в более невинном направлении, Миша Гуревич и предложил «секретно» встречать рассвет.

Много лет спустя я поняла, что еще несколько лет до описываемого события, всех нас могли посадить в другой лагерь за организацию «группы», а еще немного пораньше и расстрелять заодно с директором лагеря. Молодцы наши руководители, что спустили этот «групповой сговор» на тормозах.

Апрелевка

Летом 1957 года мне было 13 лет. О венгерском восстании 1956 года я не имела понятия, но двадцатый съезд зацепил фальшью выражения «культ личности», который почему-то был ответственен за «нарушение ленинских норм». Почему любовь к Сталину мешает следовать «ленинским нормам», и что это за выражение «ленинские нормы», как бы всем понятное, но никак не формулируемое? Инстинктивно я понимала, что таким языком правду не говорят. Тем, кого освободили из лагеря и вернули из ссылки, было, наверное, не до стилистических тонкостей, и теперь, задним числом, я

понимаю их благодарность хрущевской «оттепели». Но тогда во мне уже включился механизм отторжения всего, что хоть как-то исходило от властей. Я приняла знаменитый XX съезд как очередную официальную компанию.

Пожалуй, именно 1957 год стал для меня переломным. Я попала в пионерский лагерь для детей членов Союза Писателей в Апрелевке. Из всех лагерей, в которых я проводила летние каникулы, пионерлагерь детей писателей был единственным невыносимым, из которого я попросилась домой и который оказался, к счастью, последним.

Я не помню совершенно, кто и как меня привёз в лагерь. Помню только, что очевидно смена уже началась, и дети меня окружили насмешливо-враждебной толпой. Никогда прежде я с таким отношением в лагере не сталкивалась. На боку у меня висела маленькая клетчатая сумочка, сшитая мамой. Одета я была тоже не в покупное, стандартное, а в то, что сшила для меня мама. Мой вид вызвал немедленную враждебность. Потом я вошла в «палату». Комнаты в пионерлагерях и в больницах назывались одинаково — палаты. После Гипромезовского лагеря, где комнаты были на двух, трех человек, здесь размещалось коек 20, в два ряда. Моя была, кажется, второй или третьей от двери. С одной стороны была кровать Наташи Яшиной, дочери поэта и автора рассказа «Рычаги», с другой — девочки, ни имени, ни фамилии которой не помню, ставшей для всей палаты козлом отпущения, как часто бывает в детских коллективах. Обычно всеми ненавидимым делают ребенка, который ночью описался. Эта девочка была неприятна коллективу тем, что была на половину армянка, на половину еврейка. Руководила компанией неустанного преследования и издевательств Катя Васильева, дочь поэта Васильева, автора бессмертной поэмы «Без кого на Руси жить хорошо». Катя лежала возле окна, на второй или третьей кровати от стены в противоположном ряду. Это была красивая, стройная девочка, блондинка, с хорошо поставленным звонким голосом. Прирожденный лидер, она властвовала над всей палатой. Каждый вечер, когда тушили свет, она начинала говорить о том, как противно

находиться в одной комнате с этой толстой еврейкой и, к восторгу остальных девочек, придумывала для нее всякие оскорбления.

Не знаю, почему, но в детстве меня не принимали за еврейку, наверно из-за моей русской фамилии. Мне было страшно и стыдно, что я не признаюсь в своем еврействе. Отвращение к Кате Васильевой мы разделяли с Наташей Яшиной. Как бывает в этом возрасте, мы страстно с ней влюбились друг в друга. К счастью, никто тогда даже не подозревал о существовании лесбийской любви, мы в том числе, и своей привязанности друг к другу и не думали скрывать. «Роман» наш продолжался несколько дней. Объединяло нас сострадание к обижаемой девочке и разговоры о природе и книжках. Помню, что однажды ее навестил папа, по моим понятиям очень молодой, веселый, и, что меня тогда удивило, усатый дядечка. Я не могла выдержать атмосферы этой палаты и что-то симулировала, чтобы попасть в изолятор. В изоляторе я лежала в одной комнате с мальчиком лет десяти, кажется его фамилия была Пляхин. Этот малыш меня полюбил, и я запомнила, как он сказал: «Никогда не встречал такой девчонки, как ты!» Надо же, что сохраняет память. Очень я не избалована мужскими комплиментами!

Через несколько дней пришла не то воспитательница, не то сама врач с письмом, которое я написала накануне домой. Возмущение её содержанием моего письма было неподдельным! До этого я никогда не сталкивалась с перлюстрацией детских писем из пионерлагеря. Во всяком случае, такой откровенной. Правда, я никогда прежде ни на что не жаловалась, а только составляла длинные списки еды, которую просила послать или привезти. В основном, в списках был зефир, пастила, черешня, сушки, ванильные сухари в товарных количествах, чтобы хватило всему отряду. Не помню, то ли это письмо все-таки дошло, то ли я написала другое, но мама приехала очень скоро и забрала меня из этого лагеря до конца смены. Я очень ясно помню, какая она была тогда молодая, как мы с ней шли к станции, при дороге росли одуванчики и ромашки, и чудно пахло

нагретой пылью, цветами и полынью. Прощание с Наташей Яшиной было душераздирающим. Мы обе рыдали и клялись встречаться после конца смены. И действительно, я один раз была у них в доме, познакомилась с мамой, у которой было необычное красивое имя Злата. Больше мы не виделись. Только однажды, когда я возвращалась в электричке, кажется из зимнего дома отдыха, меня кто-то окликнул с задней скамейки. Я оглянулась: это была Наташа! Мы обе уже были студентки. Она архитектурного института, я филфака. Обменялись несколькими словами. Немедленно почувствовали абсолютную чуждость — круга, интересов, прошлого и будущего. Недавно нашла на Интернете описание ее занятий, работы по сохранению наследия отца, а также принадлежности к самой консервативной части русской православной интеллигенции. Вечер, посвященный столетию Александра Яшина, вел одиозный Станислав Куняев.

А Катя Васильева, как я тоже узнала недавно, стала, оказывается, знаменитой актрисой. Глубоко верующим православным человеком.

Кроме этого писательского лагеря, никаких особенно отрицательных эмоций ни один из лагерей у меня не вызывал. Напротив, благодаря им чтение в 1962 году «Одного дня из жизни Ивана Денисовича» произвело на меня не потрясение, а впечатление точности, узнавание знакомого настроения. Новым был только язык, прежде не встречавшийся в русской литературе.

СОСЕД ПОЛАК

Из множества маминых талантов умение организовать обмен жилплощади она сама ценила выше всего. В начале 1930 года ей удалось поменять квартиру в Одессе на комнату в Москве, в Леонтьевском переулке. Три минуты до Тверской, пять до Никитской, десять до Гоголевского бульвара. Вот в этом радиусе мы и жили до самого отъезда в эмиграцию в 1979 году.

Родители, как, впрочем, и все советские люди, мечтали об отдельной комнате для ребенка с бабушкой, но в 1950 году увеличить площадь и уменьшить количество соседей считалось не реальным. Осенью я должна была пойти в школу, поэтому желанный объект должен был быть достаточно близко, чтобы относиться к привилегированной школе, находившейся прямо напротив нашего старого дома.

Как маме удалось этот обмен организовать, я не помню. Но 1 сентября 1950 года, за полтора месяца до дня рождения, меня уже вели в эту школу номер 131 из Собиновского переуллка, как тогда назывался Малый Кисловский.

Мы въехали в две комнаты в квартире, где был прописан только один сосед, астроном по фамилии Полак. Имени отчества я его не помню совершенно, но вот погуглила и нашла, что в МГУ преподавал астрономию И.Ф. Полак. Думаю, что это он и был. Вместо шести соседских семей у нас оказался только один сосед. Это был очень сдержанный, интеллигентный, но странный человек. Гораздо больше, чем астрономией, он интересовался энтомологией, был, как впоследствии оказалось, буквально помешан на ней. Помню, как он выходил утром в кухню, подходил к окну и долго стоял, глядя с нашего третьего этажа вниз, во двор-колодец. Часто он принимался к чему-то, казалось, что нюхал оконное стекло, а потом говорил тихо сам себе: «Пахнет жуками.» В его комнате была изразцовая печь, обитая зеленой тканью тахта, маленький дубовый столик, стул и, главное, этажерка с книгами. Он недавно женился и несколько раз они с женой меня развлекали, показывая, как натертый янтарь притягивает

маленькие кусочки бумаги, объясняли, как работает магнит и опыты, которые они мне показали, были моими первыми уроками естествознания. Вскоре он переехал к жене, звали ее Люся, она тоже была научным работником. Они охотно разрешили нам пользоваться их комнатой, так что несколько лет мы жили в отдельной квартире. Правда, в квартире тогда не было ванны, взбираться на высокий третий этаж по всегда совершенно тёмной лестнице (стеклянная крыша времен постройки конца девятнадцатого века была наглухо забита досками) было неприятно, и проходить к нашему подъезду надо было через арку мимо ряда вонючих помойных баков, но это была отдельная квартира в центре Москвы в начале пятидесятих годов! Часто вспоминаю, что в этой полутемной арке, прямо над помойными баками, было окно «монашки Натальи,» пожилой женщины, целыми днями сидевшей у этого окна и смотревшей на проходящих. Много позже я поняла, что она была монахиня из какого-то закрытого после революции монастыря.

Соседской комнате с книжной этажеркой я обязана часами блаженства. Конечно, у нас было значительно больше книг, в основном классика, и я их тоже читала, но они не были так случайно собраны, у нас не было такого разнообразного и притягательного выбора. Книг было немного, но я прочитала все, и они оказали, как я много позже поняла, на меня большое влияние. Самое смешное, что часть из них была мало доступна даже для взрослых, а часть составляли детские дореволюционные книжки. Что вспоминается? Лукреций, «О природе вещей» Жёлтый твердый переплёт. Очень понравилось. Теофраст, «Характеры.» Прочитала с жадностью.

Дивная переводная детская книжка о переселении насекомых в другое место. Не помню ни названия, ни автора. Множество гравюр, изображавших жуков — дам, господ и детей — в костюмах конца 19 века, с баулами, корзинами, шляпными коробками, зонтами, ожидающими в вокзале поезда. Чудные мелкие детали: часы на стене, чугунная печь, скамейки. Несчастные жуки изгонялись из своего родного края. Только сейчас я подумала, что эта книга могла когда-то

повлиять на маленького мальчика и определить его увлечение энтомологией. «Яма» Куприна, без обложки, начала и конца. Мне лет двенадцать. Как дети получают, я узнала совсем недавно в пионерском лагере, не очень поняла механизм, но что делиться с родителями новыми познаниями не стоит, уже понимала. Подруга Инка читала рядом приличную книгу «Дорога уходит в даль» и презирала мои низменные интересы. «История индийской философии». Толстенная, скучнейшая и совершенно непонятная советская продукция, но и ее я честно дождала. Какая-то книга Фрейда, изданная до революции, тоже скучная. Еще какие-то книги по философии, да, «Так сказал Заратустра»! Вот это было наслаждение. Я уходила в эту комнату читать и наши книги, которые от меня иногда прятали, чтобы я делала уроки. Так, помню, я обезумела от «Графа Монте Кристо». Читала под одеялом с фонариком, который купила по секрету от родителей на скопленные деньги, но была поймана на месте преступления. Папа, который мне обычно подкладывал хорошие книги, рассердился и спрятал второй том. Конечно, я нашла его и уединилась в соседской комнате, дочитывая упоительные страницы о давно лелеемой мести. В какой-то момент я пришла в такой восторг, что заколотила ногами по зеленой когда-то тахте. Тахту не выбивали, я думаю, с довоенных времен. Пыль поднялась буквально до самого потолка.

Но вдруг все изменилось. Что произошло на самом деле, ни я, ни родители не знали. Пришла Люся и сообщила, что ее муж сошел с ума и покончил самоубийством. Было странно, что она не выражала никакой особой печали, но сказала, что комната ее не интересует, и мы можем ею пользоваться. Прошло несколько месяцев. Однажды я проснулась поздно вечером и услышала голоса в соседней комнате. Никогда я не слышала такого потрясенного, растерянного голоса у мамы. Дело оказалось в том, что Люся поменяла свою квартиру и эту комнату на другую квартиру, и в результате к нам вселялся новый сосед с женой. Люся не скрывала, что он алкоголик, что у него было одиннадцать приводов за хулиганство (как я запомнила эту фразу?!), что он тихий, когда не пьяный, а по

профессии полотер, так как когда-то попал под трамвай и у него нет руки. Так в нашей жизни появился Володя Бабичев с женой Надей.

СОСЕД ВОЛОДЯ БАБИЧЕВ

С соседом Володей Бабичевым и его женой Надей мы прожили лет восемь. Довольно долго у нас сохранялись вполне приличные отношения, особенно с Надей. Только к концу, когда он совсем спился, жить с ним стало невыносимо.

Володя был высокий стройный брюнет лет 35, всегда хорошо и чисто одетый, гладко выбритый и удушающе благоухавший Шипром. Это когда он был трезв, что в первые годы бывало часто. Полотер, он никогда не нуждался в клиентах — лак для паркетных полов еще тогда не появился. Можно только представить силу его ног! Левую руку он потерял еще в детстве, попав под трамвай, но умело орудовал правой: брился, гладил свои рубашки, чистил картошку и жарил ее со свиной и луком на большой сковороде. Незадолго до переезда в нашу квартиру он женился на очень молоденькой, худенькой девушке, которую он привез из города Кургана. Мы с ней даже подружились, во всяком случае когда мне было лет 15, а ей около 20, мы друг друга просвещали в вопросах, представлявших взаимный интерес.

Володя очень хорошо зарабатывал, и вскоре комната соседей преобразилась. У них был полированный шкаф, телевизор, диван-кровать, ковер на стене и даже торшер.

Володя очень любил читать. Бывало придет с работы, нажарит себе картошки, выпьет за ужином четвертинку, и читает, пока не уснет над книгой. Книги он любил толстые. Помню, как он заснул над толстенным однотомником Мюссе, у нас одолженным. Был такой, в голубом твердом бумажном переплете. Мы все обычно ели в кухне по очереди.

Потом, года через три, мы стали свидетелями супружеских сцен. Когда Надя его упрекала в очередном запое, он ей с полной убежденностью возражал: «Какой я алкоголик?! Я что, вещи из дома выношу?» Слово «вещи» произносилось с особым ударением, подчеркивающим ценность «вещей», приобретенных на деньги, заработанные тяжким трудом.

Как настоящий алкоголик, Володя постепенно стал пьянеть от меньшей дозы, настолько он был проспиртован. Частенько не доходил до уборной, и засыпал поперек коридора в своей моче. Теперь острый дух Шипра бывал смешан с запахами перегара, Беломора и блевотины, несшимися из комнаты соседей.

Иногда она пробовала вызывать милицию. Но Володя прислонялся к стене и расшвыривал нескольких милиционеров своими могучими ногами.

Постепенно он худшал. Если сначала Надя очень гордилась тем, что он ее «никогда пальцем не тронул», то через несколько лет он ее стал побивать. А потом уже колотил смертным боем. Однажды мой отец, пожилой интеллигентный еврей, казалось неспособный на подобные действия, не выдержал и вышел на Надины вопли. Оказалось, что Надя пыталась спрятаться в ванной комнате (к тому времени кухню разделили пополам и установили ванну), а Володя ее настиг, и колотил ее головой между кафельным полом и дном стоявшей на чугунных лапках ванны. Тут папа впервые пригрозил соседу классической советской угрозой: «Я вас посажу и вышлю из Москвы». Никаких реальных возможностей для осуществления этой угрозы у папы не было, просто это был узнаваемый боевой клич. Как ни странно, Володя действительно на некоторое время оставил жену в покое.

Однажды Надя куда-то уехала, то ли к подруге, то ли навестить родственников в Кургане. Ее отсутствие внесло еще больше разнообразия в нашу жизнь. Володя стал приводить с улицы проституток. Перед употреблением он мыл их в ванне, а мы не смели выразить неодобрения, поскольку в этой же ванне купали нашего эрдельтерьера, на что соседи никак не возражали. Иногда он ставил свои любимые пластинки на полную громкость и засыпал, а они играли одну и ту же песню без перерыва. Обычно это была его любимая песня «Если радость на всех одна, на всех и беда одна» или, реже, «Ночью за окном метель, метель, белый беспокойный снег».

Однажды он привел очередную даму, когда мы уже давно спали. Среди ночи мама проснулась от диалога, который она передала утром слово в слово и с точной интонацией.

«Кого я привел?! Кого я привел?! — возглашал Володя потрясённым голосом с огромным драматизмом. -Ты же блядь старая! Вонючая, грязная!

В ответ раздавался совершенно пропитой голос: «Я человеееек! Я человеееек!»

«Вон! Вон пошла!»

Словом, стало окончательно ясно, что опять пришло время менять квартиру.

Процесс семикратного обмена в 1964 году, в результате давший нам отдельную двухкомнатную квартиру в Трёх-прудном переулке, в доме 8, а Бабичевым отдельную однокомнатную, стал последним жизненным достижением моей мамы. Я его обесценила, вывезя всю семью через пятнадцать лет в Америку.

ШЛЯПНЫЙ КРУЖОК ПРИ ЦДЛ

Едва мама кончила свой юридический техникум (по-моему, это так тогда называлось) и начала работать юрисконсультom, как началась война. К счастью, ее мама, Анна Филипповна, перед войной приехала в Москву, и они все вместе эвакуировались в Ташкент. Жили они со всей мешпухой в одной комнате в Ташкенте, где, несмотря на то, что они делили комнату еще с пятью родственниками, мама умудрилась забеременеть.

Я не понимаю, почему в ее воспоминаниях о работе в колхозе, куда ее отправили на сбор саксаула, фигурировали казахи. Возможно, колхоз был в Казахстане? Поехала она «на саксаул» уже беременная мной, но поняла это, только вернувшись.

Меня всегда поражает, как мало время рождения связано с будущей судьбой. 1880-1890 годы. Налаженная, уютная, буржуазная жизнь — в Петербурге, Одессе, Вене. Поместье, или дача, или городская квартира. Гимназия, бонна, книжки. Но уже Вершинин смотрит на своих девочек, «стоящих у порога в одном белье, и у девочек на лицах тревога, ужас, мольба. Боже мой, думаю, что придётся пережить ещё этим девочкам в течение долгой жизни! Я хватаю их, бегу и все думаю одно: что им придется пережить еще на этом свете!» Мы-то слишком хорошо знаем, что придется пережить девочкам, рожденным в 1890е годы.

А тут 1943 год. Гитлер, Сталин, оставленная комнатка в коммунальной квартире, эвакуация и полная нищета. На что можно было надеяться? Не то, что моя жизнь оказалась сплошным мёдом, но меня не коснулась ни одна угроза прошедшего века. Ни голода, ни войны, ни тюрьмы, ни нищеты я не знала. Так что никогда не угадаешь.

А мама тогда почувствовала, как она говорила, «сейчас или никогда» — возраст был по тем временам почти пожилой — 32 года, и она родила меня осенью 1943 года, умудрившись к родам вернуться в Москву.

Опыт работы «на саксауле» так врезался ей в память, и она так живо и подробно о нем рассказывала, что мне до сих пор кажется, что я все это видела своими глазами. Вообще, ее жизнь кажется мне частью моей собственной, так живо она умела рассказывать о самых банальных вещах. Только теперь я понимаю, что она разделяла обычное отношение москвичей к тем, с кем они оказывались в эвакуации. Казахов она презирала, потому что те, рядом с которыми их поселили, были «грязные и неграмотные», а Джамбул Джабаев был для нее их типичным представителем. О том, что за годы советской власти как минимум треть казахов умерли от голода, она, конечно, не знала. Да и я узнала совсем недавно. Там же работали немцы, как я теперь понимаю, выселенные из Поволжья, о них мама говорила с отчуждением, но и с уважением: «немедленно обжили свой барак, чистота там была идеальная». С антисемитизмом она впервые столкнулась на базаре, где сосланные польки, не стесняясь, проклинали евреев.

Несколько месяцев мама работала в каком-то учреждении, но после возвращения в Москву в 1943 году на государственной службе не была и дня. И ни дня не оставалась без работы. Одно из самых ранних моих воспоминаний, это как мама раскаленным шилом припаивает металлическую булавку к паре пластмассовых слоников.

Потом она шила пояса из кожзаменителя, а прострочив на машинке пояс, тем же раскаленным шилом приваривала к нему готовую пряжку. Собственно, в артели числилась полуслепая бабушка, пенсионерка, а мама ездила в артель, привозила тяжелые рулоны «кожи» и целыми днями строчила эти проклятые пояса. То, что на работу по специальности, и вообще ни на какую работу она не могла устроиться, было так очевидно, что она даже и не пыталась. Годы были ранние пятидесятые. Жили мы очень скудно, но она прекрасно готовила, умела сделать «из говна конфетку», и мы никогда не голодали. При этом она все время искала заработка.

Ее подруга, Ада Марковна Морова, служила администратором Центрального Дома Литераторов, или, как все его тогда

называли, Дома Писателей. С Адой мама продолжала дружить, и мы часто пользовались писательскими привилегиями, например, я ходила на детские утренники на елку, в малый зал, обшитый темным деревом, с красивой деревянной лестницей на балкон. Помню, как однажды, было мне лет 5, я сидела в первом ряду, и когда появился артист Названов (что он мог делать на детской елке? Он был в обычном костюме, уж явно не дед Мороз) я была так потрясена его красотой, что подошла к нему, обняла его ногу и прижалась лицом к колену. Все стали смеяться, и я смутилась.

Потом много лет мы ходили на кинопросмотры, только мой отец избегал там бывать, считая унижительным вертеться в доме писателей в качестве мужа подружки Ады Марковны.

Году в 54, не помню, конечно, точно, Ада Марковна предложила маме записаться в шляпный кружок, в котором будут учиться делать шляпы жены писателей, в основном репрессированных, или их родственницы. Занятия вела Лия Рейнгольдовна Глиэр.

Начиная с десяти лет, вся моя жизнь в Москве проходила под мамины рассказы о занятиях этого кружка, о Лии Рейнгольдовне и дамах, многие из которых стали профессиональными шляпошницами. Некоторые из них стали ее приятельницами. Многих я хорошо знала, о других только слышала.

Постараюсь вспомнить некоторые имена и какими я помню этих дам. Прежде всего сама Лия Рейнгольдовна. Это была высокая стройная женщина, по маминым рассказам очень талантливая и остроумная. Она непрерывно курила, и говорила хриплым совершенно прокуренным голосом. Пользовалась огромным авторитетом, мама о ней всегда говорила с уважением, не иронизируя, что для нее было необычным.

Помню, что году в 1977 или 78 любимого внука Лии Рейнгольдовны, юношу лет 18, в Воротниковском переулке страшно избила группа хулиганов. Напали ни с того, ни с сего, ничего не взяли, а просто выплеснулась дикая агрессия. Это было для Лии Рейнгольдовны ужасным потрясением. Тогда мы еще не

знали слова «беспредел», но помню, как я почувствовала, что это начало какой-то новой стадии режима.

Среди этих дам почему-то одних называли всегда по имени отчеству, а других только по имени. Или я так запомнила?

Рая Капустянская, жена или вдова когда-то известного кинооператора. Сама тоже как-то была связана с киностудией. У неё была красавица дочь, работавшая в кино. Она жила в Столешниковом, помню ее огромную темноватую комнату, заставленную деревянными болванками.

Фрида Марковна Немировская. Ее дочь Инна, моя сверстница, милая девочка, умница. Если бы мама не ставила ее мне постоянно в пример, мы могли бы подружиться. Она стала известным океанологом, доктором наук.

Были еще и специалисты по каким-то особенно трудным специфическим процессам. Например, был «натягальщик», была «строчильщица» — она строчила на машинке соломку, которую потом натягивали на болван и крахмалили. Обычно мама сама распаривала фетр на кипящем чайнике и натягивала его на болванку. Это была очень тяжелая физическая работа. Но потом они нашли пару, мужа и жену, живших на Большой Бронной, которые только натягивали фетр или велюр, а всё остальное мастерицы делали уже дома. Помню названия фасонов — маленькая шляпка «я у мамы дурочка», «менингитка». Это самое начало 1950х. Потом разнообразнейшие чалмы — из фетра, меха, ткани. Мне мама сделала зимнюю чалму из коричневого джерси с коричневой каракульчовой косынкой сзади, как на статуях египетских фараонов. Я в ней ходила в университет в начале шестидесятых.

С некоторыми ученицами Лии Рейнгольдovны и с самой Лией мама продолжала приятельствовать до самого нашего отъезда в 1979. Они стали профессиональными шляпошницами, как они себя называли, не модистками и не шляпницами. Этим содержали семьи, вырастили детей. Жили в постоянном страхе, что нагрянет фининспектор.

Потом мама подружилась с другими известными в Москве модистками, уже не связанными с Клубом Писателей. Слава

Витальевна, не помню ее фамилии. Веселая жизнерадостная толстушка, лет 55, с огромными сияющими карими глазами. Помню, как, когда она овдовела и как-то раз заплакала, рассказывая маме о своей утрате, мама ее утешила: «Славочка, вы еще выйдете замуж». — «Вы думаете?» И глаза ее сразу высохли и засияли. Действительно, вскоре она вышла замуж за какого-то старого приятеля, недавно овдовевшего. У него были все прижизненные издания Пушкина. Они жили очень дружно, в старом доме, в том переулке, который от Садовой шел к Тишинскому рынку. Кажется, он назывался улица Красина.

Но это были разные периоды. Вначале был «писательский» кружок и мамины рассказы о нем. Статус учениц, особенно вначале, зависел от литературного статуса их мужей. Мама с юмором рассказывала о спесивых, снобствующих участниках кружка, о шпильках, которыми они обменивались, о их литературных вкусах, которые она находила мещанскими. Имена их упоминались редко, случайно, но кое-какие я узнавала впоследствии, прочитав про очередного писателя, что он был репрессирован и понимая теперь, почему их жены занялись изготовлением шляп в пятидесятых годах. Миндлина, Лежнёва, Нина Новикова, дочь писателя Новикова-Прибоя, они с мамой тесно общались, я Новикову хорошо помню.

Как-то мама передала характерный разговор дам в шляпном кружке о какой-то отсутствующей:

- Она говорит, что это у неё климакс.

- Какой климакс? Она просто кокетничает! У неё климакс давно кончился!

Маме тогда было немного за сорок, она была моложе других, и обвинение в таком странном кокетстве ей показалось невероятной комичным. В России вообще, а в те годы особенно, климакс считался стыдным началом старости, смешным состоянием, усиливающим природную женскую глупость и истеричность.

Нина Новикова выросла в страшной бедности, отец её давно умер, и она не получила хорошего образования, совсем была простая баба. Говорила больше всего о еде и о том, как де-

шевле пропитаться. Но была от природы наиболее литературно одарённой. Она как-то принесла свои воспоминания, и мама с удивлением заметила, что пишет она талантливо, лучше, чем говорит.

Моя мама от природы имела прекрасный литературный вкус и отличное чувство юмора. И руки у нее были золотые. Она сидела за рабочим столом с раннего утра до поздней ночи, по 15-16 часов каждый день в течение многих лет. На кончиках пальцев у нее всегда были трещины, от артритной боли в ногах и спине она со всё с большим трудом ходила. Но когда знакомые ей говорили: «Лидия Львовна, нельзя же так много работать, всех денег не заработаешь», она поражалась: «Как они не понимают, что мне интересно, как у меня получится!» Последние годы в Америке она совсем не могла ходить и была в инвалидном кресле. Но чуть ли не до 85 лет все мечтала найти какую-нибудь работу — «я бы еще немного шил».

К концу пятидесятих годов «литературный кружок» распался. Те, кто не нашёл более уважаемого в советском обществе занятия, стали профессиональными модистками. Мамины заказчицы бывали с ней в дружеских, доверительных отношениях. Среди них было несколько редакторов «Нового мира», благодаря которым (не только им, конечно) мы читали самиздат. Актрисы Большого театра, Кора Ландау, Ольга Ивинская, «жены Совета Министров», как мама их называла. Наверно, с детства свойственный мне анти-снобизм, то есть снобизм в квадрате, я наследовала не только от отца и мамы, но и благодаря тому, что выросла в шляпной мастерской.

АЛИНА ЗАГОРОДНЯЯ

У мамы была «шляпная приятельница», Надя Загородняя. Они познакомились в кружке при Доме Литераторов. Мое детство и юность прошли среди разговоров о заказчицах (как у Каштанки), о других модистках, а главное, в бесконечных историях из жизни.

Вот что я помню о Надежде Евгеньевне. В самом начале войны она узнала, что была беременна. Но вскоре врач обнаружил у нее кисту, что позволяло и даже требовало немедленно сделать аборт. А мужа в эти же дни призвали. На следующий день он должен был уйти в военкомат и отправиться на фронт. Он умолял Надю сохранить ребенка, чтобы от него хоть что-то осталось на земле, стоял перед ней на коленях и плакал. Она сдалась и сохранила беременность. Муж погиб. Я не знаю, удалили ли ей кисту во время беременности или потом, но родилась девочка, Алина. С тяжелейшим врожденным пороком сердца. Губы, ногти, пальцы у нее всегда были синие. Она могла умереть в любой день, и мать, хотя тряслась над ней, внутренне была готова ее потерять. Алина прожила дольше, чем мать и врачи ожидали. Она умерла в двадцать шесть лет.

Мы с ней познакомились, когда мне было лет 12, а ей 14. К тому времени, кроме порока сердца, у нее развился остеомиелит, воспаление бедренной кости, очень болезненное и неизлечимое заболевание. Об этом я узнала гораздо позже.

Алина пришла ко мне на день рождения. Из гостей было наверно пять или шесть девочек. Мальчиков в нашей орбите не существовало. В нашем одесском доме умели хорошо, вкусно кормить. Но ни мои родные, ни теперь я, не были способны придумать, чем занять детей. Как много лет спустя сказала мне с упрёком моя дочка: «Ну что ты умеешь? Только читать и готовить!» И была права.

Ну, дети съели мамины торты, напились газировки, а что дальше делать? Никогда не забуду этот день рождения, самый лучший в моей детской жизни. Алина — это был огонь, беш-

ная энергия, изобретательность и живое воображение. Я не помню, какие игры она организовала, помню только, что никогда у меня на дне рождения не было так весело и легко. Мы с ней немного подружились несмотря на огромную для этого возраста разницу лет, два года. Потом, после школы, стали встречаться чаще, но мне было не поспеть за ее бурным образом жизни. Она ходила на все выставки, «тусовалась», как теперь говорят, в каких-то богемных компаниях. Был у нее не то муж, не то бойфренд. Надя рассказывала, как накануне между ними возник какой-то конфликт: не то он плохо отозвался о теще, не то стал поздно приходить домой. Что делает в таких случаях женщина в России начала шестидесятых? Плачет, дуется, выясняет отношения. А тем более, такая хромая калека, это ведь может быть ее последний шанс! Алина собрала чемодан своего хахаля и выставив его за дверь, швырнула чемодан ему вслед. Надя рассказывала об этом со смесью восхищения и недоумения.

Запомнился день, когда мы с моим будущим мужем и Алиной поехали в музей Маяковского на какой-то не то вечер, не то выставку. Запомнилось только, как Алина скакала впереди нас по лестнице в метро, с совершенно синим ртом, с усилием дыша, но сияя большими, полными жизни и веселья карими глазами. А потом мы сидели в садике на скамейке и читали на маленьких листочках рассказы Голявкина. Почти мемом стало его знаменитое: «Кругом флажки, флажки, флажки. Сидит мальчик среди флажков и ест флажок».

А однажды прихожу домой, а на лестнице сталкиваюсь с врачом Скорой: у нас была Алина с мамой, и у Алины началось легочное кровотечение. Она лежит на кровати, рядом на полу таз с кровью. Все в панике, а она спокойно так, но очень тихо говорит: «Это сердечное, у меня часто бывает. Скоро пройдет.»

Она умерла летом, когда нас с мужем не было в Москве. Моя мама рассказывала, что на похоронах Надежда Евгеньевна кидалась на гроб и кричала: «Алина, Алина, прости меня, я же сволочь, я тебя забуду!» Конечно, не забыла, но что поделаешь.

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ

В трехэтажном здании на углу Тверского бульвара и Малой Бронной была вечерняя школа рабочей молодежи, в которую пошли доучиваться многие подростки из окрестных школ. В хрущевские времена «трудовой стаж» давал реальные преимущества при поступлении в институт. Я проучилась в школе номер 75 два года, и, в отличие от школы 131 в Леонтьевском переулке, в которой почетное место занимали дети советского руководства, здесь в центре внимания были настоящие рабочие, молодые, но все-таки взрослые люди. Мы, дети советской интеллигенции, устроенные обычно родителями на какие-нибудь не слишком тяжелые работы только «для стажа», образовывали, как и в своих дневных школах, специфическую «прослойку». Требования там были не такие строгие, и сама атмосфера более свободная. Иногда мы с подружкой, которая вслед за мной перешла в вечернюю школу, уходили с уроков и часами бродили по Никитским и Арбатским переулкам, читая друг другу стихи. Тогда почти каждый день шел снег, было совсем не холодно, но снег не таял и долго оставался нетронутым, потому что и пешеходов вечером бывало очень мало. Движения в переулках почти не было, еще не начиналась реконструкция Арбата. Помню, как-то раз мы пересеклись с двумя учениками нашей школы, тоже, видимо, сбежавшими с уроков. Это были Владик Зелинский и Гарик Лисициан. По обычаю того времени обе пары сделали вид, что мы не узнаем друг друга, но самое смешное было то, что мальчики тоже читали стихи, причем, кажется, те же, что и мы.

Как ни странно, самым запомнившимся уроком в этой школе, оказавшим на меня большое влияние, было занятие, посвященное докладу Жданова. Литературу у нас вел явно пьющий, всегда в одном и том же поношенном пиджаке, еще не старый дядечка, звали его Анатолий Михайлович, фамилии, к сожалению, не помню. И вот стал он нам рассказывать содержание этого ждановского доклада, что

было по программе необходимо. Говорил он несколько ёрнически, как бы соглашаясь с автором доклада. Но при этом он очень обильно цитировал как критикуемых авторов, так и других поэтов «Серебряного века». И вот, читая стихи, он совершенно преображался. «О милая, как я печалюсь, о милая, как я тоскую. Мне хочется тебя увидеть, печальную и голубую. Мне хочется тебя услышать, печальная и голубая, Мне хочется тебя коснуться, любимая и дорогая!» Я запомнила эти строки с одного раза, услышав их в 1959 году. Это стихотворение Северянина Анатолий Михайлович назвал пошлым, но прочитал его с таким глубоким чувством, что его подлинное волнение нельзя было не заметить. Потом, так же ёрничая, он описал нелепость стихотворения Анны Ахматовой, издевательски цитируя строку «Я на правую руку надела перчатку с левой руки». А затем прочитал его целиком совершенно другим тоном. Я привычно отбросила мертвые ждановские формулы, которые добросовестно, но явно иронически преувеличивая, повторил Анатолий Михайлович, а запомнила и потрясшие меня стихи и его какое-то новое, взволнованное лицо. Ничего из вечерней школы, кроме этого урока, я не помню. Вряд ли другие ученики запомнили эти стихи так, как я. Меня часто утешает мысль, что в классе может оказаться хоть один студент, который так же будет вспоминать меня лет через пятьдесят, как я вспоминаю Анатолия Михайловича.

МОИ РЕПЕТИТОРЫ

Меня начали учить английскому языку в третьем классе московской школы номер 131. Шёл 1953 год. Нашу учительницу звали Мария Ивановна Власова. Первое английское слово, которое я запомнила из нашего учебника, было бумажный змей, kite. Хотя я никогда не видела ещё, чтобы кто-то запускал змеев, но с понятием была знакома из «Капитанской дочки», где отец героя вошёл в детскую как раз в тот момент, когда он прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Наверно, мы узнали тогда и другие английские слова, но какие, я теперь не помню. В четвёртом классе преподавание иностранных языков отменили, и возобновили уже в пятом. Теперь Мария Ивановна была у нас и классным руководителем. Своим «английским» произношением я обязана именно ей. Теперь мне интересно, откуда она знала английский? Лет ей было немного, меньше сорока.

Короче, надо было искать репетитора. Почему надо было в 1955 году учить еврейского ребёнка иностранному языку, который не имел тогда шансов быть использованным, непонятно, но родителей вёл какой-то инстинкт. Репетиторов у меня было несколько, и с каждым у меня связаны дорогие воспоминания, хотя никому не удалось преодолеть мои слабые языковые способности и огромную лень.

Очаровательная молодая девушка Таня, вся розовая, белокурая, в почти прозрачной белой блузке, не оставила в моей памяти никакого следа. Правда, помогла понять впоследствии рассказ Чехова «Дорогие уроки».

Вскоре появилась странная милая немолодая дама, даже имя которой я вспомнила с трудом, но помню многое из наших занятий. Теперь я догадываюсь, что она освободилась из лагеря или вернулась из ссылки. Она приходила всегда продрогшая, с покрасневшим носом и руками. Мама немедленно вносила горячий чай и какие-нибудь пирожки или кусок пирога. Не помню, чтобы у нас в доме не было чего-нибудь испечённого. Смутно вспоминаю, что учительницу

звали Любовь Яковлевна. В прошлом она жила в Англии, и она приносила мне старые детские английские книжки с картинками. Преподавать она совершенно не умела. Но благодаря ей я выучила наизусть начало «The Raven» и «An-nabel Lee». Видимо, она очень любила По и его стихи, а во мне нашла некоторое сочувствие. До сих пор помню первые строчки, и таким образом убеждаю своих студентов учить наизусть «У лукоморья дуб зелёный», «Белеет парус одинокий» и «Молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои». «Будет вам лет восемьдесят, многое забудете, русский вам, может быть, и не пригодится, а эти строчки будете повторять с наслаждением», убеждаю я. Но труднее всего им поверить, что когда-нибудь им действительно будет восемьдесят лет.

Помню жаркий спор с Любовью Яковлевной. Она рассказывала мне об изумительной мягкости английских газонов. Мысль, что природа где бы то ни было может быть прекраснее русской природы, казалась мне совершенно абсурдной. В качестве главного довода я приводила выражение «травушка-муравушка», свидетельствовавшее, на мой взгляд, о бесспорном преимуществе нашей русской травы перед любой заграничной. Надо сказать, что когда на четвёртом десятке лет я эмигрировала в Америку, уже не только читавшая по-английски довольно много, видевшая много американских фильмов, не имевшая с ранней юности никаких иллюзий насчёт советской власти, единственное, чему я изумилась, это было красота и богатство живой природы. Как-то умела советская пропаганда достигать своих целей, даже работая с таким, как я, неблагодарным материалом.

Пожалуй, дольше всего я занималась с Любовью Абрамовной Миллер. Познакомились мы благодаря моей недолгой, но пылкой дружбе с Нелей (Нинелью) Бенедиктовой. Может быть, сейчас стоит рассказать о Неле и её семье. Это будет вставная история. Отцом Нели был Иван Александрович Бенедиктов, многолетний министр сельского хозяйства, совхозов и прочих цветущих отраслей народного хозяйства при Сталине. Мама её, Татьяна Константиновна, и бабушка были из более благородного сословия, чем Иван Александрович, который

тоже был отнюдь не из крестьян. Они жили в одном из самых роскошных домов «сталинской застройки» на улице Горького, направо от арки, если идти из Брюсовского переулка.

Помню, что когда я впервые попала к Нельке в гости, меня больше всего пленило не наличие четырёх комнат, не тюлевые занавески под тяжёлыми бархатными занавесями, даже не пушистый голубой ковёр на полу, а наличие музыкальной табакерки. Достаточно было повернуть ключик сбоку маленькой коробочки, как на крышке начинала медленно вращаться крошечная балерина и раздавалась нежная, тихая музыка.

Бедную Нельку воспитывали в необычайной строгости. Помимо школьной формы, она носила только тёмно-синюю плиссированную юбку и строгую белую блузку с высоким воротничком, с длинными рукавами. Её густые медового цвета волосы были заплетены в тугую длинную косу, большие синие глаза, пухлый рот и нежный румянец завершали образ русской красавицы. Когда однажды Нелька капнула на свою белую блузку чернила, она пришла в ужас, зная, как будет её ругать строгая бабушка. Мы пошли ко мне домой, и мама быстренько вывела пятно лимонной кислотой. Меня, напротив, одевали всегда только в то, что шила мама, и пуританский дух нашей семье был совсем чужд. Мама её, Татьяна Константиновна, была тоже очень красива и, по сравнению с моими родными, ещё совсем молодая. Как я потом узнала, она когда-то работала у Бенедиктова секретаршей, и её мать считала брак дочери выигрышем в лотерею, который надо беречь как зеницу ока.

Когда Татьяна Константиновна предложила нам вместе заниматься английским с новым преподавателем, чтобы оживить уроки, мои родные охотно согласились. И вот в квартиру Бенедиктовых входит высокая, крупная дама с огромными карими глазами, сияющими умом и добротой, очень элегантно, не по-советски одетая. Она с нами здоровается, а потом произносит какую-то фразу, которую мы не понимаем. Тогда она настойчиво, медленно и громко повторяет одно и то же слово, но мы его не знаем. Надо заметить, что мы уже были в восьмом классе, но слово совершенно непонятное. Первая

половина, under, значит предлог «под», вторая половина — это знакомый глагол «стоять», stand, но что же она имеет в виду?!

Совместные занятия наши продолжались меньше года. Мне очень нравилась Любовь Абрамовна, и она явно мне симпатизировала, но толку для меня от этих занятий с вернувшейся из Америки дамой было не больше, чем от занятий с первой «англичанкой». Мы читали по-английски «Сказки дядюшки Римуса», причём Неля делала значительные успехи и бойко пересказывала истории про зайцев, волков и лисиц, я же сидела, как в бреду, ничего не понимая и не в силах ничего запомнить.

Как известно, в восьмом классе изучают произведение А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Вряд ли современные подростки так соотносят свои любовные мечтания и эротические фантазии с героями пушкинского романа, да и других великих произведений русской литературы, как соотносили поколения молодёжи до наступления века информации.

«Он лишь вошёл», Неля «вмиг узнала, вся обомлела, запыхалась, и в мыслях молвила: вот он». «Он» был довольно невзрачным подростком, ничем не интересным, да к тому же, сыном шофёра! Но, пришла пора, она влюбилась. Маша и Дубровский, как известно, «сношались через дупло», а в этом случае секретные записочки передавались через меня. Я их не читала, но когда моя мама нашла одну из этих записок в кармане моего форменного фартука, который собралась постирать, оказалось, что влюблённые обменивались избранными строфами из изучаемого романа. Скоро о противозаконном увлечении узнали Нелины родители. Пока дело не зашло дальше, они постарались влюблённых разлучить. Что было сделано? Министр вызвал мальчика «на ковёр», в буквальном смысле этого слова приказал явиться в свой роскошный кабинет. И сказал ему, что если он хотя бы раз попробует увидеть или связаться с его дочерью, то он всю их семью выселит из Москвы. Но и дочь была наказана. Её перевели из 131 школы в Леонтьевском в 175 школу в Старо-пименовском, не менее привилегированную. -

Но до этого я несколько раз гостила на министерской даче и даже провела на ней зимние каникулы. Это был незабываемый опыт. Прежде всего, мама озаботилась тем, как меня одеть. Она сшила мне из какого-то куса красной шерстяной материи нечто вроде френча со стоячим воротником и брюки (!) из своего старого платья в чёрно-белую мелкую клеточку, рисунок, который она больше всего любила и называла «столестье». Откуда пошло это название, не знаю, никогда ни от кого больше не слышала. Туалет мой пользовался большим успехом. Маму особенно рассмешило, когда Татьяна Константиновна одобрительно отозвалась о нем, а потом добавила с завистью: «Вам не о чем беспокоиться. Ваша Наташа прирождённый филолог. А что будет с нашей Нелей, просто не знаю!» Тогда мысль, что у еврейки, дочери советского служащего, больше шансов поступить в университет, чем у дочери министра, казалась издевательством.

Кстати, шла я как-то в этих брючках по улице Станиславского году так в 1957. Навстречу мне шёл глубокий старик с длинной седой бородой. Увидев меня, «девчонку в брюках», он высоко поднял свою палку и потрясая ею, проклял меня длинным библейским проклятием.

Но вернусь к каникулам на министерской даче. Везли нас туда в чёрном ЗИС'е. До переезда в Америку я в автомобиле больше никогда не была, кроме такси. Дом был двухэтажный, на первом этаже гостиная, столовая, библиотека, бильярдная, кухня и комнаты для прислуги: шофёра, поварахи и горничной. Спальни были наверху, и мне уделили отдельную спальню. По теперешним понятиям, это был вполне скромный дом, но для меня отдельная комната для каждого члена семьи была пределом роскоши. Что меня поразило, особенно после нашего одесского дома с его культом еды: за столом для каждого на тарелочке лежало два тонюсеньких ломтика хлеба. Прислугу вызывали звонком, и она вносила еду, крошечные, необычайно вкусные домашние пельмени, штук по десять на человека, суп наливали из красивой суповой миски на донышко. Очевидно, богатые люди уже тогда следили за своей фигурой.

Зато в отдельной комнате можно было читать до глубокой ночи. Я там прочла «Педагогическую поэму» и «Флаги на башнях». Очень понравилось. Запомнила реплику одного из коммунаров, который сопровождал забеременевшую коммунарку, ехавшую в город делать аборт. После произведённой операции зародышей помещали в банки с формалином, для научной пользы. Сравнив содержимое банок, коммунар сказал с гордостью: «Наш наилучший». На долгие годы это стало в нашей компании тем, что теперь называется «мемом».

Самым острым и незабываемым впечатлением была красота зимы за городом, снежная белизна нетронутых дорожек и деревья, густо осыпанные сладкими ягодами рябины. Много лет я мечтала о жизни в деревне, зимой.

Однажды принимали какого-то важного гостя. К столу в этот день подали чёрную икру. Сидевший во главе стола вальяжный Иван Александрович обратился ко мне: «Ну что, Наташа, вот мы уже живём при коммунизме!» На что я, со свойственным мне тактом, остроумно ответила: «Вот когда каждый человек в Советском Союзе будет есть чёрную икру, тогда это будет коммунизм». Наступила пауза, министр добродушно рассмеялся и общий разговор потёк дальше.

После того, как Неля перешла в другую школу, мы не виделись. Очень скоро её отца назначили послом в Индию, и они уехали из Москвы. Татьяна Константиновна рано умерла от рака. Встретились мы с Нелей случайно на Кузнецком, году в 1961. Неля была коротко стрижена, красота её как-то поблекла, работала она, как и я, корректором, где, не помню. Рассказывала только о том, как любит знакомиться с иностранцами, ездить с ними за город, позволять им многое, но не всё. Что с ней стало после шестьдесят первого года, не знаю.

Тем не менее, когда по вышеупомянутым причинам наши с Нелей занятия прекратились, Любовь Абрамовна предложила продолжать заниматься со мной. Она стала своим человеком в нашем доме, мы много о ней узнали, а потом, когда я стала старше, я уже ходила на уроки к ней, в коммунальную квар-

тиру на Ордынке. К тому времени я начала работать корректором в учреждении «Гипромолоко», находившемся в 1959 году рядом, в подвале дома на Софиевской набережной. Вскоре мы с Любовью Абрамовной перестали притворяться, что встречаемся ради уроков. Она прямо мне сказала, что у меня такое отсутствие способностей к языку, что не стоит тратить время. А разговаривать со мной по-русски одно удовольствие, и мы решили говорить просто о том, о сём. Она была очень одинока, её главной радостью в жизни была музыка. Однажды я пришла к ней, когда по радио передавали какой-то концерт под управлением Кусевицкого. Она была необычайно взволнована, щёки её горели, глаза сияли. Возможно, она слышала его ещё в Америке. У неё там были родственники, они присылали ей какие-то удивительные вещи, мне запомнилось её тёплое, очень красивое клетчатое пальто. Почему и как она попала в Советский Союз, я не знала и не интересовалась.

Если взрослые что-нибудь рассказывали, я всегда с большим интересом слушала и крепко запоминала. Но те вопросы, которые у меня возникают теперь, мне в голову тогда не приходили. Она рассказала как-то о том, как ехала на велосипеде по тропинке, по бокам которой росли цветущие кусты. Лес был залит солнцем. Её соломенная шляпа держалась на резинке и висела за спиной. Она была в белой вышитой блузке. Навстречу ей проехал какой-то молодой человек, показавшийся ей необычайно красивым. И она почувствовала, что он так же подумал о ней. Больше они никогда друг друга не видели. Удивительно, что не только она помнила эту встречу всю жизнь, но что и мне кажется, будто я видела её там, на этой тропе, с её сияющими карими глазами, густыми каштановыми волосами с рыжим отливом и румяным, в веснушках, лицом.

Мне было 15 лет, когда Любовь Абрамовна взяла меня с собой в Консерваторию. Зная мою музыкальную глухоту, она была удивлена тем, как тихо я просидела оба отделения, внимательно слушая. Меня не так музыка пленяла, как сама обстановка Консерватории, не замечаемые обычно на улицах

интеллигентные лица соседей. После этого я стала и сама ходить на концерты, постепенно учась слушать классическую музыку. Но с годами понимаю все лучше, насколько привычка слушать «культурные звуки» не имеет ничего общего с подлинной музыкальностью. Разницу я осознала, видя, что другие испытывают от музыки такое же наслаждение, как я от поэзии. Постепенно мы виделись все реже. Однажды, позвонив, я услышала от соседки, что Любовь Абрамовна умерла. Она от всех скрывала, что больна раком. Поэтому смерть её оказалась такой неожиданной.

Я уже закончила вечернюю школу и стала готовиться к поступлению в университет. Пора было искать других репетиторов.

У маминого отца была сестра на шестнадцать лет его моложе, Анна Марковна Камышникова. Анна Марковна, или Аничка, как её звали в нашей семье, училась в гимназии с «Мурой» Кремортат, в будущем матерью классика Павла Гринцера и бабушкой Николая Гринцера. Дружбу бывшие гимназистки сохраняли всю жизнь. Ну заодно и мама хорошо была знакома с «Муркой» Кремортат, и обращалась к ней иногда за советом. Ещё раньше у меня появился репетитор по математике, после которого я довольно быстро с двойки скакнула на пятёрку. А теперь был рекомендован студент пятого курса университета, Костя Эрастов. Костя оказал на меня влияние гораздо большее, чем требовало просто профессиональное преподавание языка. Во-первых, если он опаздывал на урок на десять минут, он звонил извиниться и предупредить! Это была неслыханная вежливость. Он принёс книжечку коротеньких историй, или анекдотов в старом смысле этого слова, и задавал выучить их наизусть. Восемь-десять строчек было полезнее выучить, чем, коверкая грамматику, пытаться пересказывать сказки из жизни американских зверей. А потом стал мне подсовывать и другие тексты. То принесёт монолог Антония и задаст выучить его, заодно объясняя содержание непонятных слов. Начало монолога я помню до сих пор: «Friends, Romans, countrymen, lend me your ears; I come to bury Caesar, not to praise him.» Или статьи Фрейда, тоже по-английски, о применении

психоанализа к произведениям литературы. Говорили мы по-русски, но на каждом уроке я должна была проговорить наизусть выученную порцию.

Казалось, я была обречена влюбиться в него, но к тому времени, к пятому курсу, двадцатидвухлетний Костя был уже женат и имел двоих детей, названных, естественно, Алеша и Дмитрий. Он был первым верующим интеллигентом, которого я увидела в жизни. Пылкое религиозное чувство он передал и своим детям, которых оно привело кого в христианство, кого в иудаизм. В дальнейшем у Кости родилось девять детей от разных жен, но это другая история. А тогда, после каждого урока я вбегала в кухню к маме и прыгая, вопрошала: «Ну, ты ценишь, что я в него не влюблена?!»

Помню минуту блаженства от первого узнавания единомышленника. Раздается какой-то шум и нас зовут посмотреть телевизор, по которому рассказывают о запуске очередного спутника. Год, я думаю, 1960. И мы, не сговариваясь, отказываемся идти смотреть телевизор, а продолжаем заниматься английским. Уже тогда я чувствовала фальшь и пропагандистский характер советских достижений. К моему глубочайшему сожалению Константин Олегович Эрастов, закончив университет, оставил репетиторство и, отказавшись от предложенного ему места на английской кафедре, уехал учителем в деревню. Толстовство его длилось довольно долго, но не вечно. Последний раз я видела Эрастова в Миддлбери, в Вермонте. Он приехал к друзьям со своей младшей дочкой Никой, ровесницей моей дочери. Девочки, им тогда было лет четырнадцать, оказались очень похожи. А Костя умер внезапно от разрыва сердца, в Нью Йорке, в 1996 году. Потом я узнала, что похоронить себя он завещал по еврейскому обряду. Ника вышла замуж за еврейского теолога и стала ортодоксальной еврейкой. Один из его сыновей уехал в Израиль и стал раввином, другой православным священником.

Очевидно, Костя Эрастов тоже признал во мне «своего» и зная, что через несколько месяцев я буду поступать на филологический факультет, рекомендовал меня своей преподавательнице, Елене Сергеевне Турковой. Я стала ездить к ней

домой, в квартиру на улице с чудесным названием «Проезд Соломенной Сторожки».

Вскоре разнеслась новость о самоубийстве Хемингуэя. «Вы знаете, меня так потрясло его самоубийство, — воскликнула я на уроке, — больше даже, чем смерть Пастернака!» Надо знать, что в то время значило имя затравленного поэта. Это был пароль, код узнавания. С тех пор мы уже почти не занимались, а, перебивая друг друга, вспоминали любимые строчки и читали друг другу наизусть стихи Пастернака. В университет я поступила. С Еленой Сергеевной остались друзьями на всю жизнь. Английский я продолжала изучать с довольно скромным успехом, но, тем не менее, диплом мой так понравился заведующей английской кафедрой Ольге Сергеевне Ахмановой, что она, не поняв из-за моей фамилии, что я еврейка, пыталась оставить меня на английской кафедре. Из этого ничего не вышло, но пока решался вопрос, у меня появился последний в моей жизни репетитор английского языка, Леонард Джонович Уинкот.

Смысл занятий был в том, чтобы я наконец заговорила бегло по-английски, на котором, как предполагалось, я должна была начать преподавать с осени. Леонард Джонович, как я узнала потом, преподавал английский нескольким моим знакомым с большим успехом. Но я, очевидно, способна была растлить любого преподавателя — через несколько уроков мы перешли на русский и говорили в основном о политике. История Леонарда Джоновича была безумной даже по советским стандартам: будучи моряком Британского военно-морского флота и, одновременно, коммунистом, он где-то в начале тридцатых призвал военных моряков к забастовке в знак протеста против эксплуатации. Времена были в Англии уже вегетарианские, и его не повесили на рее, а просто списали на берег.

Где-то к тридцать седьмому году ему удалось перебраться в Советский Союз, и он даже работал благополучно, пока его все-таки не посадили. Он отсидел свой срок от звонка до звонка, но долго ещё не мог вернуться в Москву. Наконец, в хрущёвские годы ему разрешили вернуться, он женился,

получил квартиру на юго-западе Москвы и давал уроки английского языка поступающим на филологический факультет. Понять его русский было мне почти так же трудно, как и английский. Дело было и в отсутствии зубов и в тяжелейшем акценте. Но как было не разговаривать, если как раз в эти дни стало известно, что Светлана Аллилуева сбежала на Запад! Леонард Джонович говорил о том, что у неё должны быть огромные деньги на счетах в Швейцарском банке, и этим объяснял её бегство. Мне это объяснение не казалось убедительным.

Удивительно было, как взгляды Леонарда Джоновича определялись отношением к «богатым». Как в Англии, так и в СССР больше всего его бесило наличие привилегированных классов и только об этом он со мной говорил. Но ему я обязана не пробуждением классового чувства, а тем, что благодаря ему я начала бегло если не говорить, то хотя бы читать. Средство для этого у него было гениальное. Он на неделю давал мне книгу, которую я должна была прочитать и вернуть. А книги были такие: «Тропик Рака» и «Тропик Козерога» Генри Миллера, «Скотный двор» и «1984» Оруэлла. Так я научилась очень быстро читать и заодно выучила много новых слов. К сожалению, Леонард Джонович заболел, я уехала на дачу, а в августе стало известно, что для работы в университете я не подхожу. Узнав, что я еврейка, моя руководительница с сочувствием спросила: «А с этим ничего нельзя поделать?»

КАК Я ОТ АРМИИ ОСВОБОЖДАЛАСЬ

Военной кафедрой на филологическом факультете МГУ руководил полковник Маслов. Это был год 1961-1962. Занятия проходили в старом здании МГУ на Моховой, там, где была библиотека им. Максима Горького и Коммунистическая аудитория, только в подвальном помещении. Нас готовили в случае войны стать медицинскими сёстрами, а медицина меня манила с детства. Но до медицины мы не дошли. Пока нас учили разбирать пистолет Макарова и стрелять из винтовки в цель, лёжа в ватнике на полу. Потом еще учили отдавать честь в повороте. Показали как-то кино про последствия ядерного взрыва, о котором я вспоминала в апреле 1986 года, слушая радио на нашей маленькой кухне в домике на Робертс Роуд при колледже Брин Мар, где я училась в то время в аспирантуре. Похоже, что в Америке тогда больше знали о последствиях аварии на Чернобыльской атомной станции, чем в Киеве, Минске или Москве.

Но на следующий год в МГУ произошли большие изменения. Теперь студенты романо-германского отделения должны были стать военными переводчиками, и по окончании университета быть военнообязанными младшими лейтенантами. На первой же лекции на доску повесили схему военных чинов в американской армии и во флоте. Как их различать, у кого сколько звездочек на погонах и прочие сведения о потенциальном враге, моему интеллекту были абсолютно недоступны. Посетив несколько занятий, я поняла, что от армии необходимо освободиться. Вообще я довольно пассивна, и только в самой крайности способна проявить бешеную активность. Тут был именно такой случай. Причем надо заметить, что любого начальства я панически боюсь.

Итак, прихожу я в знакомый подвал при МГУ и обращаюсь к какому-то офицеру-преподавателю: «Скажите пожалуйста, как я могу поговорить с полковником Масловым?» — «А по какому вопросу?» — «Я очень близорука, и у меня порок сердца. Мне надо освободиться от занятий по военному делу». Он

смотрит на меня именно что как солдат на вошь, или как русский царь на еврея, и произносит отчетливо и смачно: «Полковник Маслов отдыхает в Саках. Идите в районный военкомат.»

Что ж, я оценила ответ и рекомендацию. В ближайший день иду в военкомат. Который находился, если не ошибаюсь, где-то на юго-западе, не то на Ленинском, не то на Профсоюзной. Прихожу. У входа и в коридоре большая толпа парней. Я единственная девушка, небольшого роста, в очках. И обычно мне не свойственным кокетливым голосом я прошу пропустить меня, как даму, без очереди. Ребята растерялись и без слова пропустили. Первый кабинет — глазной. Мне закапывают в глаза атропин и через полчаса я предстаю перед группой врачей. И тут я начинаю подробно рассказывать, как два года назад я была в Одессе, в клинике Филатова, меня консультировал известный офтальмолог доктор Кальф, он нашел.... Измученные непрерывным потоком призывников, врачи смотрели на меня со смесью гадливости и изумления, пока я нудно и подробно рассказывала им о наследственной близорукости, о бабушке, имевшей минус 16 диоптрий, об особенностях своего астигматизма, и спрашивала совета насчет дальнейшего развития своего недуга. Все это я проделывала вполне сознательно. Мне охотно выписали освобождение от армии, но я должна была получить подпись и в той комнате, где призывников осматривали терапевты. Там я попыталась рассказать о пороке митрального клапана, диагностированного у меня в детстве, но поставив необходимую закорючку на моей справке, меня пригласили освободить помещение и ехать домой.

Вот это оказалось самым трудным. Выйдя на солнечную улицу, я поняла, что атропин действует во всю силу, и я практически ничего не вижу. С трудом добралась до дома. Но от армии освободилась!

СВАДЕБНЫЕ ТУФЛИ

Поженились мы в таком юном возрасте, что никакого опыта приобрести не успели, зато прочитали много художественной литературы, полезной в вопросах семьи и брака: роман в стихах «Евгений Онегин», трактат Стендаля «О любви», романы Диккенса и Флобера, а также Льва Толстого и Тургенева.

После трехлетнего знакомства, через несколько дней после двадцатилетия, сравнявшего его возраст с моим, мы должны были явиться на улицу Грибоедова, во Дворец Бракосочетания, для закрепления наших отношений законодательным актом. А как одеваться, одеваться-то как? Нам выдали какие-то пропуска или талоны, которые позволяли нам пойти в специальный магазин для новобрачных и приобрести какие-то товары, недоступные для тех, кто уже был женат или не подал заявление в ЗАГС. В магазине этом не было ничего, что не вызывало бы у меня отвращения. Презирая себя, я соблазнилась, правда, только нейлоновой фатой, идущей к моим темным волосам. Костюм мне пошила мама из плотного белого гипюра, кото-

Перед Дворцом Бракосочетания

рый требовал светлых туфель. Но красивых и удобных туфель на каблуке в Москве 1964 года достать было невозможно. Собственно, описывая я это событие именно из желания рассказать о туфлях, в которых шла «к венцу». Кроме частных портних и шляпниц, были в Москве и другие работники подпольного частного сектора. И маме рассказала приятельница, что есть дама, которая за пять рублей, цену двух небольших кур, расписывает старые туфли масляной краской в нужный цвет. Покрашенные туфли не удовлетворяли тонкому вкусу жениха, но недаром он учился на художника: туфли мои он перекрасил белой масляной краской, тщательно разрисовав кожу «под крокодила»!

Дня за два до намеченной даты я заболела пиелитом с высокой температурой, который и привел меня осенью в больницу. Впоследствии оказалось, что накануне любого значительного события я тяжело заболеваю!

Накануне решительного дня мама позвонила нашей домашней врачихе, Сусанне, энергичной даме, лечившей от всех болезней как аллопатией, так и гомеопатией, с вопросом: «Не отложить ли свадьбу, если у невесты температура под 40?» Но Сусанна, полагая, что жених может удрать, категорически велела бракосочетания не откладывать. На другой день я чувствовала себя получше. Одета я была шикарно: в белом «кружевном» костюме и в светлых туфлях «под крокодила», в пандан к костюму. Пришли все наши с Эриком друзья, сфотографировались у входа, но для молодёжи решили устроить свадьбу после его возвращения с художественной практики в Анапе, на которую он отправлялся на следующий день.

А вечером у нас дома собрались взрослые гости и родственники, оптимистично выразившие уверенность в том, что наш брак вполне может продержаться год, может быть даже два года. Ада Марковна Морова пришла со своим молодым другом, художником Евгением Шукаевым. Она примеривала мою фату, и все наши, что она ей очень идет. Родственники подарили мне на свадьбу духи «8 марта». Папа подарил нам полное

собрание сочинений Шекспира в одном томе на английском языке, а мама Эрика двухтомник «Третьяковская галерея». Вон, стоят у нас в Америке на полке.

Молодой супруг ушел с мамой домой, завтра ему надо было рано вставать к поезду в Анапу. Так что «медовый месяц» он провел со студентами-художниками, обалдевшими от доступности дешевого вина и пляжных удовольствий. Самым ярким воспоминанием осталась добрая студенческая шутка: на лбу заснувшего на пляже Димы Яковлева, большого дамского угодника и очень дамами и девицами любимого, они вывели фломастером известное русское название его многотрудного органа из трех букв. Дима проснулся, прошелся по пляжу, и был очень удивлен непривычной для него реакцией девушек на его попытки познакомиться. А по возвращении Эрика в Москву было как-то не до праздников: я долго болела, бесконечно лечилась. Да и круг друзей заметно сузился, количество заменилось качеством. Дружбу нам всем

Свадебная фотография

удалось сохранить навсегда, и с Димой Яковлевым, царство ему небесное, и нам с бывшим мужем. Мало осталось нас, тех, с кем еще можно «плакать и вспоминать».

БОЛЬНИЦЫ

Я хочу рассказать о тех двух месяцах, который я провела в 1964 году в урологическом отделении больницы, находившейся где-то в районе Таганки. Попала я туда с диагнозом пиелонефрит, который через двадцать лет, уже в Америке, мне вылечили за пять дней. Имен своих сопалатниц я не помню, а вот их лица и облик, равно как и все их истории помню очень ясно. И все они, каждая по-своему, оказали на меня влияние.

Отделение представляло собой длинный коридор, с палатами на пять или шесть человек. В одном коридоре были мужские и женские палаты. Мужчины в основном были больны раком предстательной железы, у молодых женщин был такой же диагноз, как и у меня, но у большинства был или рак, или камни в почках. Камни удаляли хирургическим путем. Поэтому было много послеоперационных больных. В угловой маленькой палате умирала от рака мама главного врача отделения. Уход за ней был таким же, как и за другими больными, то есть практически никакой.

Итак, слева, у окна лежала старушка, из простых. Она дала мне два запомнившихся урока. Во-первых, научила молитвам «Отче наш» и «Богородице, дево радуйся», которые знаю с тех пор наизусть. А еще хихикая рассказала про знакомого дворника-татарина, что он «пизду любит, потому что она селедочкой пахнет». Словарь и сравнение меня тогда поразили.

Потом привезли молодую женщину, у которой после перитонита из-за неудачной операции аппендицита сделался заворот кишок из-за спаек. Это был уже третий случай спаечной болезни у нее, каждый раз, по её словам, ей «перекладывали кишки», а теперь удалили почку и матку. К ней приходил муж, рабочий парень, и они говорили о том, что вот теперь у них не будет детей.

Была очень несчастная не то армянка, не то еврейка, учительница музыки. Уже не очень молодая. Когда-то за ней очень красиво ухаживал молодой поляк, сокурсник. После того, как она от него забеременела, он перестал с ней здороваться.

Это было лет восемь назад. Когда сын подрос, поляк снова появился в ее жизни. Он стоял на коленях, рыдал, и, жестом, который ее покори́л, отказался от возвращения в Польшу, порвав у нее на глазах заграничный паспорт. Она уступила его домогательствам, по ее словам, один раз, и теперь растила одна двух сыновей, восьми и трех лет. Мальчики остались дома одни, за ними присматривали соседи.

Самое сильное впечатление оставила некая «дама» лет за сорок, высокая, пухлая, очень женственная. У нее были самые ошеломляющие рассказы. Итак, страдала она острым воспалением почек, начавшимся после того, как ее муж, работавший начальником лагеря где-то на европейском севере, и крепко выпивавший, принял или слишком много самогона, или заполировал тормозной жидкостью, но под действием этих напитков он изнасиловал их пятилетнюю дочь. Девочка очень кричала, но соседи не вмешивались. Потом она перестала кричать. Дама была в это время на работе. Теперь муж сидит, девочку давно похоронили. Это были тяжелые воспоминания. Но были и приятные. Во время Ленинградской блокады они с родителями, работниками органов, оставались в городе. От нее я впервые услышала известную фразу «кому война, а кому мать родна». Она имела в виду свою семью. По ее рассказам, это был самый благополучный и сытный период их жизни.

Не в силах помочь мне, врачи сочли необходимым на всякий случай вырезать мне гланды. Для этого меня перевели в другое отделение, и гланды мне вырезала сама Валентина Александровна Загорянская, дочь «врача-вредителя» А. Фельдмана. Когда через несколько дней я вернулась в свою палату, состав частично сменился. Привезли двух только что прооперированных больных старушек. Я к тому времени так втянулась в больничную жизнь, что с легкостью подавала и выносила судно, помогала есть лежачим, и мне даже не очень хотелось выписываться. Меня все хвалили, я знала, что нужна. Да и врачи с сестрами оценили мою помощь, и выписывать меня не спешили. Но тут я простудилась, и опасность заражения ослабевших после операций старушек заставила их отпустить меня домой.

Другая история о том, как я не отдала в Морозовскую детскую больницу свою двухлетнюю дочку. У нее сделалось какое-то желудочное заболевание: понос, рвота, пить не могла. Вызванный врач велел немедленно отправить в больницу. Позвонили знакомому педиатру, которая больницу не советовала, но на всякий случай дала телефон своей подруги, врача из Морозовки. Когда мы позвонила, та сказала: «у нас инфекционное отделение — это Освенцим для таких крошек. Постарайтесь выходить ее дома. Сделайте в воде раствор соли и сахара и капайте шприцем в уголок рта круглые сутки. Поздно вечером я свалилась и заснула, а муж сидел всю ночь у кровати и по одной, по две капли капал ей в уголок рта этот раствор. Утром, когда мы завтракали, в кухню вошла наша умирающая дочь и сообщила, что действительно умирает — от голода!

ВСТРЕЧА С ОЛЬГОЙ ПОТАПОВОЙ И ЕВГЕНИЕМ КРОПИВНИЦКИМ

Году в 1963 или 1964, точно уже не помню, попали мы с мужем в дом Кропивницких, в Лианозово. Привезла нас туда моя университетская приятельница Светлана Дорошенко. Не буду описывать знаменитый «барак» и картины Оскара Рабина, всемирно уже известные, а расскажу о том, что на меня произвело наибольшее впечатление: разговор с Евгением Кропивницким и, особенно, с Ольгой Потаповой, родителями Валентины Кропивницкой. Мы тогда ничего не знали об их прошлом, поэтому нас удивило, что Евгений Леонидович был знаком с Константином Константиновичем Первухиным, двоюродным дедом мужа, был его учеником в Строгановском училище. Мы считали, что о художнике Константине Первухине никто не знает. Висевший в доме пейзаж, написанный в манере передвижников, никогда не привлекал нашего внимания. Передвижников мы тогда презирали. Вообще, когда я вспоминаю, какими невеждами и снобами мы тогда были, то передергивает от стыда. Нам не было и двадцати лет.

Ольга Потапова для меня, дочери одесских ассимилированных евреев с еще дореволюционным прошлым, выглядела деревенской старушкой, очень милой и приветливой, но «простой». Я понятия не имела, что она серьезный художник, образованный и талантливый человек. Через некоторое время она решилась показать нам свои работы. С типично авторским волнением и застенчивостью, она вынесла на наш «суд» свои последние работы. При этом она приговаривала, что работы не совсем закончены, «вот тут надо дописать», «это неудачный кусок» ...

Каково же было мое изумление, когда я увидела, что Ольга Потапова была очень современным абстракционистом. Картина, которую она вынесла откуда-то из чулана, скорее напоминала Джексона Поллака, чем работы ее мужа или зятя. И она рассказала замечательную историю о том, как

реагировал лианозовский «простой народ» на их творчество. Зашли к ним как-то местные, то ли ремонт какой-то делали, то ли агитировать к очередным выборам. Посмотрели на эти их картины, рассмотрели внимательно и уважительно сказали что-то вроде: « Такое на продажу не делают. Для себя работают, значит, не халтурят.»

МАНДЕЛЬШТАМ И АХМАТОВА ПО ПОЧТЕ В 1967 ГОДУ

В 1967 году сестра папы, Тася, умирала от рака мозга. Витя Павловский, её муж, прислал свидетельство врача и вызов-просьбу разрешить брату приехать с ней попрощаться. Отец мой никогда не был членом партии, к этому времени был пенсионером, в Москве оставались мы с мамой, но все равно, то, что его выпустили, казалось чудом.

Он провел во Франции месяц, как раз в это время я защищала диплом по композиции рассказов Честертона, который произвел на Ольгу Сергеевну Ахманову, заведующую английской кафедрой, такое чарующее впечатление, что она потребовала, чтобы меня немедленно оставили на кафедре преподавать, а диплом рекомендовала напечатать. О своем необычайном успехе я немедленно сообщила во Францию папе, и была очень разочарована его равнодушной реакцией. Дело в том, что Ахманова не знала того, что знал он: мою национальность. Конечно, первый отдел был более осведомлен и на мое назначение перед самым началом занятий наложил вето.

Папа был впервые за границей. Большую часть времени он провел в Нанси, у постели сестры. Тася уже была в полубессознательном состоянии, ее держали на морфии, она почти все время спала. Вскоре после его возвращения в Москву она скончалась. Но у него было много родственников и в Париже: дядя, две тетки, двоюродные братья с женами и детьми. В эту первую встречу с Парижем он должен был обеспечить подарками всех знакомых, одеть нас с мамой, не забыть моего мужа, повидаться со всеми, а также пойти в Лувр, посмотреть Версаль и еще какие-нибудь достопримечательности. Основное впечатление, которое он вынес из этой поездки, сводилось к тому, что мне лучше не ехать: слишком силён шок возвращения. Об эмиграции тогда еще никто не заикался.

Он привёз нам какие-то элегантные французские штучки, только для мамы, очень полной и невысокой, купить что-нибудь было трудно, и она очень огорчалась. Я была полнос-

тью с ней согласна и как-то упрекнула отца в том, что он не ценит маму: «Она такая хорошая хозяйка!» Почему-то очень хорошо запомнила, что мы проходили мимо здания ВТО (Всесоюзного Театрального Общества) на Пушкинской площади, и его ответ, меня поразивший одновременно холодностью и правдой: «Она хорошая кухарка, но не хозяйка». Никогда ни до этого, ни после, отец о маме не отзывался критически. Я тогда еще не понимала, как они оба были несчастливы в этом браке.

Когда им разрешили поехать вдвоем на следующий год, в мае 1968 года, потребность в товарах они удовлетворили. Правда, родственники уже не так ими интересовались: в Париже шла революция, транспорт не работал, все бастовали, а отец чувствовал себя очень плохо. Шура Койфман, его двоюродный брат и сам врач, организовал для него полное медицинское обследование. Но диагноз ему не сообщили. В июне он вернулся, в сентябре встречал нас на вокзале, когда мы вернулись из Коктебеля (21 августа 1968 года мы были на пляже среди писательской интеллигенции), а вскоре мы узнали и диагноз — рак костного мозга, миелома, а в ноябре папа умер.

Вот такие были у него европейские путешествия. Везти книги он не решался, но рискнул послать по почте. Дошло всё: трехтомник Мандельштама под редакцией Струве и его же двухтомное издание Ахматовой, белые толстенные тома. Это 1967 год, советская почта. Как проскочило, уму не постижимо! Стоят у меня на чешских полках, в Теннесси.

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ШКОЛА ИНТЕРНАТ НОМЕР 18.

Надо начать с того, как я там оказалась.

В 1967 году защита дипломов на филологическом факультете происходила за несколько дней до шестидневной войны, в которой Израиль победил СССР. Недаром, тогда стал популярным анекдот о том, как вражеский солдат обращается к израильскому, лежащему на другой стороне разделительной полосы: «Ну що зирішь, що зирішь? Араба не бачив?». Шутки шутками, но связи между своим официальным распределением, оставлением при английской кафедре, и войной на Ближнем Востоке я тогда не видела.

Когда в августе я пришла на первое заседание кафедры, оказалось, что Ольга Сергеевна Ахманова, завкафедрой, была введена в заблуждение моей русской фамилией. Спецотдел ее поправил. Но чувствуя за собой некую ответственность, она рекомендовала меня в знаменитую 18 школу, «Колмогоровский» интернат для особо одаренных подростков при математическом факультете МГУ. Директором школы была Раиса Аркадьевна Острая, неглупая решительная дама, которая не только взяла на работу художником-оформителем моего мужа, но и разрешила ему сделать фреску в столовой в соответствии с его представлениями о прекрасном, с латинской надписью. После того, как он оформил по заданию руководства, но следуя своим взглядам, «Ленинский уголок», с работы его попросили уйти.

Моя работа состояла в том, что за один год я должна была научить десятиклассников читать со словарем литературу по специальности. В школу принимали победителей математических олимпиад со всей Российской Федерации, кроме жителей Москвы и Ленинграда. Оказалось, что некоторые никогда не видели латинских букв, а русский учили как иностранный. В школах татарской, башкирской или кабардино-балкарской автономных республик иностранные языки не всегда преподавались.

Что я сделала? В первый день занятий школьники открыли английский учебник алгебры, и мы разобрали половину пер-

вой строчки. То есть повторили алфавит, узнали про существование артиклей и основные правила их употребления, порадовались отсутствию падежей, ну и так далее. Когда через неделю закончили первый параграф в пять или шесть строк, должны были выучить его наизусть. Таким образом прочитали одну или две главы. А на выпускном экзамене уже могли прочитать и перевести страницу незнакомого текста по алгебре. Впрочем, английский выучили потом очень хорошо, поскольку многие из этой школы раньше или позже эмигрировали. Обычно в США.

Кроме преподавания, раз в две недели нам полагалось дежурить ночью в общежитии школьников. Удавалось немного поспать после того, как обходили с фонариком комнаты школьников, дожидаясь, когда все стихнут и заснут.

Математику преподавал Алексей Сосинский, вместе со всей семьей вернувшийся из эмиграции в пятидесятые годы. После уроков он играл со школьниками в футбол. В СССР учителя не часто играли со своими учениками в футбол. Историю и литературу вел Юлий Ким. Надо сказать, что у меня всегда была своя иерархическая система, на вершине которой были интеллигенты из «бывших», как я их себе представляла, диссиденты, вообще те, кто не входил в «обойму» успешных или знаменитых. Я знала, что Ким женат на дочери Петра Якира, или Пети, как называла племянника мамина подруга Тамара Лукашевкер, вернувшаяся в середине пятидесятых из ссылки в Павлодар, где провела двадцать лет после расстрела своего знаменитого родственника. Юлий Ким уже тогда славился ироническими, явно антисоветскими песнями, которые пел под гитару. По моим понятиям, он был знаменитость, поэтому никогда я даже не пыталась с ним познакомиться, сдержанно здороваясь в коридорах школы.

Но вот как-то вечером, в январе, не то по Свободе, не то по Голосу Америки сообщают, что Юлий Ким вместе Петром Якиром и с Ильей Габаем написали открытое письмо о возрождении сталинизма в СССР и о преследованиях инакомыслящих. Впечатление эта новость произвела на меня огромное. Когда я пришла на работу и увидела на лестнице Кима, я

всем видом постаралась не показать своего благоговейного восхищения его поступком, сделав самый равнодушный вид. Взявшись за перила, я взлетела вверх, едва кивнув великому человеку — чтобы не смутить его своим вниманием. И всадила глубоко под ноготь здоровенную занозу! Встреча с величием кончилась для меня болезненно — пришлось пойти в соседнюю поликлинику, где мне без наркоза сняли часть ногтя и удалили занозу.

В этой школе познакомилась с Вульфом Фридманом. Среди нескольких еврейских мальчиков в моем классе Вульф обращал на себя внимание необычайной худобой, маленьким ростом и огромными синими глазами с длинными пушистыми ресницами. Глядя на него, трудно было не вспоминать о концлагерях. В этом классе было несколько мальчиков, которых я помню до сих пор. Был мальчик татарин, который очень плохо знал русский язык. Как он мучился, переводя с английского на русский, потом на свой родной, а поняв смысл, переводил на русский. По математике и физике он успевал прекрасно. Потом я узнала, что он никогда не ел мясное в столовой, меняя его на компот. Прекрасно помню Гену Куртика, Юру Зархина — друзей Вульфа. Вульфа я мечтала пригласить к себе домой и накормить его курицей. Еврейский ребёнок должен кушать курочку! Однако, в советской школе приглашать школьника домой к учительнице было немыслимо, особенно из школы-интерната. Однажды я попросила его дать мне какую-нибудь книжку почитать на ночное дежурство. И он с извиняющейся интонацией сказал, что у него есть только Шолом-Алейхем на идиш. Так я впервые увидела человека, который знал идиш! Оказалось, что у него дома, в Челябинске, соблюдали кошер. Такого я тоже не знала среди своих знакомых в Москве. Мама Вульфа, Рахиль Моисеевна, и отец, Моисей Абрамович, бежали из Риги перед войной, да и в Латвию Рахиль Моисеевна попала из Австрии. Она преподавала в челябинской школе немецкий, отец прошел всю войну, работал юристом. Но часть родственников с 1956 года жила в Израиле. О том, что кто-то из СССР мог попасть в Израиль, я тоже тогда не знала. Весной прошли выпускные

экзамены, Вульф получил серебряную медаль. Мы смело курили с ним и с Геной, как взрослые, прямо возле школы. Мне было 25, а им по 17. Свобода! На следующий день Вульф сидел у нас на кухне, и мы все ели куриный бульон и курицу. Тогда мы, конечно, не думали, что станем друзьями на всю жизнь.

Когда всего через год он пришел без звонка, узнав о смерти моего отца, и молча сидел в углу, не обращая внимания на кучу незнакомых взрослых, я почувствовала в нем родного человека. Тогда никто еще не знал, что и его маму, и многих ее подруг, и самого Вульфа поразила ядерная катастрофа в Челябинске-40 1957 года. Все они умерли от рака. Вульф долго болел и скончался 1 сентября 2015 года в Бостоне. Последствия этого облучения сказываются и сейчас на его сыне, Саше.

Как оказалось, для нас этот год в 18 школе при МГУ оказался последним. Надо было искать настоящую работу.

ИЗ МУЗЕЯ ПОДАРКОВ СТАЛИНУ

В конце шестидесятых, когда мы оба потеряли работу в «Колмогоровской» школе-интернате, муж поступил на какие-то курсы художников Центрального телевидения. На этих курсах сошлись друзья и единомышленники, неожиданно обретшие студенческую атмосферу, навсегда, как казалось, оставленную. Слушатели, которым было уже давно за двадцать, с упоением предались шалостям молодости: частым вечеринкам с «вином» и танцами и беззаботной болтовне на вечных московских кухнях. Среди них были в основном старые друзья, появилось и несколько новых. Одним из новых был Вадим Паппе, работавший тогда художником в музее МХАТ'а. Это был очаровательный мальчик, несколько томный и изысканный, хорошо образованный, но особенно любивший литературу и искусство «декаданса». Мы очень недолго, но интенсивно общались с ним и его тогдашней женой, Верой. Разумеется, отношение к властям у нас было схожее.

И вот однажды Паппе (мы звали его только по фамилии!) принес из расформированного в те годы Музея Подарков Сталину (бывший Английский Клуб) «книгу», представлявшую собой несколько соединенных вместе каменных страниц, каждая из которых состояла из портрета Иосифа Виссарионовича Сталина, составленного из разноцветных уральских камней. Обложка представляла собой барельеф вождя из какого-то грязновато-зеленого камня в профиль, самой выдающейся частью которого было большое ухо. Подарок был сработан любовно, но эстетической ценности не представлял. К сожалению, тогда мы не оценили его ценности исторической. В то время невозможно было представить себе, что Сталин будет не проклят и забыт, а станет национальной гордостью. Поэтому вдоволь полюбовавшись этим подарком, мы все вместе его разбили, чувствуя себя врагами коммунизма, как, вероятно, те, кто заваливал памятник Дзержинскому, не подозревая о живых чекистах, наблюдающих из окон,

недовольных, но уверенных в реванше. Обломки книги мы выбросили в помойку. Но Сталину это не повредило.

Посмотрела, что о Вадиме Паппе написано в Википедии. И только сейчас узнала, что он погиб, в июне 2012 года вышел из дома в центре Москвы, и исчез. Думала описать забавный эпизод общего прошлого, но жизнь поправляет наши иллюзии.

КАК Я ПЕРЕВОДИЛА СТАРИКОВ ЧЕРЕЗ ДОРОГУ

Почему-то когда я была молоденькой девушкой, мне часто приходилось помогать старикам перейти улицу. Запомнились три эпизода. Мне было лет 16, когда в Брюсовском переулке ко мне обратилась пожилая дама, явно «из бывших», в старомодной бархатной шляпке, с интеллигентным лицом и речью. Я перевела ее через эту узкую улицу и дальше мы пошли рядом. Разговорились. Наконец, она спросила, какой иностранный язык я изучаю. Когда я сказала, что учу английский, она замахала руками, изобразила на лице смесь ужаса и отвращения, и воскликнула: «Мы враги, враги! Деточка, у вас никогда не будет хорошего французского произношения! Английский язык самый отвратительный для хорошего французского!» Очень она умилительно за меня огорчилась. Но была права.

Другая встреча, превратившаяся в недолгое знакомство, осталась во мне грустным воспоминанием. Я шла снежным зимним днем, вернее в зимних сумерках, по Никитскому бульвару. Вдруг я увидела очень грузную старуху, с палкой, которая с какой-то робостью остановилась у перехода и трогала этой палкой мостовую, боясь на нее ступить. Действительно, было скользко, но тогда я обожала накатанные ледовые дорожки, по которым можно было прокатиться. Я подошла к ней и взяв ее под руку, перевела через дорогу. Довела до ее подъезда, там же, на Никитском бульваре. Я узнала, что звали ее Мария Соломоновна, что недавно у нее умер муж, что она совершенно одинока, и недавно в своем подъезде она упала, сломала ногу, и в это время к ней подошли хулиганы-подростки, ударили ее и забрали кошелек. С тех пор она еще реже выходит из дому, всех боится. Я стала к ней заходить, в ее узкую комнату, явно отделенную стенкой от когда-то большой. Скучность обстановки была необычайной даже по тем временам. Узкая тахта, письменный столик, один стул, фотографии мужа и родственников, и главная ценность лежала на столике

— золотые карманные часы мужа. Чувствовалось, что эта старая распухшая нищая еврейка видела лучшие дни, но я не умела задавать нужные вопросы, а только с сочувствием слушала ее жалобы на старость, болезни и рассказы о муже. Однажды я познакомила ее со своим «молодым человеком», которому тогда было лет восемнадцать. Мы обменялись с ней несколькими письмами, видно я стала ее единственным собеседником после смерти мужа. Потом я сама болела, была увлечена развивающимся романом со своим будущим мужем, долго не заходила к ней. Когда после перерыва я ей написала, письмо вернулось ко мне «за смертью адресата». На нас с Эриком это письмо, с адресом, написанным моим почерком и пересекавшей его казенной формулировкой, произвело сильное впечатление. Молодые были.

Совсем другие чувства вызвал у меня бодрый старик, попросивший перевести его через улицу Горького в районе Моссовета. Не помню почему, кажется, он был слепой. Пока мы ждали зеленого света, а потом медленно пересекали широкую улицу, между нами состоялся такой разговор:

— Ну, сколько тебе лет? Мне было лет 27 или 28.

— Замужем уже?

— Да, гордо ответила я.

— И детки есть?

Детки тогда не планировались, в частности еще и потому, что последовавший ответ на моё «нет» я всегда знала. Но он нашел особенно точную формулировку:

— Это нехорошо! Надо, надо подарить родине солдата. Или солдатку.

Мы все-таки не выдержали и после десяти лет совместной жизни родили девочку, но родина осталась без подарка, увезли мы его с собой.

ОСТАП

«Когда является прототип, тут сдохнешь от тоски».

П. Улитин

Путешествие без Надежды

Двадцать седьмое ноября 1978 года. На косяке двери в зал номер три нового московского крематория приколот листок со списком имен тех, кого сегодня надо обслужить. Номер двадцать три — Осип Вениаминович Шор, 1899-1978. Последний список, в котором стоит его имя. И подпись директора крематория — Воскресенский. Так я узнала, что Остап Васильевич, один из прототипов Остапа Бендера, был Осипом Вениаминовичем (Беньяминовичем, на самом деле). Среди провожающих сводная сестра Остапа, Эльза Давыдовна Рапопорт, сын Анатолий с женой, соседка по коммунальной квартире, и я, его внучатая племянница. Месяц назад я подала документы в ОВИР на выезд из СССР. Поэтому прощание с покойным было для меня в каком-то смысле прощанием со всей прошлой жизнью. Надо все это запомнить, думала я, записать, рассказать. Заметил ли кто-нибудь невероятную фамилию директора крематория, иронию которой Остап так бы оценил? Только не слишком близкий, но и не равнодушный свидетель отметит унижительную процедуру похорон, когда перед «нашим» покойником без очереди в жерло крематория засунули какого-то военного в кумачовом гробу, и мы на морозе ждали, когда дозвучит чужой похоронный марш. И этот холод, и безобразие обряда, и кладбищенский юмор, мутировавший с легкой руки Ильфа и Петрова в крематорно-колумбарный — все казалось оправданием отношения Остапа Шора к той жизни, которую ему выпало прожить. Но записи свои мне тогда опубликовать не удалось.

Прошло больше тридцати лет. Сейчас я читаю на Интернете удивительные факты о жизни Остапа Шора: он якобы никогда не был женат (обеих его жен я знала), у него не было детей (сына Анатолия от первой жены, Полины, умершей

в начале пятидесятых годов, я тоже знала), похоронен он, оказывается, на Востряковском кладбище. Может быть, там хранится урна с прахом? Судить о точности многочисленных анекдотов из его жизни я не могу, полагаюсь только на то, что видела сама или слышала от родных.

Насколько история без свидетелей событий благообразнее! И увлекательнее. Особенно написанная талантливым, пусть не совсем правдивым пером. Об этом можно судить по мемуарному роману Валентина Катаева «Алмазный мой венец» (1978), благодаря которому история Остапа Шора как прототипа Остапа Бендера приобрела канонический статус.

В сущности, дело не столько в точности каждой биографической подробности, сколько в представлении о характере этого крайне необычного человека и об эпохе, которая отразилась в его судьбе.

Сестра моей бабушки, Клары Бергер (Койфман), Екатерина, или как ее называли в семье, тетя Куня, от первого брака имела сыновей Натана (Анатолий Фиолетов, 1897-1918) и Осипа, а от второго — дочь, Эльзу Рапопорт. Клару Герцевну Койфман в последние дни оккупации Одессы повесили немцы, а тетя Куня, переехавшая в Петербург еще до революции, умерла незадолго до войны. Эльза блокаду пережила, хотя провела одну зиму в квартире с трупами мужа и его родителей, представителей старой дворянской семьи Муравьевых (но не Муравьевых-Апостолов, спешила она всегда честно уточнить).

На жизнь сестры и брата мрачную тень бросила гибель Натана, уже известного под псевдонимом Анатолий Фиолетов, поэта-эгофутуриста. Он был убит бандитами 14 ноября 1918 г., в краткий период австрийской оккупации города.

С февраля 1917 года и до декабря 1918 власть в городе сменилась раз десять. Это привело к неслыханному прежде разгулу преступности. Жители города стали создавать отряды самообороны и народные дружины. Вскоре на основе такой дружины был сформирован отдел по борьбе с бандитизмом при одесском уголовном розыске, в котором на должности инспекторов служили Остап и Анатолий Шор, а также Евгений Петров, будущий соавтор Ильи Ильфа. Фиолетов

был уже известен в литературных кругах Одессы, и его гибель была многими воспринята как мрачное предзнаменование. Бунин в «Окаянных днях» цитирует его стихи и восклицает: «Милый мальчик, царство небесное ему!» Стихи такие:

Как много самообладания
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования.

Бунин замечает, что Фиолетов «поступил в полицейские» из идейных побуждений, но вероятно для того, чтобы работать в отделе борьбы с бандитизмом в одесском уголовном розыске надо обладать и определенной авантюрной жилкой. Остапу был свойственен расчетливый авантюризм, Анатолий же, по рассказам сестры, был человеком более мягким, даже нежным. Остап очень успешно боролся с налетчиками и может быть поэтому ходили толки, будто Анатолия убили, приняв его за Остапа. Эту версию как доказанный факт представил Валентин Катаев в своем романе.

«Он был блестящим оперативным работником, — пишет Катаев, — и бандиты поклялись его убить. Обманутые фамилией (а может быть и некоторым внешним сходством. — Н. К.П.), они убили его брата, поэта».

Дальше Катаев рассказывает:

То, что он сделал, было невероятно. Он узнал, где скрываются убийцы, и один, в своем широком пиджаке, матросской тельняшке и капитанке на голове, страшный и могучий, пошел в подвал, в так называемую хавиру, и войдя, положил на стол свое служебное оружие — пистолет-маузер с деревянной ручкой. Это был знак того, что он хочет говорить, а не стрелять.

Бандиты ответили вежливостью на вежливость (романтизация уголовников и их «кодекса чести» — неистребимая особенность советской литературы — Н.К.П) и, в свою очередь положили на стол свои револьверы, обреза и финки.

— Кто из вас, подлецов, убил моего брата? — спросил он.

— Я его пришил по ошибке вместо вас.

... Легенда гласит (то есть дальше идет чистое вранье

-Н.К.П), что Остап, никогда в жизни не проливший ни единой слезы, вынул из наружного бокового кармана декоративный платочек и вытер глаза.

— Лучше бы ты, подонок, прострелил мне печень. Ты знаешь, кого ты убил? (...) Всю ночь провел Остап в хавире в гостях у бандитов. При свете огарков они пили чистый ректификат, не разбавляя его водою, (...) плакали и со скрежетом зубов целовались взасос. Это были поминки, короткое перемирие, закончившееся с первыми лучами солнца, вышедшими из моря. Остап спрятал под пиджак свой маузер и беспрепятственно выбрался из подвала, с тем, чтобы снова начать борьбу не на жизнь, а на смерть с бандитами».

Остап Васильевич и Эльза Давыдовна прочли вместе эти странички и отозвались приблизительно в том духе, что это «очередная типично советская брехня, но написано мило».

Судя по воспоминаниям, Анатолий Фиолетов был не только талантливым поэтом, но и очень обаятельной, оригинальной личностью. Он пользовался особой симпатией и авторитетом в среде молодой литературной Одессы, из которой вышли Эдуард Багрицкий, Евгений Петров (Катаев) и его брат Валентин Катаев, Илья Ильф, Юрий Олеша, Вера Инбер, Семен Кирсанов. Хочу высказать предположение, что Леонид Чертков, двоюродный племянник Анатолия Фиолетова, первым в России пятидесятих годов обратившийся к изучению забытых тогда поэтов начала века, мог быть вдохновлен семейной памятью о погибшем.

Остап ушел из угрозыска и навсегда оставил Одессу. Он уехал в Москву, где продолжал знакомство с одесскими литераторами, к тому времени также переехавшими в столицу. Он появлялся на литературных вечерах, был близок к кругу одесситов, работавших в газете «Гудок», всю жизнь дружил с Юрием Олешей. Думаю, что мой отец, недолго там работавший, попал в «Гудок» не без протекции Остапа.

Кульť оригинальности и иронического отношения ко всему на свете был в духе времени и места — послереволюционной Одессы. Остап поражал авантюрными идеями, которые не боялся осуществлять, и независимостью суждений. Но осо-

бенно запоминались его сардонические остроты, и своеобразная манера рассказывать о своих невероятных приключениях.

Катаев пишет о нем: «Остапа тянуло к поэтам, хотя он за свою жизнь не написал ни одной стихотворной строчки. Но в душе он, конечно, был поэт, самый своеобразный из всех нас». Тут художник в Катаеве обмолвился правдой.

Остап раньше многих понял, что произошло в стране, и рассчитал свое дальнейшее поведение. Он прошел через все то, что его веселые современники в творческом предвидении обозначили выражением «переквалифицироваться в управдомы». За недолгими годами безумных надежд, озорных выходок, легкой и лихой популярности в живописном мире богемы двадцатых годов наступило время притаиться, молчать, отплевываться своими язвительными шутками, забыть все амбиции и, главное, дать забыть о себе. Растущая популярность его литературного двойника становилась для него опасной. Многие его родственники успели эмигрировать, при любой попытке устроиться на официальную работу это бы открылось. И он ушел в «подполье».

Кажется, он прожил много жизней, осуществляя варианты судьбы разных персонажей Ильфа и Петрова. В конце сороковых-начале пятидесятих он «подпольный миллионер». В нашей семье существуют понятия «Остаповы деньги», «Остаповы инструменты», «Остаповы материалы». Одно время он бывал у нас очень часто. Я помню, как они сидели с моим отцом на тахте и тихо обсуждали предполагаемые планы «хозяина». Доносилось только «сидел», «сидит», «посадили», «посадят» и покачивая головой и иронически усмехаясь, они повторяли: «бедный доверчивый старик». Имени не называли, но я прекрасно понимала, что речь идет о Сталине, и что выражение «Кобины дети» относится к начальству и вообще ко всем новым людям в отличие от старого, честного человека, того, кому можно доверять. Причем разделение мира на домашний и официальный меня не смущало и не вызывало вопросов. В официальном, школьном мире ирония была невообразима, дома у нас она была неременной

особенностью любого разговора. Остап, плачущим голосом тянувший «опять обманули доверие старого партийца», был реальнее и убедительнее портрета в школьном коридоре. Иногда они с отцом играли в нарды, тихо перебрасываясь словами, или пускались в воспоминания об одесской молодости. Они навсегда оставались одесскими эмигрантами, где бы потом не оказывались.

Их объединяла страстная любовь к Одессе «мирного времени», то есть дореволюционной. Любимым их занятием было наметить себе маршрут и следовать ему, наперебой перечисляя имена и названия. Они часами мысленно бродили по Дерибасовской, Екатерининской, Пушкинской, Ланжероновской, Приморскому бульвару, заходя в каждый дом, аптеку, каждую лавочку и магазин, вспоминали, кто там жил, чем торговали, какого вкуса были бублики с семитатью (только в этом году я узнала, что так называли кунжут), какие запахи доносились из кондитерских. Уменьшительные имена, греческие и французские фамилии, обрывки исчезнувших реклам звучали восхитительно и маняще, как оглавление стихотворного сборника или поваренной книги. Кафе Фанкони и кафе Рабина, кондитерская Печесского в Палероале, чайный магазин Высоцкого, молочная Чичкина. Вдруг один из них вскрикивал что-нибудь вроде: «А чем торговал Маноля Гекацукайтис?» — И оба хором отвечали: «Восточные сладости Маноли Гекацукайтиса!» Я помню, конечно, не точное имя, а некое сходство звучания и ритма.

Наверное, память моя что-нибудь исказила, но прелестные, одушевленные имена того времени, »когда папа был маленьким», незаметно оказывали определяющее влияние на мое восприятие звучания слов, а потом и литературы.

Оба прекрасно знали историю Греции, Рима, Франции и пытались найти исторические параллели, ища ключ к происходящему — я слышала имена «Сулла», «Нерон», «Робеспьер», выражения «проскрипционные списки», «Карфаген должен быть разрушен», «преторианские когорты». Конечно, тогда я не понимала сути их разговоров, но сами понятия отец мне растолковывал, избегая, конечно, прямых аллюзий.

Как многие южане, они обожали раннего Гоголя, знали наизусть целые страницы из «Тараса Бульбы», и я думаю, что имя Остап, которое он для себя выбрал, было данью этой любви. В образе Остапа Бендера авторам романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» удалось передать атмосферу тайной горечи и блестяще-назойливого скоморошества, смесь обаяния и пошлости, характерную и для его прототипа.

Остап редко снисходил до того, чтобы заметить мое существование, называя меня в таких случаях «молодой пионер» или «Павлик Морозов», а когда очень хотел обласкать, называл Натальей-каналей. Он со всеми, кроме, может быть, моего отца, говорил каким-то ерническим тоном.

Остап был нашим «богатым родственником». Только у него можно было одолжить крупную сумму для найма летней дачи или просто чтобы дотянуть до получки. В те годы денег у него, казалось, было много. Сразу после войны он освоил шелкографию, организовал артель и стал монополистом этого подпольного бизнеса. Рулоны с какой-

Остап Шор

то тонкой тканью и с какими-то пленками, издающими противный химический запах, хранились у нас дома, у меня под кроватью. Остап время от времени заходил к нам, часто я уже спала, и меня будил яркий свет, когда он вытаскивал из-под кровати рулон и отрезал от него нужный кусок. Само собой разумелось, что держать эти рулоны у нас надежнее, но если их найдут, то, конечно, «посадят». Остап всегда жил под угрозой посадки — и товар «левый», и само предприятие «левое», и, главное, продукция своеобразная.

Дело в том, что в течение нескольких лет Остап Шор изготавливал методом шелкографии иконы для Троице-Сергиевой Лавры в Загорске. Во многих окраинных и пригородных домах можно было видеть эти дешевые иконки на месте старых, уничтоженных в послереволюционные годы. Когда патриарх узнал, что иконописец оказался евреем с сомнительной репутацией подпольного артельщика, этот источник дохода для Остапа закрылся. Не знаю, на кого он работал потом, но занимался шелкографией он еще долго, первым в Москве разрабатывал многие технические приемы, разные методы крашения и зарабатывал одно время большие деньги.

Рядом с ним появлялись какие-то странные знакомые: то благородные старцы с тонкими лицами, то какие-то неопишуемые оборванцы. С некоторыми он выпивает в подъезде «на троих», других одевает, селит у себя. Его собственные неприятности тоже странные. Почтенный еврейский джентльмен, на базаре он жестоко избивает милиционера в присутствии многочисленных свидетелей. Дело происходило году в пятьдесят пятом, Остапу пришлось скрываться, не ночевать дома. Он чудом избежал посадки, но никому не рассказывал, за что избил, как это случилось.

Отрывочные и необъяснимые подробности его жизни доходили до меня из разговоров взрослых. Например, когда была смертельно больна его мать, которую он очень любил, на вопрос о ее здоровье он приподнятым голосом рапортует нечто в таком духе: «Старушка цветет, жалоб нет, старикам везде у нас почет!» Что это?! Может быть, какое-то

извращенное целомудрие? Нежелание снимать маску циника и паяца?

Уже на моей памяти умерла его жена Полина. Помню их большую, как мне показалось, комнату на Воздвиженке, заставленную сундуками и железными кроватями, на которых спят какие-то явно посторонние, бледные люди. Полина была милая, тихая женщина, как-то одутловато полная и бледная. Остапа очень любила, сына называли Анатолий в память Анатолия Фиолетова. Когда она умерла, еще довольно молодой, Остап не пошел на ее похороны и никогда больше не упоминал ее имени. Комнату разменял с сыном. Отношений с ним в последние годы не поддерживал. Позже внук Остапа крестился, стал настоящим иконописцем. Как-то он пришел к Эльзе Давыдовне узнать о прошлом своей семьи, но услышав от нее, что наш предок Бергер был менялой на одесской набережной, а потом стал крупным банкиром, в ужасе бежал и у Эльзы больше не появлялся. Она мне со смехом рассказала об этом в 1997 году, когда я ее видела в последний раз.

В той же комнате, на Воздвиженке, за занавеской жила их домработница Татьяна, которая потом будет ездить через всю Москву из своей новенькой хрущевской квартирки в очередную коммуналку Остапа, »ходить за ним», до тех пор, пока он будет ее к себе допускать.

Было известно, что в трудную минуту Остапу можно позвонить в любое время дня и ночи, он немедленно придет, все, что нужно, сделает, организует, посоветует. Если другого способа помочь нет, даст денег, принесет билеты, отправит в другой город и адрес даст, где переночевать. И исчезнет, оставив ощущение какого-то унижения своим циничным, демонстративным равнодушием к сути самого дела и к твоим душевным переживаниям.

Когда умер мой отец, с которым он был, казалось, близок, Остап взял на себя организацию похорон, но высказал несколько практических соображений, невообразимых в других устах: «Незачем хоронить в новом костюме—все равно работники крематория снимут, и, жаль, золотые коронки вырвут».

Как многие старые одесситы, после войны в Одессу Остап не возвращался. Для него город стал кладбищем, а на похороны и на могилы Остап никогда не ходил.

Хотя его жизнью руководил сложнейший логический расчет, Остап был игрок по натуре. Страстный картежник. Рассчитывал, рассчитывал, а потом ставил все на карту — и часто проигрывал. А поражений не выносил (отсюда, может быть, его отказ ходить на похороны и кладбища?) Я думаю, что послереволюционный стиль жизни, безвкусица и ханжество советского языка, наступивший праздник дураков он ощущал своим личным жизненным проигрышем.

Остап никогда не говорил серьезно или весело. Это всегда было саркастическое остроумие, надсадное ёрничание, утомительное, но завораживающее. С вызовом и какой-то злобой подчеркивал свои полу-уголовные связи и интересы. Утверждал, что ничего не делает «за спасибо», что в карты играет только ради выигрыша, что не верит ни в Бога, ни в черта, а того пуще в какое бы то ни было бескорыстное доброе побуждение. Его циничная манера говорить о людях, жеманные обращения «Mon ange» к знакомым, вне зависимости от возраста, а иногда и пола, французские цитаты вперемежку с довольно сальными каламбурами, явное ко всем презрение от него отталкивало, и все же были в нем следы когда-то могучего очарования. И несмотря на его манеру общения, он вызывал к себе полное доверие.

Можно было поверить, что ходили за ним толпой пажоны и босяки двадцатых годов, а знаменитые остроумцы эпохи повторяли его шутки. Сардонический антипафос его речи действовал, как освежающий душ или, вспоминая постоянно им цитируемое, — «Как целительная клизма, душу радость озарила. Будет дочкой коммунизма электрическая сила!» Я впоследствии узнала, что это строчка из некогда знаменитой шутильной поэмы молодых харьковчан «От Космоса до Соцвоса или Цик и Вудик». К сожалению, авторов я не знаю, и могу только догадываться, что имеется в виду Центральный исполнительный комитет и Всеукраинский центральный исполнительный комитет.

О нем рассказывали бесконечные фантастические истории, часть из которых я увидела на Интернетe и потому не буду повторять, тем более, не быв их свидетелем. Дома у нас шутили, что летом он заведует катком, а зимой лодочной станцией. В октябре сорок первого года, слышала я от мамы, он умудрился получить направление в Среднюю Азию для сопровождения эвакуированного московского зоопарка. В Ташкенте и он, и его семья числились в составе сотрудников зоопарка, и на столе время от времени появлялся то сактированный як, то покусанный злым тигром кабан, то измученная малярией лама. Верность этой истории гарантировать не могу, но она соответствует «мифу» Остапа Бендера.

Удивительно, как осуществились в реальности многие литературные детали, изобретенные для своего героя Ильфом и Петровым. Все читатели помнят временную супругу Остапа Бендера, мадам Грицацуеву. Последняя жена Остапа была ее совершенной копией.

Где-то в конце пятидесятих годов, уже пожилым господином, в период своего наибольшего финансового процветания Остап вдруг появился с новой женой. Ее сходство с мадам Грицацуевой казалось мистическим, невероятным! В жаркий летний вечер в нашу коммунальную квартиру в Собиновском переулке вошла томная, в кружевных перчатках и черном панбархатном платье, украшенная ювелирными изделиями и густой косметикой, чрезвычайно пухлая особа лет тридцати пяти с темными восточными подглазьями. Звали ее Тамара. Она сначала сильно робела и молчала, а мы старались не показать изумления, увидев такое великолепие за нашим скромным семейным столом. Как выяснилось, раньше Тамара торговала овощами в палатке на базаре, а теперь Остап устроил ее на какую-то должность в меховое ателье на Арбате, около Смоленской площади. Наверное, тогда она еще не читала знаменитого романа, и ласкательные имена, с которыми обращалась к Остапу («Остапчик, мой ангел, мой пупсик») изобретала сама. Грустно было наблюдать последнюю слабость и вспышки непривычной щедрости у этого сурового, ироничного человека.

Подступала последняя, совсем печальная пора его жизни. С Тамарой он прожил лет десять, помог ей вырастить дочь, о которой мать еще через несколько лет простодушно говорила: «Ты же понимаешь, она работает в «Интуристе», там не стучать нельзя». Она поселила у себя родню, стала хорошо зарабатывать в арбатском меховом ателье, и, обменяв комнату Остапа на отдельную квартиру, оставила его одного в необжитой комнате коммуналки в одном из новых микрорайонов.

Даже осудить ее трудно. Остап становился все более невыносим. Недоверчивый, подозрительный, бешено вспыльчивый. Сына, тихого выпивоху с наследственно-медальным профилем и серо-голубыми, как у родителей, глазами давно выгнал из дому, внука, молодого художника, на порог не пускает : всех подозревает в ожидании наследства. К тому же он слепнет, взгляд его делается еще более надменным, многолетний рак кожи и языка, периодические облучения обезобразили его когда-то красивое лицо. Но оно остается значительным, это не лицо из толпы, мимо пройдешь — заметишь. В стянутом поясом потертom черном кожаном пальто эпохи перелета Чкалова, Белякова и Байдукова через Северный полюс, очень прямой, высокий и грузный, с узким костлявым лицом и жиденькой белоснежной бородкой, которую он отрастил в старости, Остап стал удивительно похож на старого американского фермера, а проще сказать, на Дядю Сэма. Изредка я встречала его в Трехпрудном переулке или Южинском, возле Палашовского рынка. Он медленно идет с авоськой в руках в московской толпе, высокомерный, жалкий, бесконечно одинокий. Иногда я подходила к нему и сразу не чаяла, как удрать поскорей — так издевательски-слащаво равнодушен его тон. Кто ни приходит к Остапу, убеждается, что ему никто не нужен. Чем положение его хуже, тем нетерпимее он становится. Уже невозможно разобрать, где личностные черты, а где старческое перерождение.

Когда он умер, всех его капиталов едва хватило на похороны. Дольше всех он терпел преданную бессловесную Татьяну, няню его сына и внука. Потом поссорился и с

ней. Последний свидетель его дней — старушка-соседка, причитавшая по дороге в крематорий : « Хороший какой человек был, Остап Васильевич. И простой такой. Принесут ему, поест. А не принесут, так и не жалуется. Накануне, как ему помирать, уж кушать совсем не мог, так говорит мне : « Дайте мне, Анна Романовна, сухарик ». Всегда по имени отчеству называл. « У меня колбаса есть копченая, вы себе возьмите ». Я уж взяла, ему-то, вроде, ни к чему. Такой простой. Жалко-то как. Еще бы пожил. Чего же не пожить? Пенсия у него хорошая ». Мы молча вежливо кивали.

Были люди, которые его любили и помнили, но он не умел быть любимым. Эльза Давыдовна его обожала. Внешне удивительно разные, они одинаково приковывали к себе взгляды. Крошечная, худенькая, после пережитой ленинградской блокады больше всего боявшаяся располнеть, она блистала вкусом и простотой туалетов, привезенных из многочисленных зарубежных поездок со съемочной группой студии Горького. Эльза так была внешне не похожа на Остапа, что особенно поражало их внутренне сходство, одинаковая манерность и своеобразный снобизм, выражавшийся в презрении к условностям.

Она была первой, кто начал рассказывать об Остапе, которого мы не знали. Она говорила: «Что вы знаете?! Вы понятия не имеете, что он делал для людей, скольким спасал жизнь! Когда я вернулась после блокады совершенно сумасшедшая, стащив на кладбище всех родных, это он меня выходил».

Эльза работала в сотрудничестве с подругой, талантливой художницей, которую звали Галина Станиславовна (фамилия ее была, кажется, Кузнецова). Вскоре после войны у Гали утонул единственный восемнадцатилетний сын, и, ошеломленные пережитым, подружки поселились вместе, помогая друг другу выживать. Эльза была официальным представителем этого маленького коллектива, но все костюмы для фильмов они создавали вместе. Они соблюдали какую-то странную по тем временам диету: мясо, сыр, шоколад, творог. Совершенно не ели ничего мучного. В старости страдали

тяжелейшим артритом и остеопорозом. Не выдержав более в суставах, в конце восьмидесятых Галя покончила с собой. Эльза последовала ее примеру, когда за несколько месяцев до девяностолетия оказалась перед выбором, ехать ли с переломом шейки бедра в больницу или принять большую дозу снотворного.

Надо добавить, что Эльза дожила до перестройки и до бурных событий конца восьмидесятых-начала девяностых, столкнулась с трудностями, от которых за многие годы профессионального успеха отвыкла, но ее письма поражают живостью восприятия событий, полны восторга от происходящих перемен, интереса ко всем событиям и мудростью, которая раньше проявлялась в деланном равнодушии и сарказме. Если раньше она признавала только Марселя Пруста и Льва Толстого, то теперь с упоением писала о журнальных публикациях, и даже посылала нам в Америку наиболее поразившие ее номера «Огонька».

13 октября 1997 года открылась ее персональная выставка в Музее кино. За шестьдесят лет работы художником по костюмам она участвовала в создании множества фильмов, среди которых такие известные, как «Два бойца», «Дом, в котором я живу», «Герой нашего времени», «Доживем до понедельника», «А зори здесь тихие», но никогда она не думала о персональной выставке, статьях в газетах, просьбах об интервью. Ее, конечно, все это радовало. Когда я с дочерью пришла к ней в конце 97 года, она с юмором рассказывала, что наибольший интерес в молодом поколении вызывает ее родство с Остапом и хранящийся у нее архив Анатолия Фиолетова. Во время этой встречи она больше говорила о «Толечке», чем об Остапе.

Уже очень хрупкая, крошечная, слабенькая, но все еще элегантная, она каждый день спускалась во двор кормить бездомных кошек, всегда помня, что такое голод. Последняя, домашняя, любимая, поставила рекорд — «померла», по Эльзиному выражению, в двадцатилетнем возрасте. Еще она говорила, что последовала бы за этой кошкой, если бы не сознание, что нескольким молодым ассистенткам с

киностудии необходимы те деньги, которые она им платит за уборку и всякую хозяйственную помощь.

Пока Остап был жив, а она была помоложе, Эльза ездила к нему через весь город с улицы Эйзенштейна, возила продукты, пыталась пробиться сквозь стену, которой он себя окружил. И всегда уходила в слезах, он стал гнать от себя и ее.

Вскоре после смерти Остапа я познакомилась с Виктором Иоэльсом, соседом по Большому Тишинскому, где мы с Эриком тогда жили. Виктор Михайлович Иоэльс, художник, шелкограф и незаурядный знаток исторической Москвы по пятницам держал «открытый дом». В его однокомнатной квартирке собиралось человек по двадцать -завсегдатаев, и случайных знакомых, и совсем незнакомых. Среди постоянных посетителей был легендарный Саша Асаркан, который направлял разговор, или, скорее, царил в нем. Пили чай, заваренный по асаркановскому рецепту и ели косхалву из магазина «Армения».

Как-то разговор случайно коснулся Остапа, и Виктор переменился в лице, когда услышал это имя. Впервые я увидела человека, который знал другого Остапа Шора. Он говорил о нем не просто с симпатией или любопытством, а серьезно, с глубоким уважением.

Он рассказал о том, что вернувшись из детприемника для детей репрессированных, с помощью Остапа, которого и помнил-то плохо среди других знакомых погибшего отца, получил обратно свою комнату на Тверском бульваре. Остап обучил его шелкографии, и он оказался одним из многих детей и родственников осужденных, которых Остап спас, научил ремеслу, обеспечив куском хлеба на всю жизнь. Виктор ко времени нашей встречи был совсем не молодым человеком. Но об Остапе он говорил с юношеским почтением: «Вы его не знали. Не знали, кем он был для нас. Остап Васильевич был необыкновенным человеком, честнейшим, справедливейшим. Никто теперь не знает, что такое деловая этика, что такое честное слово. Мы всецело от него зависели, и никогда он не обманул никого ни на копейку. Вам это кажется естественным, потому что вы не знаете, что такое «левые артели». А скольких

людей он просто спас от голодной смерти, годами помогал семьям заключенных, часто малознакомых людей. Немного было домов в Москве, куда можно было прийти переночевать, вернувшись из лагеря. Приходили почти чужие люди, оставались, иногда подолгу жили, пока он не устраивал их на работу, не находил им какую-нибудь возможность остаться в городе. А ведь это были какие годы — сорок девятый, пятьдесят первый, да и позже хватало».

Надо сказать, что услышанное меня не удивило. Наоборот, многое в характере Остапа Шора получило объяснение. И понятнее стало его нежелание сводить свою жизнь к роли прототипа Остапа Бендера.

История нашего знакомства с учеником Остапа имела небольшое продолжение. Лет десять спустя после нашего отъезда, Виктор Михайлович приехал в гости к Саше Асаркану, который обосновался в Чикаго. Мы в то время жили в Урбане, где я преподавала в Университете Иллинойса. Привел нас к нему мой коллега Борис Покровский, опекавший Асаркана постоянно, а нас в редкие наезды в большой город.

От Чикаго вроде не очень далеко, но бывали мы там редко и с Асарканом виделись всего несколько раз. К тому времени он жил в Чикаго уже лет пять-шесть и знал историю этого города, каждый дом старого центра, судьбу его владельцев и нравы жителей так же досконально, как раньше знал Москву. Отношения наши поддерживались перепиской, в результате которой я стала обладательницей нескольких его знаменитых коллажных открыток. В общении Асаркан настолько выкладывался, так ошеломлял фантастической памятью, быстротой реакции, блеском ума, и так наслаждался произведенным эффектом, что через какое-то время он страшно уставал. Поэтому Виктор Михайлович охотно согласился на приглашение погостить у нас. Наверное, наша Урбана, похожая на Выставку достижений народного хозяйства размерами и планировкой, не очень понравилась старому москвичу, и он внес свой вклад в озеленение городка: на прощание посадил в нашем довольно голом дворе вишневое дерево.

Недавно я была в Урбане на конференции, видела наш старый дом, но среди разросшегося густого сада вишня была незаметна.

Напечатано в журнале *Слово/Word*, 64, 2009.

ПЕРЕДЕЛКИНО

«Вася, Вася, Васенька», звала кота полная женщина в белом фартуке поверх пальто и с миской в руке. «Иди домой, иди скорей», говорила она умильным голосом, обращаясь к коту, не спеша пробиравшемуся к ней через кусты. «Иди скорей, у большевиков колбаска, у большевиков сметанка, всё у них есть». Заметив меня, она заговорщицки улыбнулась, очевидно заметив мое восхищение ее разговором с котом. Было это ранней весной 1962 года, в лесочке в посёлке Переделкино.

Я попала в переделкинский кардиологический санаторий с неопределенным диагнозом «астенический синдром» после того, как мне пришлось взять академический отпуск во втором семестре, сразу после поступления в МГУ. А вышеупомянутые большевики жили в Доме Старых Большевиков, как называлась эта спецбогательня.

Санаторий в это межсезонье был полупустой, процедур мне никаких не назначили, и я часами гуляла по жидкому лесочку, рассматривая черные ветки деревьев на фоне светлого то серого, то голубенького неба, с наслаждением дыша подмосковным воздухом. Кроме этой работницы большевистской столовой, я не запомнила ни одного человека.

Пастернак умер меньше двух лет назад. Я тогда ничего о его впоследствии знаменитых похоронах не знала. Вот сейчас, в октябре 2017 года написав эту фразу, я решила посмотреть, какие материалы теперь уже есть в сети об этом дне. И первое, что увидела, это пятиминутную любительскую запись похорон, выложенную в YouTube. Испытала потрясение, увидев нескольких друзей, которых узнала, потому что познакомилась с ними через год или два после этого дня. Такие знакомые молодые лица у моих сверстников!

Но тогда я еще ни с кем из них не была знакома. Стихи Пастернака я уже знала и очень любила, многое знала наизусть. Зелененький сборник стихов Пастернака, издан-

ный в 30е годы, мне подарила на день рождения, в 1958 году, Розочка Ровенская, мамина подруга, художница. Она же, через шесть лет, подарила нам на свадьбу пяtitомник Хлебникова!

Буквально через несколько дней после моего дня рождения разразился скандал с присуждением Пастернаку Нобелевской премии. И вот, едва прочитав волшебные строчки, смысл которых я не очень понимала, но меня пьянившие: «В посадe, куда ни одна нога не ступала, лишь ворожеи да вьюги ступала нога», «Пью горечь тубероз, небес осенних горечь, и в них твоих измен горящую струю», «Сегодня мы исполним грусть его», «В занавесках кружевных воронье. Ужас стужи уж и в них заронён», «Коробка с красным померанцем, моя каморка», читаю в газетах остроумные замечания про лягушку в болоте, про травку или овощ с такой фамилией, мнения трактористов, комбайнеров, а также гневные помои известнейших писателей того времени. И реакция у меня, как оказалось впоследствии, была совершенно парадоксальная, свидетельствующая о полном непонимании системы ценностей в нашей стране. Мне очень хотелось выразить Пастернаку свое восхищение, благоговейный восторг перед ним, но при мысли о толпах поклонников, которые, как я думала, осаждают сейчас его квартиру, о горах цветов, усыпавших лестницу дома, где он живёт, а также о собственном ничтожестве, я, конечно, зная свой шесток, не осмелилась лезть с поддержкой. И только несколько лет спустя, я узнала о страхе, охватившем большинство знакомых, об изоляции, в которой оказался Пастернак. Мне и в голову не приходило, что вполне было бы уместно именно тогда просто написать несколько слов или принести цветочки.

Тогда, весной шестьдесят второго года, переделкинское кладбище было еще довольно заброшенным, вполне деревенским. Снежные холмики покрывали могильные надгробия, на дорожках почти не было человеческих следов. Где я купила толстую стеариновую свечку, и почему мне пришло в голову ее поставить в какую-то металлическую посудинку на могиле Пастернака и зажечь, я, конечно, не

помню. Но смесь неловкости за некоторую театральность, которую я ощущала, и печали, охватившей меня на этом безлюдном кладбище, я не забыла.

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

1967 год. Я только что кончила университет, а все мои друзья ещё годом-двумя раньше. Ни у кого нет детей, экзамены сданы, и мы все осознаем, что наша молодость не вечна, и ее надо ценить. Страна готовится к пятидесятилетию Великого Октября.

Задолго по Москве ходили слухи о приуроченных к празднику подарках населению. Особое оживление вызывала идея, клянусь, не вру, что на 7 ноября из водопроводных кранов пустят пиво. Думаю, что идея имела в себе глубокие фольклорные корни: кисельные реки, молочные берега. Наш небольшой круг друзей решил отметить это дело тоже не хило.

Я тогда увлекалась приготовлением дичи, купленной за совершенные гроши в магазине «Дары природы» на Фрунзенской набережной. Там можно было за рубль десять копеек купить куропатку «в пере», огромные глухари стоили дороже, кажется рубля три, фазаны по дешевке, индейки, а еще, я помню, лежал в витрине замороженный «заяц в шкурё», с ударением на последнем слоге в произношении продавщицы. Охотников возиться с ощипыванием и потрошением дичи было немного, а я освоила эту технику, и меня поражало, что в желудках птицы я находила еловые иголки, крошечные шишечки, камешки — понятно было, что в московский магазин дичь попадала из настоящей тайги, убитая пулькой охотника, которую я часто находила, а не выращена в каком-нибудь колхозе. Обсуждали меню. Гусь и глухарь были в этот раз отброшены, успехом пользовался лозунг: «Пусть большевики едят куски, у нас на каждого будет целая птичка!»

Но я не об этом ужине, очень веселом и удачном, собиралась рассказать, а о поездке на такси в гости, в один из праздничных дней. Когда я впервые села в частную машину, мне было уже тридцать шесть лет, и меня поразило, что в машине можно свободно разговаривать, не опасаясь водителя. Обычно в такси мы с друзьями говорили таким эзоповым языком, что посторонний никогда бы не понял сути нашего

разговора. В этот раз нас везла водитель-женщина, по-моему, это было впервые. Мы сидели сзади, болтали как всегда на своем языке намеков и аллюзий, когда машина приблизилась к Калининскому Проспекту. Город был привычно украшен портретами членов ЦК, любимцем нашим был товарищ Сизов, председатель Центральной ревизионной Комиссии КПСС. Тогда он несколько выделялся на фоне других руководителей страны, сейчас же большинство членов Государственной Думы на него похожи, некоторые даже превосходят, Валуев, к примеру. Кажется, Сизов был даже поприличнее других, просто внешность у него была такая своеобразная.

Переезжаем Калининский (теперь, кажется, это Новый Арбат?), вот и огромная светящаяся цифра «50», и вдруг наш таксист громко, с чувством произносит: «Пятьдесят. Ровесники мы с этой проклятой властью». Мы, снобствующие студенты, жившие в своем около диссидентском замкнутом мирке, никогда не слышавшие таких смелых слов от «простого народа», были радостно поражены ее спокойной, какой-то лихой иронией и еще больше тронуты ее доверием. Так и запомнилась эта годовщина.

АВГУСТ ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОГО

Должна признаться, что за ввод Советских войск в Чехословакию я не испытывала никакого стыда. Какой мог быть стыд, когда правительство, которое я считала лютым врагом, ввело танки в свою колонию, которая пыталась надеть «человеческую маску» на харю социалистического режима? Всю «чешскую весну» я слушала по ВВС и прочим «голосам» вполслуха из-за выражения «социализм с человеческим лицом». Язык не обманешь.

Наступил август, первый в жизни отпуск на работе, а не студенческие каникулы. Отпуск оплачиваемый, дали кучу денег, и все десятирублевками, красненькими. Штук наверно 20, на нас двоих с мужем.

Друзья рассказывали о прелести Коктебеля и уговорили нас поехать в восточный Крым. Приехали мы раньше их в поселок «Планерское», как тогда назывался Коктебель, который после Симеиза и Кацивели произвел на нас самое неблагоприятное впечатление. Никакой зелени, узкая линия каменистого пляжа, выжженные холмы. Сначала мы сняли маленькую терраску, крыша которой, как оказалось в первую же ночь, протекала, и дождь лил прямо на наши сдвинутые койки. Так мы и просидели эту ночь на кроватях под зонтиком.

Не то на следующий день, не то несколько погодя, прорвало поселковую канализацию и на пляже стало вонять говном, которое шло напрямиком в море. Хотелось бы красиво связать это событие с 21 августа, но к тому времени канализацию починили. А нам удалось переехать в маленькую комнатку в глинобитном доме, как я понимаю, принадлежавшем когда-то крымским татарам. Теперь он принадлежал украинской семье, сдававшей комнатки дачникам.

С приездом друзей вся наша коктебельская жизнь изменилась. Они показали нам дивные дальние пляжи, устроились с нами вместе на пансион к хозяйке, которая кормила нас домашним обедом, и, принадлежа, в отличие от нас, к писательским кругам, представили знаменитым

старикам. Помню, как они представили нас Кулешову с Хохловой, про которых я тогда ничего не знала, даже к Марии Степановне они были вхожи.

И вот как-то под вечер, сидим мы, если не ошибаюсь, на пляже в Сердоликовой бухте, и я спрашиваю нашего друга: «Слушай, а что там происходит в Чехословакии?» И он мне очень объективно, подробно рассказал о действительно серьезном стремлении населения к отходу Чехословакии от политики Коммунистической Партии. Выслушав его и поверив в серьёзность происходящего, я спросила: «Но почему же тогда «мы» не введём танки? Весь опыт нашей жизни говорит о том, что пора вводить танки». И мой собеседник очень убедительно объяснил, почему «они» этого сейчас делать не станут: опыт Венгрии, репутация в мире, лучше тихо задушить, чем устраивать международный скандал. Не помню всех его доводов, но уверенный тон и логические доводы меня вполне убедили.

Утром мы проснулись от стука в окошко. За окном стояли наши друзья и произнесли они одну фразу: «Ввели танки».

А какая была на пляже тишина в этот день! Кто маленьким кружком близких друзей, кто по одиночке вжимаясь ухом в «Спидолу», пытались разобрать, что передают иностранные голоса. Почему на пляже? Надеялись на меньшую эффективность глушилок, некоторые даже понимали английский или немецкий, и тихо переводили друзьям. Но никто не обсуждал происходящее. Просто слушали молча. Лежали рядами члены Союза писателей, рядом с нами был Василий Аксенов. Конечно, было ощущение, что произошло нечто, что изменит нашу жизнь, но основным чувством была ненависть к «ним» и сострадание к чехам.

То, что было потом, описано бесчисленное количество раз. В моей жизни произошли большие перемены, никак с историческими событиями не связанные. Через три месяца умер от рака мой отец, встречавший с мамой нас на вокзале и поразившийся тому, как хорошо я, его ребёнок, разбираюсь в составе чехословацкого политбюро и в судьбах его членов. Тогда мы еще не знали о папином диагнозе.

ПОЕЗДКА В ЧЕХОСЛОВАКИЮ В СОСТАВЕ КОМСОМОЛЬСКОГО «ПОЕЗДА ДРУЖБЫ»

Как-то осенью 1970 года по издательству «Прогресс», где я тогда работала корректором в редакции учебников, разнеслась весть, что все желающие поехать в Чехословакию в составе комсомольского Поезда Дружбы могут записаться и сдать деньги на путевку. Никакой проверки, ограничений, собеседования — запишись и езжай. Что я и сделала, к нескрываемому осуждению более принципиальных и благородных друзей. Но я не могла устоять перед возможностью поехать ЗА ГРАНИЦУ, о чем вообще-то никто из нас даже не мечтал.

Я уже знала, что когда бы мне ни предстояло что-нибудь важное и приятное, например, собственная свадьба, или поездка на юг, или, как теперь, за границу, я серьезно заболела, с высокой температурой и всеми показаниями для стационара. Вызванный на дом врач выслушала меня, нашла тяжелый бронхит, а узнав о намечающейся поездке, спросила: «В Чехословакию?! В нашу или в немецкую?» Но я все-таки поехала в «нашу» Чехословакию, после 1968 года нашу вдвойне.

Нам было сообщено, что «для подарков» можно вести с собой две бутылки водки, два блока сигарет и баночку икры, если кто может достать дефицитный продукт. В назначенный день группа молодежи собралась на вокзале. С нами ехал официальный руководитель, хрестоматийный работник райкома комсомола, пышущая здоровьем комсомольский секретарь издательства, кажется ее звали Маша, и мы, молодые корректоры и младшие редакторы. Каждому было не больше 28 лет.

Я сразу забралась на свою верхнюю полку, надеясь поскорее во сне доболеть. А народ высыпал в коридор покурить. Когда мы доехали до границы, сигарет почти ни у кого не осталось: скурили все запасы. Границу мы переезжали ночью. Тогда впервые я поняла, до какой степени наше сознание было искалечено пропагандой. Нет, политически я была вполне

просвещена. Но само понятие «граница» имело для меня совершенно мистический смысл. Поражало все: вот эта земля, этот полустанок, эта пожелтевшая травка еще здесь, а вот все такое же, в десяти метрах, уже совершенно другое, запретное, принадлежащее иному миру.

Нас высадили из вагона, а пока подгоняли другой состав, «европейский», на узкую железнодорожную колею, мы все сгрудились в комнате ожидания на пограничном полустанке. Все были уставшие, тихо чего-то ждали. Потом нам раздали «сухой паек». Что в нем было, я не помню, но восхитило то, что каждый крошечный продукт был в особой, уже иностранной упаковке. Дальше ехали в сидячем вагоне. Приехали в Братиславу. Вышли из вагона. Нас приветствовали словацкие пионеры с цветами. Их руководитель произнес речь. Потом переводчик перевёл ее на русский, хотя почти все было и так понятно. Потом нас посадили в автобус и куда-то повезли. Оказалось, что привезли в райком комсомола. Рассадили за стол, всем налили слабенький чай. А мы стеснялись сказать, что хотели бы попасть в уборную. Началась торжественная часть. По очереди выступали молодые работники братиславского райкома комсомола, а потом речь каждого переводили на русский. А мы все уже исступленно мечтали о сортире. Наконец, торжественная часть кончилась, нас опять посадили в автобус и повезли, как нам сказали, в замок «Красный камень», где нас должны были разместить. Мы думали, что это близко, но оказалось, что замок этот в часе езды. Сейчас я просто не понимаю, почему никто не осмелился упомянуть туалет, я в том числе. Вот чувствовалось, что это неприемлемая тема. Я начала подозревать, что и эти долгие бессмысленные речи, и дальняя дорога, и ни малейшего намека на возможность посетить туалет — это форма пассивного сопротивления, что наши «хозяева» над нами издеваются, и радовалась их желанию хоть как-то выразить свой протест и презрение к нам.

Наконец, мы подъехали к этому замку, который стоял на высоком холме, заросшем деревьями. Тут появился представитель администрации и сообщил с извинениями,

что произошла небольшая авария, в замке сейчас нет воды и поэтому уборные не работают. Мы покорно разбрелись в разные стороны — мальчики налево, девочки направо — и, наконец, отдали дань природе. Потом нас провели в просторный подвал, где я впервые увидела двухэтажные металлические кровати с огромными теплыми перинами. Хотя стоял конец ноября, замок не отапливался, и в подвале было страшно холодно. Правда, в проходах между кроватями были две чугунные печки и ведра с углем, которым эти печки нам предложено было топить, но желающих не нашлось.

Предложено было спуститься в столовую, совершенно средневековое помещение со сводчатым потолком, где нас ожидал обед. Мы были уже очень голодны, но так устали, что тихо расселись за столами и стали ждать еды. Молодые красивые парни разносили тарелки с томатным супом, по половнику на человека. Хлеба не было. Потом принесли гуляш, несколько кусочков мяса с кнедиками. В полной тишине мы скушали поданное второе и продолжали тихо сидеть, а на вопрос руководителя «официантов», «А чего вы ждете?», все ответили, не сговариваясь, хором: «Компота». Но руководитель сказал: «За компот комитет комсомола не платил».

Мы покорно вернулись в свой каменный подвал, залезли под перины, согрелись и заснули.

Утром вода уже была, но совершенно ледяная. Несколько человек, я в том числе, умылись до пояса, впервые за три дня, и помню, что секретарь Маша мыться ледяной водой не собиралась и смотрела на нас с особым отвращением, инстинктивно чувствуя в нас, умывающихся, чуждую породу.

Удивительно, как несмотря на привычную осторожность, все сразу понимали, кто есть кто. При каждом проявлении непривычной любезности я повторяла вполне обычные советские шутки про иностранцев: «Ну, дикари! Что с них возьмешь, дикари, дети гор», за что кто-то доброжелательно и тоже шутя называл меня «контрой», а некоторые, среди которых, как мне кажется, был Виталий Дымарский из

французской редакции и секретарь Маша, просто отсекали меня, как будто меня не существует.

В общем, Братислава не произвела на меня особого впечатления. Нас очень опекали представители райкома комсомола, всюду мы ходили группой, и нас предупредили, что в Праге надо будет быть особенно осторожными и от группы никуда не отходить. И вот поезд подошел к вокзалу в Праге, мы вышли из вагона. И тут я расплакалась.

Я сразу поняла, что вот это — старинная Европа. Мне казалось, что я узнаю этот город, что этот мир истинно мой. По этим камням шли советские танки. Это был город, в котором сжег себя Ян Палах. Завоеванный город. По которому я буду ходить «в составе группы». Скрывать свои чувства. Знать, что никогда сюда не вернусь.

Нас отвели в гостиницу в самом центре. И предоставили самим себе! Очевидно, пражский комитет комсомола не был таким сознательным, как братиславский.

Уже стемнело, когда мы вышли на улицу. Несколько девчонок из нашей редакции. На стене одного из зданий мы увидели какой-то аппарат. Мы с подругой задержались, а две другие подошли поближе и с неописуемым восторгом увидели, что это автомат, в котором можно купить презервативы! Как громко они заржали, как, сгибаясь буквально пополам, чуть не катались от смеха! Я даже не ожидала от себя такой гадливости и такого стыда — за них, за себя, за то, что принадлежу этому вульгарному, тупому стаду. Нет, будь, что будет, но больше я с ними ходить никуда не буду. Все равно это мой последний раз за границей, в Праге, в центре Европы.

И действительно, такого острого ощущения настоящей старой Европы я никогда больше не испытывала: ни в Париже, ни в Лондоне, ни даже в Толедо. В эти страны я попала только спустя двадцать — двадцать пять лет. А Прага тогда, казалось, не изменилась за столетие: старые дома конца 19 или начала 20 века, не знавшие ремонта, но прекрасные в своей аутентичности, «живые», узкие улицы, плохое освещение. На цоколе нескольких домов я видела написанное мелом имя: Ян Палах.

Как-то в сумерки я возвращалась в гостиницу и встретила древнюю старуху, которая осторожно пробиралась по улице, держа в руке высокую кружку с пивом, которое она, видимо, купила в ближайшем кафе и несла к себе домой, к ужину.

В ту поездку люди на улице меня не принимали сразу за советскую, вероятно потому что я спрашивала дорогу по-английски, но я считала необходимым честно признаться, откуда я приехала. Ни разу я не столкнулась с враждебностью, между мной и собеседником сразу возникало понимание. Очевидно во мне было что-то, что позволяло и моим сослуживцам шутя называть меня «контрой».

В один из дней наша группа отправилась на квартиру, где проходила «знаменитая» Пражская конференция 1912 года. А я откололась и пошла по найденному в путеводителе адресу на древнее еврейское кладбище. Оно представляло собой ряды покосившихся, частично вросших в землю надгробий с высеченными на древнееврейском языке именами людей, умерших столетия назад. Рядом стояло сложенное из серых камней небольшое здание недействующей Староновой синагоги, построенной в 13 веке. Какой-то пожилой еврей ее охранял и пустил меня внутрь. Так первый раз в жизни я оказалась в помещении синагоги. Никогда больше ни в одной синагоге я не испытывала ничего подобного тому волнению и скорби, какие испытала в этом месте. Я ощущала незримое присутствие людей, в течение семисот лет, десятками поколений, молившихся в этом, сегодня пустом готическом каменном здании.

Потом, по совету сторожа, я пошла в другую, менее заброшенную синагогу, в которой была выставка старинного ритуального серебра. И глядя на подсвечники, курильницы, блюда, бокалы я не могла не думать о гибели последних владельцев этих предметов.

Пожалуй, это был самый значительный, запомнившийся мне день поездки.

Все остальные дни были отмечены каким-нибудь фарсовым событием. Накануне отъезда из Праги наш райкомовский сопровождающий сообщил, что он не возражает, если мы

все, под его руководством, пойдем в Люцерна холл, где показывают стриптиз. Это 1970 год! Пошли человек восемь, самых любознательных. Побывавшие там, как оказалось, раньше, посоветовали сесть поближе к сцене, «где лучше видно». Явились мы задолго до начала, чтобы занять рекомендуемые места. Когда официант предложил заказать вино, мы послушно заказали бутылку, которую целиком выпил наш руководитель. Все остальные были молоденькие девушки, делавшие вид усталых знатоков, которых ничем не удивить. Может быть, я сужу по себе. Смотрела я на все происходящее во все глаза, стараясь запомнить получше, чтобы рассказать потом друзьям в Москве. Это был первый и последний стриптиз, который я видела в жизни. Появились стриптизерши: немолодые, довольно полные дамы, изображавшие по очереди то гимназистку, то учительницу, то акробатов или актрис. Они деловито, привычно раздевались, прохаживались по сцене, а потом уходили за кулисы, а мы с усталым, скучающим видом хлопали. К этому времени в зале появились «настоящие» иностранцы: немцы и англичане. Они никакого вина не заказывали, и больше были заняты разговором между собой, чем представлением на сцене. На самом деле, все это мне казалось похожим на кабаре в Германии в годы нищеты и унижения после Версальского мира, о которых я читала в романах Ремарка.

Потом начались танцы, танцевал твист наш совершенно упившийся комсомольский вождь. Мы постарались быстренько уйти.

И последнее воспоминание. Один день мы провели в Брно. Там нас повезли на угольную шахту, спуститься вниз и посмотреть на труд шахтеров. Несколько человек, и я среди них, категорически отказались и остались в автобусе. Когда через час или два группа вернулась, оказалось, что одна из экскурсанток была беременна и в духоте и неудобстве подземной камеры потеряла сознание. Все стали бурно обсуждать происшедшее. Мне запомнилось, как секретарь комсомола Маша удивлялась такой чувствительности и сообщила, что она была беременна много раз и никогда

не испытывала никаких неудобств, тем более, что всегда своевременно делала аборт. Больше про Брно я ничего не запомнила.

В следующий раз я оказалась в Чехии в конце апреля 2001 года, на конференции славистов. Когда я спросила на площади имени Яна Палаха какого-то прохожего, по виду студента, кто это такой, Ян Палах, он пожал плечами и признался, что не знает. На Карловом мосту было не протолкнуться. Туристы, особенно много русских, заходили в магазины хрусталя, рассматривали ювелирные украшения из гранатов, фотографировали виды и друг друга на их фоне.

Пошла я в Староновую синагогу, о чем жалею до сих пор. Ее покрасили в розовый цвет. Открыли в ней музей. Вход на древнее кладбище и в музей сделали платным. Очередь растянулась на два квартала. Экскурсию вела тетка-экскурсовод. На кладбище были проложены дорожки, кажется, доски, и по ним непрерывной цепочкой шли экскурсанты.

Зато в городе открылось множество ресторанов, кафе, пивных и везде можно было заказать разнообразную и очень вкусную еду и выпивку, сравнительно недорого. Но главное, я стала на тридцать лет старше.

ДОЛГИЕ БОРОДЫ

Все родные моего мужа были геологами. Лучше всех я знала свою свекровь, Аду Евгеньевну Первухину, которая, разведясь с мужем, часто брала маленького сына в экспедиции, благодаря которым он побывал в разных экзотических местах, вроде Казахстана, Тувы или Монголии, о которых сохранил яркие воспоминания. Но и потом, выйдя на пенсию, Ада Евгеньевна всегда умела находить хорошие места для отдыха и обходиться очень скромными средствами.

Мы уже были женаты, когда я услышала от нее название деревни, куда она и какая-то ее знакомая ездили летом отдыхать. Деревня называлась Долгие Бороды. Через несколько лет я услышала это удивительное название от моей школьной еще подруги, Светы Привальской, которая снимала в этой деревне комнату для себя с сыном. Ее мальчику было пять лет, а у нас с мужем детей еще не было. Света очень хвалила красоту природы и добрый нрав жителей этой деревни, расположенной в глуши вологодских лесов. И вот мы решили с моей мамой поехать туда летом недели на две, с тем, чтобы потом к нам присоединился на несколько дней мой муж, тем более, что Света обещала снять для нас комнату.

От станции в Вологде до деревни можно было добраться только на попутной машине. Света нашла водителя с грузовиком, который встретил нас на станции. По дороге он рассказал, что недавно была гроза и весь район остался без электричества. В полной темноте он подвёз нас к избе, где нам сняли комнату. Хозяйка со свечкой в руке отворила на стук дверь, и мы вошли. Мгновенно я почувствовала, что меня сильно ударило в грудь: никогда в жизни я не попадала в такое тяжелое, острое зловоние. Не знаю, сколько кошек жило у этой хозяйки в доме, но они справляли свои нужды внутри в течение многих лет. Слева от входа был стол, на котором стояла кастрюлька с молоком, предназначенным для нас, но в этот момент лакаемый двумя кошками. Хозяйка прогнала кошек и указала на угол, в котором за занавеской

спали снявшие эту же комнату молодожены. Они с дороги устали и крепко спали, и мы могли не беспокоиться, что их потревожим, успокоила нас хозяйка. Она показала нам наши спальные места в этой же комнате. Мне достался матерчатый диван с мягкой спинкой, на котором обычно жили коты, а маме кровать рядом. В полной темноте мы легли. Громко отстукивали время ходики. Я старалась дышать ртом, потому что именно мой диван был основным источником вони. Спать было невозможно, утешало немножко только то, что мама воспринимала происходящее с юмором и тихо поддразнивала меня, напоминая мои мечты о покое и деревенской тишине. А я почему-то с ненавистью думала о писателе Солоухине.

Под утро я наконец забылась сном, но меня вскоре разбудил шум, как я подумала, какой-то сельскохозяйственной техники. Очевидно, работал грейдер.

Едва рассвело, но мы с мамой, не задерживаясь внутри, вышли на улицу. Впечатление было ошеломляющее. «Грейдер» оказался стаей гусей, неторопливо переходившей деревенскую улицу, громко разговаривая на гусином языке. Кроме гусей, на улице не было ни души. Воздух и так был прозрачен и сиял в солнечных лучах, а после зловонной избы им невозможно было надышаться. Невдалеке блестело озеро. Мы подошли к нему и умылись. Синева, золото, голубизна, зелень и мягкая пыль дороги. Нет, мы не уедем отсюда, надо просто найти другое жилье.

И мы пошли по улице, стучали в каждую избу, и спрашивали, не сдадут ли нам комнату. Никто ничего не сдавал. Наконец, какая-то женщина указала нам дом некоей Елены Кузьминичны, самый чистый в деревне, хозяйка которого нас может «пустить». Мы подошли к этому дому, постучали, навстречу нам вышла пожилая женщина. Она провела нас через сени и ввела в горницу. Мы с искренним энтузиазмом стали восхищаться ее чистотой. Особенно после предыдущего обиталища радовал чисто вымытый пол, белая покрывало на кровати с подзором, занавески. Русская беленая печь. Елена Кузьминична отнекивалась, говоря, что боится «не угодить»,

что нам, городским, не понравится скромность ее дома, но наши похвалы его чистоте и уюту, а особенно сравнение с запущенностью домов соседей, сломили ее сопротивление. Мы не договаривались о пансионе, просто Елена Кузьминична вставала затемно, ставило тесто из серой муки и к обеду пекла нам пироги с морковью, с кашей, варила щи. Каждый день томила в печке молоко. В сенях была даже уборная, чистая, с удобным сидением, но, конечно, без слива и запашок в сенях чувствовался. «Самый сытный дух», заметила как-то Елена Кузьминична.

Мы скоро разговорились и даже подружились. Она всю жизнь жила в Долгих Бородах, работала, как и почти все жители деревни, на «даче Жданова», но после его смерти руководство страны туда не ездило. Тем не менее, санаторий, как она называла это заведение, должен был быть всегда готов к приему высоких гостей. Так что селяне были при деле.

Она рассказывала, как они хорошо жили до коллективизации, какие большие были семьи. Да, с ней жила сестра, Зоя, которую мы никогда не видели. Зоя была больна шизофренией, людей избегала, но страшно ревновала сестру, и мы слышали, как она бубнила за стенкой, пилила бедную Елену Кузьминичну.

Мы вели блаженную жизнь в этих Долгих Бородах: ходили со Светкой и маленьким Митей по грибы и по ягоды, купались в чистейшем озере, а потом приехал Эрик, мой муж, и мы провели несколько дней ещё и с ним. Когда же мы собрались уезжать и стали расплачиваться с Еленой Кузьминичной, она наотрез отказалась брать у нас деньги. Это был тяжелый момент! В конце концов, мы, конечно, заставили ее принять плату и за жильё, и за кормежку, и договорились, что в следующем году приедем опять.

В Москве мы собрали для нее посылку с самыми желанными продуктами: селедкой, колбасой и пастилой. А через месяц получили посылочку от нее. Она обязательно должна была нас «отдарить». У меня до сих пор перед глазами содержимое ее посылки: маленькие луковички и чеснок с ее огорода и низочка сушёных грибов.

На следующий год мы опять поехали в Долгие Бороды и мне казалось, что лучшего места нет на земле. Наверно, это действительно замечательный край.

Теперь «Дача Жданова» стала правительственной резиденцией, общая площадь которой 930 га, в 1992 году были снесены находившийся рядом с ней пионерлагерь и пансионат, а население деревни Долгие Бороды в 2000 году составляло 17 человек.

ЛЕНА И ШУРА

В основном самиздат появлялся у нас благодаря моей маме. Она была модной модисткой, делала шляпы среди прочих и многим редакторам «Нового Мира». Так, однажды, милейшая редакторша забыла у нас в прихожей рукопись «Колымских рассказов». Когда она в ужасе наутро прибежала за ней, мы с мамой и Эриком, а также две моих надежных подруги, уже их прочитали. Не помню, от кого мы получили «Архипелаг». Это был февраль или март 1974 года, помню отчетливо, потому что была глубоко беременна. Позвонила тем же верным подругам, объяснять ничего не надо было. Просто, когда тебе звонят и ни с того, ни с сего приглашают в гости: «Приходи сегодня, мама пирог испекла», то вопросов не задают, а берут такси и приезжают. Все три тома были отпечатаны на тончайшей папиросной бумаге. Дали на очень короткий срок. Вот так мы и просидели всю ночь, совершенно молча, передавая по цепочке друг другу прочитанную страницу.

Через близких друзей мы получали «Вестник русского студенческого христианского движения», читали рукописи Миколы Руденко, Петра Григоренко, «Социализм» Шафаревича.

Для нас эпоха перепечатанных на папиросной бумаге текстов, часто настолько слепых, что приходилось подкладывать чистый лист, чтобы разобрать слова, началась к концу шестидесятых. Основную роль в нашем, да и не только нашем просвещении, сыграли две сестры, историю которых, в тех небольших отрывках, которые мне стали известны, я и хочу рассказать. Елена Моисеевна Ауслендер жила вместе со своей сестрой, Александрой Моисеевной, на улице Горького в одном доме, но в разных отдельных однокомнатных квартирах, там, где тогда был магазин «Грузия», между Маяковкой и Белорусским вокзалом. Я не могу себя заставить употреблять сегодняшние названия улиц, переименованных в порыве «антисоветского» иконоборчества в якобы восстановимые топонимы России дореволюционной.

Муж Елены Моисеевны был расстрелян, в лагере погиб и муж ее сестры Шуры. Я даже не уверена, была ли фамилия Ауслендер их девичьей фамилией, или это была фамилия Елены по мужу. Знаю, что он был литературным критиком и писателем. С каким бы отвращением мы все ни относились к советской власти, наше пассивное неприятие не шло ни в какое сравнение с активной лютой ненавистью, которая переполняла Елену.

Жизнь этой семьи была устроена следующим образом. Елена, врач-хирург, работала в больнице. Помню поразивший меня рассказ о том, как во время войны она не отходила от операционного стола сутками, но проходя по коридору, слышала, что солдаты называют ее жидовкой и рассказывают, как евреи воюют в Ташкенте.

Все свободное время она посвящала переводу запрещенной в СССР литературы с английского, французского и немецкого. Родом из богатой и культурной одесской семьи, Елена успела окончить до революции гимназию, и переводила с листа без словаря. Во время ночных дежурств в больнице, когда все спали и можно было не бояться постороннего глаза, она переводила Уриса и Оруэлла, Ионеско и Мальро, иногда просто беллетристику, но главным образом она и Шура перепечатывали русские самиздатские тексты. Шура была младшей, работала где-то не то экономистом, не то бухгалтером, и вела все их хозяйство. Мою маму поражало, как это Елена Моисеевна может быть хирургом, если она «не умеет пуговицы пришить!» Она ничего не делала по дому, не любила и не умела готовить, но хирургом была, видимо, неплохим. Несмотря на пенсионный возраст, она продолжала служить в больнице, и ее ценили.

У сестер был довольно широкий круг знакомств, в основном родственники репрессированных и посмертно реабилитированных литераторов. Шура была мягкая, сдержанная, всегда держалась на заднем плане. Елена же Моисеевна была крайне резкой, категоричной, избалованной. Мне ее прямые манеры и неличеприятные суждения импонировали. Из дам, появившихся на их кухне, помню

редактора Елену Миропольскую, потом вдову литературоведа и критика — «перевальца» Абрама Лежнева, расстрелянного в 1938 году, полуслепую Фраду Беспалову, отсидевшую четырнадцать лет за мужа, Ивана Беспалова, тоже расстрелянного. Только что, проверяя написание имени Фрада, я прочла воспоминания о ней Яны Голдовской, из которых узнала, что внук вывез 82-летнюю Фраду Беспалову в Америку. Интернет...

Шура уходила к себе в квартиру, находившуюся в том же подъезде, только спать. Вдовы сидели обычно в уютной, довольно просторной кухне. С ними дружила Надежда Васильевна Бухарина, близкая подруга тещи Солженицына, к тому времени ставшая помощницей в семье писателя. Это было время прямо-таки обожествления Солженицына, конец шестидесятых. Передавали рассказ о ее первой встрече с Солженицыным: « Он поздоровался и очень пристально, в самую душу проникая взглядом, посмотрел ей в глаза. И сразу ей поверил. Она стала своим человеком в семье». Тогда мы житийного характера в этом рассказе не замечали.

Когда на смену Хрущеву пришел менее импульсивный Брежнев, Солженицын впал в немилость. Романы его не печатали, поэтому « В круге первом», а потом «Раковый корпус» мы прочли в шестьдесят седьмом и шестьдесят восьмом году перепечатанными на машинке. Вскоре они были напечатаны на Западе и стали довольно широко распространяться в узких кругах.

Благодаря Лене и Шуре Ауслендер, как называли сестер у нас дома, мы тогда прочитали множество текстов на разные темы, но чаще всего это были истории прозрения, развенчания коммунистических идеалов, истории коллективизации, армянского геноцида, украинского голодомора (не уверена, в чем переводе была книга Конквиста). Потом мы узнавали, что многие авторы этих текстов оказывались в тюрьмах и лагерях.

Личная история Елены Моисеевны и Александры Моисеевны кончилась неожиданно и трагично. Весной 1968 года у более молодой и, как казалось, более крепкой Шуры обнаружили рак легких. Ее положили в больницу и, благодаря

связям Лены, ей дали отдельную, правда, крошечную палату, и разрешили Лене с ней быть и за ней ухаживать. Больница была возле какого-то вокзала (кажется, Курского), и окна выходили на железнодорожные пути. И тут кто-то из них вспомнил, что некогда гадалка нагадала Шуре, что она погибнет под поездом. Весна и лето 1968 года были и в мире, и в нашей семье весьма драматичными. Лето в Москве выдалось очень жаркое. Все лето Лена, избалованная барыня, «не вымывшая за собой чашки», провела возле кровати умирающей сестры, спала на полу. С работы она ушла. Ездила домой приготовить себе и умирающей какую-нибудь еду и возвращалась на дежурство. Теперь я думаю, что августовские события (ввод Советских танков в Чехословакию) сыграли свою роль в ее дальнейших поступках, но тогда я об этом не подумала. В сентябре Шура умерла. Меня не было в Москве, поэтому я не могла быть на похоронах. Но мама мне рассказывала, как «странно» Лена себя вела. Она не плакала. Была очень раздражена. Ходила около гроба и с остервенением вытаскивала из букетов и венков красные гвоздики, которые многие принесли, топтала их и выбрасывала. Всем говорила, что теперь она покончит с собой, потому что без Шуры ей ничего не интересно. Она так много и долго об этом говорила, что ей мало верили.

Вернувшись, я сразу же пошла к ней. Это был уже октябрь. На кухне сидели несколько знакомых дам. Все ее уговаривали перетерпеть, рисовали перед ней привлекательные картины ожидающего ее будущего: отличная квартира, материальное благополучие, много прекрасных любящих друзей, спектакли, кинофестивали, выставки — все, что она так любила. А Лена сидела перед горой фотографий, рассматривала каждую, и рвала ее, приговаривая: «Никому это не нужно, некому на них смотреть». Я тайком стянула одну крошечную фотографию, на которой она, в гимназическом платье с пелеринкой, неописуемо прелестная, большеглазая, с толстенной косой, стоит на балконе, повернувшись чуть боком. Мне казалось, что я сунула ее в пакет с другими фотографиями, которые мне передали друзья потом (в 79 году фотографии нам не разрешали вывозить), но эта единственная тоже пропала. На

все доводы Лена отвечала: «Без Шуры мне тут нечего делать».

Я к тому времени потеряла работу. В Колмогоровском интернате я преподавала английский, но сочла возможным опоздать на две недели к началу занятий. Сейчас такое отношение к работе кажется мне немыслимым!

Увольнение меня не огорчило. В эти же дни я узнала, что у моего отца рак, и стало ясно, что надо искать настоящую работу, а не ту временную, какой была работа в 18 спецшколе. Все знакомые пытались мне протезировать, но, как сказал Миропольской директор Литературного музея, где она раньше работала, увидев мою анкету и послав ей ее обратно по полированному директорскому столу: «Больше мне таких анкет не приносите!» Узнав об этом, Елена Моисеевна сказала Миропольской, работавшей в издательстве «Прогресс»: «Устройте Наташу на работу, и я вам оставлю» — тут я не помню, не то весь самиздат, не то какое-то наследство. Конечно не благодаря этим посулам, а просто по стечению обстоятельств, Миропольской удалось меня представить заведующей английской редакцией Мамедовой, только что вступившей в должность, и она меня взяла. Об этом я и рассказала отцу вечером в больнице накануне его смерти.

Елены Моисеевны на свете уже не было.

В первых числах ноября ее разговоры о самоубийстве уже казались пустой привычкой. Но она объяснила: «Что я, идиотка, лежать в морге четыре дня, пока идут праздники?» В тот год Ноябрьские примыкали к субботе и воскресенью. Десятого ноября она еще требовала в Елисеевском поменять ей ветчину на менее жирный кусок. А одиннадцатого отравилась. Врач, она знала точную дозу.

ЛИМОНОВ

О Лимонове я услышала от наших близких друзей, Салнитов, в самом начале семидесятых. Надо сказать немного и о семье Саши Салнита и Наташи Бородиной, наших тогдашних соседей по дому, с которыми мы были очень близки и очень их любили. И не только мы. В их крошечной комнатке в коммунальной квартире в доме Нирнзее, в Большом Гнездниковском, почти всегда были гости. Кто-то забегал на полчаса, кто-то сидел весь вечер. Гостеприимство и широта хозяев были уникальны даже в те годы, когда все люди этого круга были одинаково бедны и одинаково щедры. У них бывали и будущие знаменитости: Лия Ахеджакова, Евгений Бачурин, Борис Кочишвили, Вагрич Бахчанян. Приходили школьные друзья, заходили соседи. Нередко бывал и Лимонов, только начинавший завоевывать Москву. Шитье брюк вызывало к нему уважение, торговля собственными стихами — отталкивание. Друзья рассказывали о его жене, еврейке, много старше его, с которой он расстался в Харькове. Она была художницей, покорила Эдика безоглядной щедростью и «достоевщиной». Кому-то понравилось её кольцо, она немедленно сняла его с пальца и отдала похвалившему. Такие жесты в наше время ценились высоко! Отражение ее романтического поступка падало и на Лимонова.

Через некоторое время рассказали о новом романе Эдика.

Нам он заранее нравился после рассказа о том, как Лимонов в пустой квартире Салнитов, ожидая подругу, тогда еще чужую жену Лену, вымыл полы, идеально все убрал и везде поставил цветы в ожидании любовного свидания. А она в тот раз не пришла. Еще через некоторое время я познакомилась с этой парой лично. Был день рождения хозяина дома, за столом собрались друзья. Лимонова, после всего слышанного, я рассматривала с любопытством. Растинька московской богемы оказался застенчивым юношей в модных круглых очёчках, делавших его похожим на известные портреты Грибоедова, и, одновременно, Чернышевского. Он чем-то

отличался от остальных гостей, был зажат, казался смущённым, держался робко и, одновременно, «сам по себе». После того, как скромное угощение было уничтожено (салат свекольный, салат морковный, картошка отварная, селедка) стали нести всякие байки, часто придуманные на ходу. Кое-какие я узнала потом в тексте его американской повести «Этот я, Эдичка».

Я теперь уже не помню, в этот ли раз появилась Елена Шапова или потом. Эдик при ней был совсем другим. Он с восторгом рассказывал, как они с Еленой ездили на пароходе в какое-то путешествие по реке, как шикарно проводили время, пили шампанское, падали с полки, занимаясь любовью, и воскликнул, поэтически подведя итог рассказу: «Елена, кружева и пена!» Этот фарцовочный восторг произвёл на меня жалкое впечатление. Было очевидно, что у этой пары общее представление о счастье, как о пути наверх, на сияющие высоты красивой жизни, славы и успеха. Когда мы вышли, я пыталась сформулировать своё впечатление от этого знакомства и хорошо запомнила свои слова о том, что мне показалось тогда в Лимонове:

«Это человек, который принадлежит к другой породе животных. Абсолютная чуждость. Я чувствую в нем какое-то враждебное, неприятное начало». Конечно, никто тогда и подумать не мог о его будущей политической карьере, но было очевидно, что это человек огромного самолюбия, но чем-то уязвлённый.

В те годы тема отъезда обсуждалась на многих московских кухнях, заговорил об эмиграции и Лимонов. Они с Еленой обсуждали пути отъезда. Но тут вскоре его вызвали в КГБ. Своими впечатлениями от встречи с тружениками Лубянки Эдик поделился. Знакомство с сотрудниками Комитета Государственной Безопасности перевернуло представления Лимонова об организации, к которой было принято относиться, мягко говоря, с отчуждением. Во время этого собеседования он понял, насколько серьёзно там относятся к нему и его поэзии. Этот разговор помог ему осознать, что нигде в мире поэт не пользуется таким авторитетом у власти,

как в Советском Союзе. Говорившие с ним сотрудники удивили его своим интеллектуальным уровнем, любовью к отечественной культуре и, главное, уважительным к нему, Лимонову, отношением. Он понял, по его словам, что чувство чести не позволяет ему покинуть Россию, единственное место на земле, где слово поэта имеет подлинный вес.

Несмотря на эти гордые слова, очень скоро Эдик и Щапова все-таки уехали в Америку. В те годы выехать из страны советский человек мог только по программе еврейских «беженцев». Если от него очень хотели отделаться, в почтовом ящике оказывалось приглашение из Израиля. По какой программе Елена и Эдик въехали в Штаты, я не знаю.

Прошло еще несколько лет. И вот, все в том же доме, сами уже «сидя в подаче», читаем повесть Лимонова «Это я, Эдичка», только что изданную в Париже по инициативе нашего друга Саши Сумеркина. Я давно этой книги не перечитывала, но помню, что она мне сразу понравилась. «Я сижу голый и жру кислые щи на балконе». Все остальное, им написанное, не имело такой страсти, такой яркой картинности, подлинности голоса.

Мне кажется, что последующее в биографии Лимонова было предсказано в этой книге. Он с силой подлинного таланта раскрыл личность своего героя, те его черты, которые проявились в характере автора в течение всей его остальной жизни. Тут и зависть к любому чужому успеху, ненависть к чужому благополучию, жажда славы, неблагодарность, восхищение силой, умение работать, легкое перо, выносливость, презрение ко всему негероическому, но прежде всего зависть к высшему, будь это поэтический гений или историческое величие.

Я не могу утверждать, что Лимонов был буквально завербован Лубянкой, как некоторые предполагают сегодня. Но он был создан из того же человеческого материала, который образовывал ее кадры.

ПОЗНЕР

Я видела Познера один раз. Это было в 1967 году. Я была на предпоследнем курсе университета, на английском отделении, и понимала, что мне необходима разговорная практика, которой у меня никогда не было. Я попыталась устроиться на подготовительные курсы переводчиков при Интуристе, помещение которого тогда располагалось в соседнем с филологическим факультетом здании на проспекте Маркса. Нас, студентов, было человек 80. Всех собрали в зале Интуриста, и с нами провел беседу молодой представитель этой организации. Впечатление было сильным. Элегантный, с хорошей, неформальной речью и свободными манерами, Владимир Познер рассказывал о том, как себя держать, какие достопримечательности обычно интересуют иностранцев, какие вопросы они задают. Я ничего не знала о нем, но его естественное поведение, свободные манеры производили очаровательное впечатление. Чувствовалось, что это человек из другого мира. А потом он произнес нечто неслыханное: «Вас спросят», сказал он самым естественным тоном, «есть ли в СССР антисемитизм». Зал замер. Слово, которое он произнес, было табу. А Познер продолжал самым задушевным, раздумчивым тоном: «И вы должны признать, что антисемитизм это застарелая болезнь Российской Империи. И на бытовом уровне он еще, к сожалению, встречается нередко. Но на государственном уровне его не существует». «Ах ты, сволочь!» — подумала я. «Вот это профессионал! Вот это настоящий враг, не то, что эти казенные чинуши, не способные связать двух слов, у которых на мордах написано, чем их предки занимались до семнадцатого года и чем после.»

Второй раз я услышала по радио интервью с ним уже после десяти лет жизни в Америке. Я вошла в комнату, когда интервью уже шло, и я не знала, кто это говорит. Но я сразу обратила внимание, что человек этот говорит на безукоризненном, лишенном всякого акцента американском английском, но по содержанию это была рафинированная советская пропаганда.

«Неужели Познер?»- подумала я. И к своему удовлетворению через несколько минут получила подтверждение.

А вот почему меня не приняли на курсы переводчиков, эта история может показаться невероятной. Не помню, в этот же день, или вскоре после, я пришла на собеседование. До сих пор с благодарностью вспоминаю даму, которая его проводила. Чудо, что она не сообщила на факультет о моей политической подготовке. Надо сказать, что в те годы я не интересовалась политикой тотально. То есть я так ненавидела всю советскую систему, что ни история, которую преподавали в школе, меня не интересовала, ни газетная информация для меня не существовала. Видимо, эта сотрудница не была фанатиком и вполне была готова свести собеседование к самому формальному поверхностному опросу. И она задала мне, казалось бы, простейший вопрос: «Кто у нас Генеральный Секретарь КПСС, и кто Председатель Совета Министров?» Я, конечно, знала, что у нас две гадины наверху, и была почему-то уверена, что тот, который потоньше и в очках, должен заниматься идеологией, то есть секретарь Косыгин, а кто потолще с морды, тот в Совете Министров, и это Брежнев. Так я и ответила, ну, без объяснения своей логики, конечно. У дамы отпала челюсть. «На каком курсе вы учиться? Как это возможно, чтобы студентка Московского Университета не знала таких вещей?!» Я пришла в ужас. Сразу поняла, что меня теперь легко попрут из Университета. И я стала лепетать, что тяжело и долго болела, лежала в больнице (это была правда, только происходило три года назад), что я должна была много догонять из пропущенных занятий. Словом, несла совершенную чушь. Слава Богу, она только головой качала и смотрела на меня со смесью удивления и брезгливости, но отпустила с миром. Велела только больше не мечтать об Интуристе. Я и не мечтала. А произношение в английском у меня так и осталось плохое.

МОИ ПЕРВЫЕ КНИЖКИ

Очень стимулирует воспоминания Фейсбук. Кажется, сто лет о чём-то и не вспоминал, а тут прочитаешь про других, и сразу хочется рассказать и о себе. Что ели, где бывали, с кем дружили. Но особенно хочется говорить про книжки. Как ты начал читать? Какие книги оказали на тебя самое большое влияние? Что издавалось в твоём детстве? Как менялись вкусы? Какую книгу или какого автора ты бы взял с собой на необитаемый остров? Что должен прочесть каждый на русском языке? А в переводе?

С годами я пришла к двум основным выводам, касающимся именно моего поколения: не имеет значения, что читаешь в детстве, нужными могут оказаться книги, которых никто и не помнит через тридцать лет. А всепоглощающая любовь к чтению похожа на наркоманию. Ради того, чтобы читать как можно больше, люди рискуют здоровьем, сидя в помещении и избегая выходить на свежий воздух, выбирают низкооплачиваемую профессию,

Я не из тех способных детей, которые сами научились читать в четыре года, и специально читать меня не учили, предпочитая со мной разговаривать и мне рассказывать. А бабушка вообще считала, что «ребёнок должен учиться читать в первом классе со всеми детьми». Не помню, чтобы я читала запоем до девяти лет, но книжки у меня были, и я их прекрасно помню. Очень любила стихотворение «Жили в квартире сорок четыре сорок четыре весёлых чижа». Самой прекрасной книжкой были сказки Перро. Во-первых, там были старинные иллюстрации, на этих картинках герои были одеты в роскошные платья, так не похожие на современную одежду. Любимой сказкой стала «Рике-хохолок». Вернее, названия я не запомнила, но мне даже снилась подземная кухня, в которой я, как мне казалось, когда-то была. Мне тогда было всего четыре года. Много лет потом я вспоминала эту сказку, не зная ее названия. Очевидно, уже в этом возрасте складывается личность.

Потом, уже постарше, моей любимой сказкой стал «Аленький цветочек».

Мне уже было лет шесть, когда бабушка сказала мне, что написала на радио, чтобы передали «Аленький цветочек» в программе «по просьбе слушателей». Однажды я пришла домой, когда сказка уже началась, и бабушка сказала, что только что объявили, что это по моей просьбе! Хочется верить, что так и было.

Бабушка мне очень много рассказывала и читала. Про немца Карла Ивановича из «Детства» Толстого, и про французского учителя молодого Петра Андреевича из «Капитанской дочки», и про первые воспоминания Багрова внука я в пять лет узнала от нее.

А потом были книжки, которые я читала уже сама. Это год пятьдесят второй. В одной рассказывалось, как маленькие дети, преодолевая все препятствия, с трудом, втайне, пробираются из опасной Южной Кореи в свободную Северную. Потом была чудная книжка о брате с сестрой, которые жили в мусорном контейнере в Нью-Йорке. Они были очень бедны, родителей у них не было (не помню, почему), но они любили друг друга и заботились друг о друге. И вот однажды в порт пришёл Советский корабль. Дети каким-то образом оказались в порту, советские моряки взяли их на корабль, накормили вкусным борщом, все показали и рассказали, как там устроено, а на прощание дали шоколадку и младшей сестрёнке красную ленточку в волосы. Но когда на другой день дети пришли в порт, они увидели, что советского корабля там уже нет. Прошло какое-то время. Наступила холодная осень. Девочка простудилась, и, недолго промучившись в ледяном металлическом убежище, умерла. И только красная ленточка в ее волосах трепетала под порывами холодного ветра. Ну чему плохому может научить такая грустная и добрая история?

А потом была целая серия замечательных книг: «Мальчик из Уржума», «Повесть о Зое и Шуре», «Дом на горе», «Дом в Цибикнуре», «Белеет парус одинокий», «Сын полка»,

«Открытие мира», «Витя Малеев в школе и дома», «Васёк Трубачёв и его товарищи». Все эти книжки были о детях, моих ровесниках, и не имели никакого отношения к другим, тоже любимым, но совершенно другим книгам, которые я бесконечно перечитывала: «Повести Белкина», «Капитанская дочка», «Детские годы Багрова внука». Надо признаться, что, кроме названий, из первого списка я не помню содержания ни одной, кроме нескольких незабываемых фраз. Из книги Смирнова «Открытие мира»: «Мамк, я повою, а? Мамк, а повою?» — «Ну вой, вой, чтоб тебя разорвало!» И еще новое слово «гонобобель». Из «Белеет парус одинокий»: «Я пить хочу». — «Перехочется, перетерпится». В моем детстве книг издавалось немного, дети часто читали все, что появлялось в «Детгизе».

На день рождения в десять лет мне подарили толстую взрослую книгу «Драматические произведения» Шиллера. Пьесы «Коварство и любовь» и «Разбойники» потрясли меня так же, как и тысячи моих предшественников в девятнадцатом веке. Одновременно я стала читать однотомник Некрасова, стихи, которые запоминались сами собой: «Вот парадный подъезд. По торжественным дням, одержимый холопским недугом, целый город с каким-то испугом подъезжает к заветным дверям», «Покоен, прочен и легок на диво слаженный возок; сам граф-отец не раз, не два его попробовал сперва», «Выспится Саша, поднимется рано, черные косы завяжет у стана и убежит, и в просторе полей сладко и вольно так дышится ей», «Что ты жадно глядишь на дорогу в стороне от весёлых подруг, звать забило сердечко тревогу, все лицо твое вспыхнуло вдруг» — это пела бабушка, но меня больше волновали другие строки: «Завязавши под мышки передник, перетянешь уродливо грудь, будет бить тебя муж-привередник и свекровь в три погибели гнуть». Некрасова я, как полагается советскому школьнику, потом так невзлюбила, что не взяла с собой в эмиграцию полное собрание его сочинений. Впрочем, после восьмого класса, когда мы «проходили» «Евгения Онегина» и «Дубровского», и за все годы учебы на филологическом факультете я не открывала и Пушкина.

Лет в двенадцать я нашла замечательный способ проводить время среди книг. Дома я говорила, что иду гулять с подружкой на Тверской бульвар, «дышать свежим воздухом», или, зимой, на Патриаршие Пруды кататься на коньках. Иногда я действительно так и поступала. Но чаще я бежала в школьную библиотеку, где меня уже знали и доверяли клеить кармашки на новые поступления. Я забиралась на лестницу к верхней полке, вынимала новые книги, и, приклеив бумажный кармашек желтым густым клеем, пахнувшим смолой, прочитывала книжку первой!

Интересно, что многие книги, оказавшие на меня в юности сильное влияние, теперь вызывают у меня недоумение и скуку. Примерами фашистских злодейств, описанных в «Молодой гвардии», я тщетно пыталась опровергнуть крепкую веру, которой твердо придерживалась Зоя, наша домработница-баптистка, сбежавшая в город с торфоразработок. Вообще домработницы у нас менялись часто, потому что проработав кто год, кто полтора, они выходили замуж. Замуж они выходили за солдат военной части, куда мы звонили вечерами, когда моих родителей не было дома. Я принимала некоторое участие в процессе налаживания контактов: звонили по очереди, меняя голос, а потом бросали трубку. И так по многу раз. Последняя, Клава, жила у нас довольно долго. Она была самая симпатичная, с длинными каштановыми косами, уложенными «корзиночкой». К ней приходил жених, Юра, они сидели в комнате на тахте и держались за руки. Домработницы спали на сундуке в коридоре. Когда в квартиру въехали Бабичевы, году в 1956, сундук из коридора выбросили. Эпоха домработниц к тому времени кончилась.

И наоборот, то, что я не любила, перечитанное в старости, вдруг оказалось нужным и интересным, например Тургенев, Герцен, даже Писарев!

В юности я читала собрания сочинений целиком. Особенно во время многочисленных простуд. Так я прочла сразу всего зелёньего Тургенева, вечерами, когда родители уходили в гости или театр, довоенное ещё собрание сочинений Мопас-

сана. Даже прожала многотомного Стендаля. Лескова я читала и перечитывала все детство и до сих пор думаю, что русский у тех, кто читал все его романы и рассказы, сильно отличается от языка читавших только про Левшу.

В 15 лет я прочитала все тридцать томов Горького и была очень им увлечена. Очевидно, революционный романтизм рассчитан именно на юношеское воображение, жажду подвига и страх прожить жизнь, «как черви слепые живут, ни сказок о вас не расскажут, ни песен о вас не споют». Помню пережитое отчаяние, когда в пятнадцать лет я поняла, что достигла возраста героя «Пятнадцатилетнего капитана», и для славы так ничего и не сделано, а зрелость, и за ней старость, — наступила. «Жизнь Клима Самгина», богоискательство, повесть «Трое», «Старуха Изергиль», «По Руси» — все это составляло мое чтение в девятом классе. И тогда уже я понимала, что брести пешком по России, о чем я читала с упоением, мне не суждено. Видела себя со стороны, московскую еврейку в очках, одну, бредущую по летнему тракту где-нибудь на Кубани!

Когда через много лет я работала корректором в редакции учебников русского языка для иностранцев и по несколько раз читала упражнения, в которых были предложения из русских и советских классиков, я пришла к выводу, что худшего стиля, чем Горький, русская проза не знала. А лучшие — Пушкин, Чехов и Аркадий Гайдар.

В те же 15 лет я пришла в восторг от стихов раннего Маяковского, о котором мой отец отзывался холодно, цитируя, как я узнала позже, Троцкого: «громыхание над пустотой». После 1956 года стали появляться сборники стихов тех поэтов, имена которых в школе никогда не упоминались: Борис Слуцкий, Николай Заболоцкий, Вадим Шефнер. Обглоданные цензурой, небольшие тиражи тоненьких книжечек их стихов раскупались мгновенно. К этому времени у меня, наконец, появилась в классе подруга, которая тоже любила стихи. И с ней мы, уже учась в вечерней школе, накручивали круги по заснеженным арбатским переулкам и читали наизусть Есенина, Бунина, пересказывали друг другу про-

читанное. Очень детально она пересказала замечательную дореволюционную книгу «Техника брака».

После окончания школы я сразу в университет не поступила, продолжала зарабатывать стаж. И вот, однажды, Наташка сообщила мне, что завтра, в книжном на Арбате «выбросят» Сашу Черного. Сашу Черного часто цитировал папа («малютка ставит кошке клизму»), и я поняла, что эти книгу я должна купить. У закрытых еще дверей магазина я была в очереди первой. Это была моя самостоятельная взрослая покупка. Стоит у меня на полке тут, в Америке, синенький томик «Библиотеки поэта» издания 1960 года.

Незабываемое счастье я испытала позже, когда, проходя по Кузнецкому, купила билет книжной лотереи и тут же, раскрыв его, увидела, что выиграла полное собрание сочинений Александра Грина. Возбуждение, меня охватившее, было так велико, что я сразу поняла опасность ожидавшего меня риска. Схватив серенький шеститомник, я понесла его домой. И никогда больше не купила ни одного лотерейного билета.

БИБЛИОТЕКИ

Настоящие книжники любят владеть книгами, часто их коллекционируют, а библиотеками пользуются только, если нужную книгу не могут достать. Я библиотеки всегда очень любила, и с ними у меня связаны и радостные, и печальные воспоминания. Кроме школьной, я лет с десяти ходила в детскую библиотеку. Дорога туда из Собиновского переулка через улицу Станиславского, Большой и Малый Гнездниковские, проходной двор на Тверской бульвар, через Палашовский и Южинский переулки в Трехпрудный была приятнейшей частью похода в библиотеку. Запомнились только летние дни и зелень бульвара.

Я тогда выработала простой принцип выбора книг: чем книга толще и зачитаннее, тем, значит, интереснее! Какое-то время мне попадались книги о русских художниках, очень понравилась книжка о художнике Федотове. Остальных не помню.

Большим разочарованием стал отказ Некрасовской библиотеки, мимо которой я проходила, принять меня до получения паспорта. Меня в Некрасовке на Большой Бронной особенно очаровало само здание, цоколь которого был облицован зелёными блестящими изразцами. Я вернулась туда через несколько лет, и с этой библиотекой у меня связаны воспоминания младших курсов. Там я прочитала «Энеиду» Вергилия, «Старшую Эдду» (а может и «Младшую?»), «Песнь о Сиде», «Песнь о Роланде» и множество других книг к экзамену по Европейской средневековой литературе, который читал у нас легендарный К. Цуринов. За экзамен я получила тройку, но рада была и ей, так как непосредственно перед экзаменом выпила с моим будущим мужем Эриком бутылку вина «Узбекистон» и была не совсем тверда в ответах.

А еще, узнав заранее от Саши Сумеркина, с которым мы уже подружились, объединённые любовью к Цветаевой, что в ноябрьском номере «Нового Мира» будет опубликована «потрясающая» вещь какого-то автора с необычной фамилией

Солженицын, я несколько дней ходила в библиотеку, пока номер не был получен. Библиотекарь еще не знала, какую бомбу она держит в руках, когда наклеивала на внутреннюю сторону обложки бумажный кармашек, перед тем, как передать мне, первому читателю журнала, ноябрьский номер за 1962 год. Помню даже место в зале, где я сидела, жадно читая текст, написанный совершенно новым для советского читателя языком.

Возвращаясь на несколько лет назад. Записалась я в детский зал Ленинской библиотеки. Туда было и ходить далеко, и обстановка там была противная. Школа, пионерская организация, комсомол, Ленинская библиотека — всё в них оставляло чувство унижения. Однажды я попросила в детском отделе стихи Киплинга, и реакция библиотекари меня испугала. «Это почему тебе понадобился Киплинг?! — возмутилась она. — Откуда ты знаешь, что он писал стихи?» Киплинга мне не дали, к тому же стали внимательно следить за тем, что я читаю.

Наконец, мне удалось записаться в Общий зал «Ленинки». Сначала я ходила только в читальный зал, где готовилась к поступлению в МГУ, а потом стала бывать и в знаменитой курилке, в которой шло интенсивное знакомство молодых диссидентствующих читателей конца 50х-начала 60х годов.

В первую зиму до поступления в университет я проводила там все вечера, читая хрестоматию Гудзия по русской литературе древних веков, а потом все доступные материалы по «Слову о полку Игореве» и сборники по фольклору. Потом перешла к «Аввакуму», а там Ломоносов, Сумароков, Радищев, Державин, Фонвизин, Карамзин! Словом, до Пушкина я не дошла и на экзамен явилась, не перечитавши ничего из 19 века, читанного раньше.

Я ни с кем не знакомилась, пока однажды, где-то в мае, какой-то юноша принес живую черепаху и пустил ее гулять по длинному библиотечному столу. Тут я, конечно, забыла о девичьей гордости, и потянулась за черепахой. Знакомство с ее владельцем последовало. Он был так невероятно красив, светловолосый, с серо-синими глазами на смуглом лице,

что сама его ослепительная красота исключала для меня возможность близкого знакомства. Может быть поэтому, Серёжа Чудаков, а это был он, оставил во мне ощущение чего-то опасного, порочного.

Сергей привел меня в курилку, где ошивалась менее яркая компания мальчишек, через которую я познакомилась сначала с «гениальным поэтом» Юрой Виленским, а потом с его одноклассником, «гениальным художником» Эриком Первухиным, за которого потом вышла замуж. Почти все молодые люди, которым тогда было лет по семнадцать, в этом кругу считались гениями.

Чудаков, конечно, не подозревал о своей косвенной роли в нашем знакомстве, но я вскоре узнала его стихи, тогда очень известные: «Пушкина играли на рояле Пушкина убили на дуэли Попросив тарелочку морошки Он скончался возле книжной полки В ледяной воде из мёрзлых комьев Похоронен Пушкин незабвенный». До последнего времени я ничего не знала о его жизни и посмертной славе в узких кругах: стихи он писал недолго, но они незабываемы.

Мало осталось тех, кто помнит «Разинку». Так мы, студенты филфака называли библиотеку иностранной литературы на улице имени Степана Разина, бывшую Варварку. Это было древнее здание, в котором читальные залы, каждый размером с небольшую комнату, делились по языкам. Я больше всего любила кабинет языков Азии, Африки и Латинской Америки. Других посетителей там чаще вообще не было, а окно выходило на стройку будущей гостиницы Россия, для чего освобождали строительную площадку, разрушая все вокруг, кроме старинной церкви, стоявшей прямо возле библиотеки. Почему-то запомнился наш девичий восторг, когда именно там вдруг родился у меня каламбур «Маразм Роттердамский» и «маразм крепчал». Мы тогда не подозревали, что у этого «нового» каламбура долгая история и богатое будущее.

Еще я, выпускница английской кафедры МГУ, столкнулась в подвальном гардеробе с какой-то иностранкой. Она обратилась ко мне на английском языке, ей нужна была «двушка» (двухкопеечная монетка) позвонить по телефону-

автомату. От неожиданности и волнения, впервые услышав натуральный английский не в учебной среде, я вспыхнула, сердце заколотилось, я ужаснулась тому, что не поняла ее сразу, и навсегда запомнила этот позорный эпизод.

Вскоре открылась новая Библиотека иностранной литературы на Таганке. Туда устроилось много моих друзей и знакомых, но «инвалидов пятой группы» я там не помню. Счастливых половинок с правильной пятой графой в паспорте было много.

Будучи по природе консерватором, я с грустью расставалась с привычной «Разинкой», но удобство и даже роскошь новой библиотеки меня скоро покорили. Сияющий светом читальный зал, удобные кресла, необычная для публичной библиотеки тишина. Там я впервые увидела металлические белые жалюзи на огромных окнах. Скоро я узнавала постоянных посетителей. Какой-то старичок, в коричневом костюме, сгорбленная фигура которого сейчас стоит перед моими глазами, сидел в этом зале каждый день, только книги менял. Много было знакомых выпускников филфака, в один прекрасный летний день мы о чем-то болтали в холле, когда сообщили о гибели трех космонавтов. Тогда очень редко мы могли узнать о любых катастрофах в стране, поэтому, наверно, новость так поразила и день этот запомнился.

Только в «Иностранке» можно были слушать записи учебников по разным языкам. Перед поездкой во Францию в 1973 году я там слушала «оперные» записи диалогов из учебника французского, а перед эмиграцией, в 1979, прослушала несколько записей начального итальянского, который мне очень пригодился, когда мы ждали в Италии разрешения на въезд в США. Уже давно все эти знания прочно забыты.

И наконец, надо помянуть и библиотеки в университете. Их было три. Одна, крошечная комнатка на третьем этаже старого здания филологического факультета. Там я познакомилась с несколькими студентками, ставшими самыми близкими моими друзьями до последних дней жизни. Это «Юлька», Юлия Александровна Гинзбург (1 мая, 1941- 9 марта, 2010), увидев которую в первый раз, я подумала: «Вот это человек,

знакомство с которым было бы немыслимой и незаслуженной честью!» Приблизительно это я полушутя сказала ей пятьдесят лет спустя в наш последний разговор вечером 7 марта 2010 года.

Однажды я увидела рядом очаровательную девочку с черными локонами и огромными черными глазами, которая, высунув от старанья кончик языка, медленно выводила в тетрадке буквы древнегреческого языка. На прошлой неделе она, Александра Александровна Раскина, преподаватель университета Тулейн в Новом Орлеане, рассказывала моим студентам о нашем детстве в Москве 50х, о своей маме, Фриде Абрамовне Вигдоровой и историю ее знаменитой записи суда над Иосифом Бродским.

Там же встретила Наташу Старостину, о которой слышала еще раньше от подруги, потрясённой вопросом Наташи перед вступительным собеседованием: «Скажите, пожалуйста, а поэзию вагантов мы будем читать в оригинале»? В 1960 году мало кто из наших сверстников мог знать о существовании вагантов. С ней мы иногда говорим по скайпу, а иногда с её мужем, Сашей Дорошевичем, с ним я познакомилась года на два позже.

Другой библиотекой-читальней был просторный зал над цокольным этажом Казаковского здания на Моховой. Там по окружности зала были полки, на которых стояли «дефицитные» книги в одном или двух экземплярах по античной, средневековой и новой литературе, которые студенты читали по очереди. Из какого-то переведённого с французского трехтомника по древнегреческому искусству я узнала, чем питались древние греки, как выглядели древние мраморные скульптуры, читала не заданные книги по древней истории. Больше всего мне понравился Саллюстий, а меньше всего Цицерон. Сейчас, конечно, ничего, кроме имен, не помню. А внизу была столовая, там черный хлеб, как мне кажется, был бесплатный.

В главной, научной библиотеке им. Горького, в крыле соседнего, через дорогу, здания МГУ, я бывала редко, в основном, когда искала материалы к дипломной работе. Тогда

все старые книги были расписаны на карточках, а карточки хранились в специальных ящичках в шкафах, стоявших в коридоре. Однажды я наткнулась на карточку, на которой была записана книга под названием «О когтях на крыльях птиц». Поразило меня то, что автором книги был отец Велимира Хлебникова, а название и его ритм поразительно напоминали какую-нибудь строчку из стихов сына.

В этой же библиотеке, в читальном зале, я прочитала в ноябрьском номере журнала «Москва» начало «Мастера и Маргариты». Очевидно, меня уже предупредили, что будет напечатан роман Булгакова, потому что, как и несколько лет назад, я была первым читателем свежего номера журнала.

Последний раз я зашла в эту библиотеку в 1997 году, впервые приехав в Москву после восемнадцати лет эмиграции. Хотела посмотреть на переданные туда по его завещанию книги Владимира Печерина (1807-1885), первого русского политического эмигранта, о котором писала книжку. Библиотека Печерина как единое целое не сохранилась, но был целый шкаф книг, подаренных библиотеке эмигрантами.

ИСТОРИЯ МОИХ ПАЛЬТО

Жизнь можно измерять прожитыми годами, количеством рулонов использованной туалетной бумаги, бутылками выпитой водки, сношенной за жизнь обувью, прическами — от первых локонов до редких волос, собранных в пучок. Да чем угодно. А можно и одеждой: памятными платьями или костюмами. Я часто вспоминаю свои пальто и шубы, наверно потому, что последние 25 лет носить их было ни к чему.

Всю мою верхнюю одежду можно разделить на обретенную дома, и прибывшую из-за границы.

Бежевое в клетку пальто из «Американской посылки» я запомнила, потому что именно в нем я была, когда мама вытащила меня из ледяной лужи, оторвав от игры в кашу-малашу.

На севере, в Абези, где мы прожили чуть меньше года, один раз меня водили в барак, где какой-то заключенный сшил мне шубку из оленьего меха. Саму шубку я не помню, запомнила только тусклое освещение и тесноту в бараке. С каждой вещью связано у меня воспоминание о людях, благодаря которым они у меня появились.

В основном меня одевала мама. Она шила мне не только платья и пальто, но даже лаковые туфельки для школьного утренника, где я была одета японкой. Лена Браславская, мамина приятельница со времен одесской юности, привезла мне детское кимоно из Японии, где была на гастролях. Кимоно требовало «лаковых» туфелек.

Потом мама сшила мне черное пальтишко с серым воротничком из козлиного меха и переделала цигейковую шубку из остатков своей старой. Когда я из нее выросла, в комиссионке на Герцена она ухватила редкое сокровище, которое отравило мне несколько школьных лет. Это было американское, кожаное, темно-зеленое пальто на цигейке, с поясом и карманами, очевидно рассчитанное на невысокого худого лётчика. Наверное, лет через десять или пятнадцать за такое пальто я бы отдала душу, но в 1957 году меня из-за него

дразнили «крокодилой». «По улице ходила большая крокодила, она, она зелёная была» первым делом приходило в голову, когда я, бледный подросток в длинном зеленом пальто и сером шерстяном капоре, выходила из школы. Пожалуй, мое представление о себе определил именно этот период.

К концу пятидесятых в нашем доме появилась Мария Сергеевна, меховщица. Сейчас я думаю, кем были ее родители, какое было у нее прошлое. Это была высокая, худая женщина лет за сорок. Чем-то она была не похожа на обычных советских теток, особенно речь ее была своеобразной. Она твердо произносила «ч», помню, как она выговаривала слово «шубочка», «девочка». Может быть, это был белорусский акцент. Она была явно не из крестьянской семьи, скорее это было старое городское мещанство или священство. Как жаль, что я ничего тогда не понимала и ни о чем ее не расспрашивала. Мама приглашала Марию Сергеевну на помощь, когда перешивала мне или себе очередное зимнее пальто или шубу.

Серое приталенное пальто с воротником шалью мне сшили («пошили», говорила Мария Сергеевна), когда мне было лет 16. Когда я вижу старые американские фильмы, я угадываю время их создания довольно точно — одевая меня, мама всегда стремилась «подражать Вандербильдихе».

Большинство моих туалетов имело происхождением Комиссионный магазин на улице Герцена. Забавно, что тогда у нас в доме улицу называли Никитской, но сейчас мне хочется употреблять те имена, которые первыми исключили из русского языка после дарованной «свободы»: Герцена, Огарева, Станкевича, Грановского и Горького. Разумеется, купленные в комиссионном вещи требовали переделки. Так, с помощью Марии Сергеевны был перешита на меня курточка из рыжей жеребьячей шкуры. Надо учесть, что никакой синтетики в пятидесятых не существовало, глобального потепления климата никто не ожидал, и ношение изделий из шкур убитых животных никого еще не смущало.

Но главным маминым приобретением была покупка в этой комиссионке огромного мужского пиджака с накладными

карманами, грубо сшитого из роскошного коричневого каракуля. И пилотка к нему шла из того же материала. Какой-то чабан явно оприходовал колхозных овечек и обменял таким сложным способом небольшое стадо на 80 рублей. Нормальный москвич вряд ли соблазнился бы этим странным предметом одежды, но мама оценила изумительное качество шоколадно-коричневого меха и принесла пиджак, или скорее, полупальто, домой. Без Марии Сергеевны было не обойтись. Я как раз поступила в МГУ, и в старое здание на Моховой (совсем недавно и ненадолго переименованной в Проспект Маркса) ходила пешком. Новая «шубочка» была крайне уместна.

Сейчас странно, что не было сделано ни одной фотографии меня в этой шубке и удивительной шапочке, которые я проносила все университетские годы. Даже в голову не приходило сфотографироваться. Шубка была сшита по моде того времени — короткая, колоколом, сильно расширяющаяся книзу, а шляпа совершенно уникальная: коричневая трикотажная «чалма» с каракулевой косынкой сзади, похожая на головные уборы египетских фараонов. Красиво, но в сильные московские морозы с ветром было в этой шубе очень холодно.

Незадолго до этого, году в пятьдесят девятом, возник у меня родной дедушка, сбежавший от большевиков еще в 1919 году из Одессы. Теперь он жил в Нью-Йорке, на улице Бродвей, некоем аналоге Дерибасовской по его представлениям. На этой же улице через сорок лет после его смерти поселилась его правнучка и принесла сюда из госпиталя всех четырех своих детей. С дедом мы успели обменяться несколькими письмами, причём нас неприятно поразило, что он свои письма печатал на пишущей машинке, что в те годы в СССР считалось почти неприличным в личной переписке. И еще он мне прислал какое-то странное пальто, которое мы сочли нищенским и старомодным, хотя он написал, что оно очень дорогое. Только приехав в Америку, я поняла, что это кашемировое бежевое пальто не меняло классический фасон лет сто и действительно, стоило дорого. Мама мне его перешила и к нему сделала коричневую бархатную панамку и еще бархатный берет. Но я его так и не полюбила.

В тот год, когда я кончила университет, отец привёз мне из Франции ярко алое пальто с «золотыми» пуговицами. А мама сделала из синего фетра шляпку с твердыми полями. Этот туалет пользовался большим успехом! Но самым «шикарным» было действительно отличное демисезонное клетчатое пальто, похожее на шотландский плед. В нем меня в Чехословакии принимали за иностранку, а не за оккупантку, и говорили со мной вполне дружелюбно, хотя я сразу уточняла свой статус. И, наконец, в семьдесят третьем году я сама себе привезла из Парижа мечту того времени — дубленку с капюшоном.

А затем появилась надежда уехать из страны. Правда, тогда это значило оставить позади всё и навсегда: друзей, родных, квартиру, ценности, если они и были. Но можно было взять любые вещи советского производства. Конечно, производились в основном танки, ракеты и прочее оружие для собственной «защиты» и на продажу дружественным странам, но кое-что удавалось «достать». Чешский сервиз, сувениры к предстоящей в 1980 году олимпиаде, гжель.

Как раз вошли в то время в широкое употребление болотные крысы — нутрии. Мясо нутрий рекламировалось как чрезвычайно полезное для здоровья, а из шкур можно было заказать в ателье шубу. Мною было сделано и то, и другое. Сначала я увидела на Центральном рынке нежно-розовую тушку на чистом мраморном прилавке и решила порадовать мужа оригинальным новым блюдом. Вся нутрия стоила дешевле обычной курицы, а мяса в ней явно больше. Разве это не удача? Принесла я тушку домой, отрезала приблизительно треть, остальное в морозилку спрятала. Готовить я люблю и умею. С жареным луком, перцем, картошечкой и лавровым листом не жаркое получилось, а мечта. Позвала пару дорогих гостей. Ну и мы с мужем. Кухня маленькая, а стол только в кухне, больше не помещается. Огорчило отсутствие энтузиазма у всех участников трапезы. Люди воспитанные, они не критиковали угощение, но почему-то налегали на картошку, выбирая кусочки посветлее, без вкусного соуса. А мясо, помяв вилкой, есть не стали. Когда гости ушли, муж признался, что крысу даже он находит слишком оригиналь-

ным добавлением к нашему рациону. Когда я запихивала оставшуюся часть нутрии в мусоропровод, я не могла не признать, что сходу ее от новорожденного младенца не отличить.

Но шубу из нутрии мама мне построила роскошную. К этому времени мода изменилась, и шуба была длинная, много ниже колен, а на спине, за подкладкой, еще был положен сложенный в несколько раз старый оренбургский платок. Зима 1978 года была исключительно холодной. Нам пришлось заклеить окна газетами, во многих домах лопнули трубы, и люди старались как можно меньше времени проводить на улице. Мне же в моей шубе было всегда тепло. Документы на выезд в Израиль мы уже подали, и я цинично шутила: «Моя русская кровь на морозе горит!»

Ехала я со своим русским мужем не в Израиль, а в США. Среди прочего барахла, отправленного малой (очень малой) скоростью, были и наши с мамой шубы. Когда контейнер наконец прибыл в штат Нью Джерси, средняя годовая температура которого почти + 12 по Цельсию, мы обнаружили подгнившие шубы и, среди прочего, деревянные крашеные яйца, купленные в качестве сувениров для подарков будущим американским знакомым. Большинство из этих сувениров у меня сохранилось до сих пор. На одном из них нарисован петушок и сделана надпись: «С Пасхой вас, дорогие товарищи!» Шуб же никто никогда не надевал.

АЛЕКС И ИСААК РАБЕЙ

У папиной сестры Таси, жившей во Франции, были близкие друзья, Алекс и Ренет Рабей. Они сдружились во время войны, когда скрывались от немцев в Лионе. Мужчины были какое-то время в армии, что помогло им после войны получить французское гражданство. Алекс был в плену. Когда в 1973 году я провела месяц в гостях у родственников, то очень подружилась с Алексом. Неизгладимое впечатление произвела на меня едва ли не первая фраза, которую я услышала от Ренет, придя к ним первый раз в гости. Она пекла кекс и, рассказывая рецепт, заметила: «Он долго хранится. Я такие кексы посылала Алексу в концлагерь». Я не знала тогда, что у пленных французской армии и у пленных советской были разные условия содержания. Для меня слово «концлагерь» значило смерть или, в лучшем случае, голод и побои.

Уже ближе к отъезду я ждала их в гостиной, чтобы вместе пойти в синагогу. До этого я никогда в жизни не была на службе в синагоге, но сегодня был Йом Кипур, и я немножко волновалась, представляя себе (по книгам) плач и стенания в Судный день. Пока хозяева одевались, я краем уха слушала радио. Французский у меня был очень слабый, но не совсем мертвый, как сейчас. И я разобрала, что в Израиле началась война. Я побежала сказать об этом Алексу, но он не придавал значения моим словам, то ли спеша в синагогу, то ли скептически относясь к очередной «утке».

Обстановка в синагоге меня очень удивила. Это было великолепное здание в районе Нейи, где жили Рабей. Женщины сидели на галерее, наверху, мужчины внизу. Вокруг меня были в основном пожилые дамы, нарядно одетые, в бриллиантах, и говорили они между собой по-русски! Никто не рыдал, не бил себя кулаком в грудь, напротив, улыбались и обменивались светскими приветствиями. Остро запомнился, правда, ответ моей соседки на вопрос приятельницы: «А что мне там делать? У меня там остались одни могилы». Мужчины внизу тоже были все очень немолоды, и удивительно некрасивы.

Я понимала, что эти пузатые старики (мне было 29 лет!) когда-то выглядели совсем иначе, но общее впечатление от впервые увиденного такого количества евреев было неприятно разочаровывающим. Как-то я идеализировала нашего брата! Во все время службы не было никакого упоминания о нападении на Израиль Египта и Сирии в самый священный для евреев день.

У Алекса в Москве был брат, Исаак. Он жил с женой очень близко от моей мамы, в Старопименовском переулке, в узкой длинной комнате в коммунальной квартире. Через семью Рабеев мы с ним познакомились. Собственно, именно об Исааке и его жене я хочу рассказать. Исаак познакомился с женой в лагере, где он сидел за сионизм, так же, как и она. Причем обвинение не было, как обычно, высосано из пальца, они действительно были убежденными сионистами и мечтали уехать в Израиль. А может быть, даже ещё в Палестину. Не знаю, когда он сел, но вышли они совершенно физически искалеченными людьми. Исаак работал продавцом в книжном киоске, а жена его работать совсем не могла. Мы не понимали, почему они не уезжают и даже не пытаются уехать в Израиль, когда это стало возможным. Наконец, Исаак объяснил, что его жена страдает какой-то особенно тяжелой формой артрита, ей мучительно больно не то что ходить, но даже сесть на унитаз. Дороги она не выдержит. Так продолжалось несколько лет. Исаак работал на свежем воздухе в своем газетном ларьке, читал там целыми днями, не курил, был всегда в бодром расположении духа и выглядел прекрасно, не хуже своего «французского» брата. Поэтому, когда у него нашли рак легких, неоперабельный, в последней стадии, это было для всех нас шоком. Чем это было для жены, догадаться не трудно.

Однажды мы с ней вместе поехали в больницу его навес-
тить. Был какой-то особенный золотой сияющий осенний
день. Больница была, как я смутно помню, где-то на Масловке.
К сожалению, я не помню имени его жены, но очень хорошо
помню ее облик. Она передвигалась на костылях. Мы осто-
рожно вышли из трамвая и медленно пошли в сторону боль-

ницы. Через пожелтевшую, но еще не опавшую листву старых деревьев, пробивались косые лучи солнца. Улица запомнилась пустой, широкой, здание больницы было старым, дореволюционной постройки. Скорее похоже на здание гимназии, а не больницы.

Внутри широкие коридоры, большие двери в палаты, натертый, сияющий паркет. Когда мы открыли дверь в его комнату, он оказался там один. И тут они с одинаковым криком, вернее всхлипом, «Люба моя дорогая» кинулись друг другу в объятия. Костыли упали. Они сели на кровать и стали смотреть друг другу в лицо. Ну, потом мы достали «гостинцы», о чем-то говорили, как ехали домой — всего этого я не запомнила. Но сама сцена эта, их одновременный одинаковый вскрик я никогда не могла забыть. Это они, значит, так называли друг друга. Я всегда считала, что великая любовь — это редчайшая сохранившаяся любовь стариков, а не юная страсть. Может быть, так плоско я поняла «Старосветских помещиков».

Это было или в конце августа, или в начале сентября. Очень скоро Исаак умер. Не помню, была ли я на похоронах, может быть, меня не было в те несколько дней в Москве. Но помню отчетливо, как пришла сразу после похорон к вдове. В их комнате было несколько знакомых, только женщины. Одни приходили, другие уходили. Вот когда я почувствовала свою абсолютную принадлежность этому миру, этим старым еврейкам, так похожим на всех приятельниц моей мамы, на всех дам, с которыми неизменно встречалась на похоронах. Шел какой-то незначительный разговор. Я была самая молодая среди них, ни с кем не знакомая. Вдруг одна дама обратилась к другой, указывая на меня: «Нет, ты смотри, как она похожа на нашу Сарру!» Та с ней согласилась, и все присутствующие стали дружелюбно меня сравнивать с неизвестной мне Саррой. Мне стало необыкновенно приятно, что я похожа на неведомую Сарру, что и я, и они почувствовали как бы родство. Стали говорить о моем возможном отъезде, желать мне поскорее получить разрешение. Что было потом, не знаю. Мы действительно скоро уехали. Но до этого я очень часто виделась с другим Исааком, Исааком Владимировичем Раввиным

ИСААК ВЛАДИМИРОВИЧ РАВВИН

Исаак Владимирович Раввин (ударение на первом слоге) и его жена Дина Михайловна Яблоновская были знакомыми моих родителей. Вообще, в нашем доме бывали обычно только дальние родственники (близких на этом свете при мне не осталось) и друзья со времен одесской молодости.

Сблизились наши семьи уже в середине пятидесятых. Работали они на Радио. Исаак Владимирович был выпускающим редактором программы новостей, а Дина Михайловна заведовала радио кондитерской фабрики «Большевичка».

У Исаака Владимировича в результате перенесенного в раннем детстве полиомиелита одна рука осталась высохшей и полупарализованной. И казалось, что этот физический недостаток придавал его поведению какое-то особую привлекательность. Он никогда не говорил о нем, конечно, но нельзя было не заметить, с каким мужеством он с ним справлялся, деликатно избегая ситуаций, в которых могли бы предложить ему помощь, чтобы никого не обидеть. Он даже катался на велосипеде, держась за руль только одной рукой. К нему располагали его необыкновенно мягкие манеры и выражение искреннего интереса и внимания к словам собеседника. Большие голубые глаза его смотрели на тебя с особенным теплым вниманием, так что любое твоё слово, казалось, было встречено им с одобрением. Странно, что сходная мягкость манер его жены казалась неискренней, может быть потому, что она была особенно осторожна и воздерживалась от каких бы то ни было критических замечаний — ни о событиях в стране, ни о людях.

Оба супруга были членами партии, причем Исаак Владимирович вступил в партию довольно поздно, в конце пятидесятых. Мой отец относился к нему с некоторой иронией и называл, не в лицо, разумеется, «молодой коммунист». Трудно было поверить в искренность его партийных взглядов. В нашем давно ассимилированном доме, где национальностью было одесское, а не обязательно еврейское происхождение,

Исаак Владимирович одним из первых поднял тему антисемитизма. Только потом я узнала, что многие семьи, родные которых были уничтожены в концлагерях или убиты, долго еще избегали говорить об этом. Я помню, с каким волнением и слезами на глазах он читал стихотворение Маргариты Алигер «Мы евреи». Уже тогда это стихотворение вызывало во мне смешанные чувства. Несмотря на романтический пафос искреннего горя, от которого невольно перехватывало горло, «жалкие слова» об участии европейского еврейства казались мне пошлыми: «В чём мы провинились, Генрих Гейне? Чем не угодили, Мендельсон? Я спрошу у Маркса и Эйнштейна, что великой мудростью полны, — может, им открылась эта тайна нашей перед вечностью вины?» Исаак Владимирович и его сын, обожаемый Павлик, считали это стихотворение шедевром.

Тем более неестественной казалась дружба, которую Раввины поддерживали с Василием Ардаматским. Несчастный Ардаматский, автор многочисленных произведений на военно-патриотические темы, прославился фельетоном «Пиня из Жмеринки», который был напечатан в «Крокодиле» через две недели после смерти Сталина. И то, что помогло бы ему удержаться на вершине успеха в разгар «дела врачей», теперь мгновенно разрушило его репутацию, в том числе среди авторов, счастливо избежавших такого несвоевременного выступления.

Одним из немногих, кто продолжал поддерживать с ним дружеские отношения, был Исаак Владимирович, что, зная о его остром еврейском самосознании, мои родные находили комичным. Они понимали, конечно, что Ардаматский был старым приятелем Раввина и часто бывал полезен и ему, и его семье. Удержаться на радио такому типичному еврею без сильной поддержки было бы совсем не легко.

Сын их, Павлик, как мы его называли, был очаровательным мальчиком, до такой степени похожим на Аркадия Райкина, что казался его юным двойником. Он был года на два или на три меня моложе, в том прелестном мальчишеском возрасте, когда кажется, что ничто нечистое их не может коснуться.

Румяный, губастый, темноволосый, с огромными карими глазами, веселый, он был совершенно не похож на отца, которого обожал, а уж как Исаак Владимирович его любил, и передать нельзя. Оба гордились своей мужской дружбой. Тогда Павлику было лет 11 или 12. Когда всей семьей мы ходили друг к другу в гости, мы с Павликом охотно общались.

Со временем я виделась с ними реже, поступила в университет, вышла замуж, еще через несколько лет у нас родилась дочь, и я все реже слышала о Раввиных.

Однажды уже взрослый Павлик пригласил нас с мужем к себе в гости. Он уже тоже кончил институт и работал звукооператором на телевидении. Внешнее сходство с Райкиным только усилилось. В те годы, да еще при открытом и веселом нраве, это была гарантия бешеного успеха у девиц. О нем Павлик нам и рассказывал. Наши «диссидентские» интересы были ему явно чужды, очевидно было, что между нами мало общего. Ну, и все-таки разница в возрасте тогда еще имела значение. Вскоре Павлик женился.

А еще через некоторое время, году, если я не ошибаюсь, в 1977, мы узнали, что Павлик подал документы на выезд в Израиль. Мы, по семейным обстоятельствам, все еще вынуждены были откладывать эмиграцию, и меня поражало, что многие люди, весьма по советским понятиям преуспевшие, равнодушные к политике, часто члены партии, уезжали раньше нас. Видимо, я недооценивала степень всеобщего лицемерия. В эти несколько предотъездных месяцев мы опять виделись несколько раз с Павликом. Он был в состоянии неофитского экстаза. Показывал нам картинки каких-то израильских сусликов, которые находил в соответствующих пособиях по алии, свидетельствующих о богатстве синайской фауны, сообщал давно нам известные эпизоды еврейской истории.

Все это было бы нормально и мило, если в это самое время Исаак Владимирович не был бы очень тяжело болен. У него развился облитерирующий эндартериит, тяжелейшее заболевание сосудов ног. Как известно, в те годы, в семидесятых, уезжая, люди расставались с оставшимися родными и друзь-

ями навсегда. Это была такая маленькая репетиция смертного прощания. С другой стороны, отказаться от назначенной ОВИРом даты отъезда значило чаще всего остаться в СССР навсегда — изгоем, без работы и без надежды на то, что «выпустят». Многие и уезжали из-за уверенности в том, что дверца клетки ненадолго приоткрылась и в любой момент может захлопнуться. Родители подписали необходимое согласие на его отъезд, но горе разлуки было для них нестерпимым. Как известно, большая часть горя достается в разлуке остающемуся, но никогда эта толстовская мудрость не была так справедлива, как сейчас.

Вскоре мы тоже подали документы в ОВИР и ждали ответа. Времени и денег у нас было достаточно: мы оба заходя ушли с работы, чтобы не навлекать на друзей и сослуживцев неприятностей, и жили припеваючи почти целый год, продавая книги, мамину старинную мебель и проежая, и пропивая с друзьями ее сбережения. Надо, кстати, заметить, что ни один человек нас не «предал», от нас не отвернулся, только все очень огорчались. И почти никто из наших друзей России не оставил, уезжать никто не собирался.

А тем временем, состояние Исаака Владимировича все ухудшалось. Он лежал в больнице, и я часто его навещала. Это было не первое мое знакомство с больницами, каждое было тяжелым по-своему.

Сразу поразило, что этого интеллигентного, деликатного и еще не старого человека звали не по имени отчеству, а «дедуля». В палате лежало человек шесть. Внимания на него никто не обращал. Боли его мучили ужасные. Хирург, который его наблюдал, очень ему сочувствовал. Дело в том, что он сам потерял ногу, ходил на протезе, и очень старался этому больному ногу сохранить, избежать ампутации. Процедуры и перевязки были мучительны.

Существование Исаака Владимировича превратилось в ад. К физическим страданиям добавлялись душевные. Он получал письма от сына, опьяненного новыми впечатлениями, переполненного восторгом от всего, что встретило его в Израиле. Павлик описывал прелесть израильского йогурта

с фруктами, доступность и качество продуктов, а поскольку шла осень и наступили еврейские праздники, он подробно рассказывал о том, что узнал про день еврейского Нового года. Оказывается, писал он отцу, что в Рош Хашана Бог судит каждого и решает, кому в этом году жить, а кому умереть. Имена тех, кому жить, вписываются в Книгу Жизни, и так далее. И рассказ свой он завершил восклицанием: «Я так счастлив!» Исаак Владимирович с болью и недоумением сказал: «Как он может быть счастлив, когда отец так страдает?!»

Я не могу осуждать не очень умного Павлика, хотя гадкое чувство испытывала. Но кто без вины перед родителями, пусть первым бросит в него камень. Я стала чаще навещать Исаака Владимировича, рассказывала ему очень откровенно о своих интересах, делилась услышанными по «голосам» новостями, пересказывала детективы, которые в то время читала на английском. Его поразило, что была целая серия, в которой тайны преступлений раскрывал раввин (ударение на втором слоге!)

Хирург в больнице долго оттягивал необходимую операцию. Он к тому же понимал, что из-за полиомиелита Исаак Владимирович не сможет никогда пользоваться костылями. В конце концов, операцию пришлось сделать из-за начавшейся гангрены. Она сразу принесла некоторое облегчение, мы уже стали обсуждать, когда ему можно будет пытаться ходить на протезе. Однажды я сидела возле его постели и пересказывала какую-то передачу не то «Голоса Америки», не то «Немецкой волны», но Исаак Владимирович слушал меня не так внимательно, как обычно. И вдруг он сказал слова, ради которых я и рассказываю эту историю. В ответ на мои очередные рассуждения он медленно, как что-то, что только сейчас он окончательно осознал, произнес с невыразимой горечью: «Я прожил совершенно бессмысленную жизнь. Я всю жизнь лгал, вся моя работа на радио была ложью, приспособленчеством. Вся жизнь сплошная ложь». Я была потрясена. Передо мной был толстовский сюжет. Конечно, я стала его уговаривать, что не его это вина, что в сталинские

годы все должны были лгать и притворяться, но он, казалось, не очень меня слушал, думал о своем.

Я старалась приходить почти каждый день, обычно в первой половине дня, чтобы хотя бы на несколько часов он не оставался в палате один на один со своими мыслями. После работы приходила его жена. Если женщины в больничных палатах болтают, рассказывают истории из своей жизни, а иногда помогают более тяжелым больным, мужчины гораздо больше обособлены, и я не слышала, чтобы они помогали более слабым. Не могу забыть совершенно белоголового старика, высокого, костлявого, койка которого стояла в коридоре. Ему принесли суп. Тарелка на тумбочке рядом. Он стоял возле кровати, его белые кальсоны были почему-то спереди залиты кровью, уже засохшей. Он стоял и растерянно говорил: «А ложку?»

15 октября 1979 года, войдя в палату, я увидела пустую койку. Тело Исаака Владимировича только что отвезли в морг. Запомнила дату, потому что это был мой день рождения. А через две недели мы получили разрешение на отъезд и 29 ноября вылетели в Вену.

ОТЪЕЗД

Как оказалось впоследствии, многие важнейшие события 1979 года я совершенно не помнила, или помнила, как в тумане, если они не касались нашего отъезда. Так, я «не заметила», что за несколько недель до нашего отъезда умерла мать моей близкой школьной подруги, Светы Вороновой, знала, но не осознала, что у другой моей близкой подруги, Наташи Левиной, рак, меланома, который ее убил в 35 лет, вскоре после нашего отъезда. И уж, конечно, ничего не соображала в день и ночь отъезда. Постараюсь здесь описать то, что помню.

Итак, мы ушли с работы и весь год общались с друзьями, выпивали и закусывали.

Асю я устроила в только что построенный детский сад на Малой Бронной. И жила с ней у мамы, в Трехпрудном, а Эрик, в основном сидел на нашей квартире в Большом Тишинском переулке, дом 40, корпус 2, и творил. Телефона там не было, хотя деньги на взятку у жильцов кооператива собрали. Телефон был внизу, на столике у консьержки. Однажды зимой, рано утром, мне в детском саду передали, что звонил муж и просил приехать. Не помню уже, почему он позвонил туда. Я поехала на Тишинский и оказалось, что накануне вечером он возвращался на такси и попал в серьезную аварию. Был очень глубокий снег и машину занесло. Другая налетела на них сзади. Эрик вышел из машины и поспешил скрыться с места происшествия, не дожидаясь скорой и милиции, не поехал «к Склифосовскому» в травмпункт, потому что понимал, что если его привлекут как свидетеля, то обнаружат его шаткий статус «подавшего на выезд в Израиль», что хорошо не может кончиться. Вид у него был довольно жуткий. Он здорово разбил голову, с вечера кровь, залившая волосы и лицо, засохла. Чувствовал он себя не очень хорошо! Надо сказать, что к этому времени наши отношения с Юлей Гинзбург, моей ближайшей подруги с первого курса и до конца жизни, были довольно напряженные. Мы, конечно, не поссорились, но очень отделились. Наше решение эмигрировать было ей

оскорбительно и чуждо. Но для меня она всегда была «скорой помощью», к ней я обращалась всю жизнь в минуты любых трудностей. И в этот раз я тут же спустилась вниз и позвонила Юле, попросив приехать. Ничего, конечно, при консьержке не объясняя. Да Юле и не надо было объяснять. Она приехала немедленно. И мы осторожно смыли кровь, побрили Эрику голову, покудахтали над ним. Видно, эта авария была для него, да еще в таких обстоятельствах, большим стрессом. Он говорил, что в течение довольно долгого времени после этой аварии его, что называется, «не брал» алкоголь. То есть пил водку, но сохранял полную трезвость. Это известный эффект остро-стрессовых ситуаций. Наши с Юлей отношения немного улучшились, но былой близости не возникало до начала девяностых.

К весне у Эрика все давно зажило. Он отрастил густую бороду и усы, делавшие его похожим на императора Николая Второго. В мае мы уехали в Симеиз. У нас были почти не ограниченные средства (по нашим понятиям), и мы решили снять две комнаты, чтобы маленькая Ася спала отдельно, и хотели найти неслыханную в те времена роскошь — квартиру с ватерклозетом. Оказалось, что несмотря на то, что курортный сезон еще не начался и отдыхающих было мало, никто

Юля Гинзбург

не понимал, как это одна семья хочет снять две комнаты. Мы обошли несколько улиц, но никто не хотел сдать две комнаты даже за соответствующую плату. Кончилось все тем, что мы сняли узенькую застекленную терраску, соблазненные наличием в мощеном дворе нормальной уборной и близостью к морю.

Тогда мы впервые ощутили нехватку продуктов в Крыму. Обедали мы в столовой, отстояв долгую очередь. Из мяса бывали иногда только сосиски, которые мы отдавали Асе, один раз я съездила в Ялту и «достала» курицу. Такого вкуса кур я ни в Москве, ни теперь, в Америке, не пробовала! Когда я упомянула об этом моему американскому другу, который готов был критиковать Америку значительно суровее, чем я, он вдруг возмутился до глубины души. Истинный патриотизм в нем выиграл, и с непередаваемым ядом он упомянул «ножки Буша», которыми спасала его страна голодающую Россию. Зато в Крыму тогда в огромном разнообразии была всякая выпечка, разные булки, рулеты и коврижки. Один раз мы поехали в какой-то ресторан и запомнилось название блюда: салат «Дружба из кур». Так назывался салат Оливье, или Столичный. В каждом ресторане это блюдо называлось по-разному.

Мой отец умер 29 ноября 1968 года. Когда мы получили открытку из ОВИРа, в которой была указана последняя возможная дата отъезда, 29 ноября 1979 г., я подумала было попросить отсрочки, чтобы сходить на кладбище попрощаться, но Юлия Гинзбург сказала: «Я буду спокойна, только когда вы переедете границу. Уезжайте, когда назначено». Про себя же она сказала: «Я уеду только в общем вагоне под конвоем». Через три недели, как известно, советские войска вошли в Афганистан.

Маме было 69 лет, она уже давно мучилась болями из-за артрита, и тут вдруг силы ее оставили. Все наши друзья целиком занялись помощью по сборам. Наташа Бородина за одни сутки, не ложась спать, связала мне изумительное платье из французской шерсти, кораллового цвета. Кажется, я его надела один раз.

Друзья нашли знакомство в Ленинской библиотеке, и нам подписали разрешение на вывоз 250 книг, в основном прижиз-

ненных изданий русских авторов восемнадцатого и девятнадцатого веков, которые собирал Эрик. Когда мама с Юлей в ночь накануне отлета повезли эти книги сдать в багаж в Шереметьево, оказалось, что книг не 250, как указано в списке, а 248. Поэтому их не пропустили. Часть разошлась по знакомым, какие-то кажется остались в аэропорту просто на полу. С вечера началась метель (как и в ночь папиной смерти), густой снег шел всю ночь, у нас в квартире собрались провожающие, а мама с Юлей добирались из Шереметьево домой, на Трехпрудный. Мамины одесские друзья, люди пожилые, ее не дождалась и уехали, так и не простившись.

Чтобы оценить картины, в основном Эрика и кое-какие из наших, надо было день провести в комиссии при Даниловском монастыре. (Когда уже в Филадельфии Эрик поехал на интервью в поисках работы, он заблудился, стал звонить из автомата, чтобы уточнить адрес, и оставил папку со всеми своими рисунками в телефонной будке.) Я собирала справки и заверяла нотариально копии документов. Не было ни одного человека, который меня осудил бы. Татарин-управдом нашего дома на Тишинском выдал мне необходимую справку со словами: «Завидую вам, сам бы уехал. Желаю счастья». Школьная подруга, дочь уборщицы из Военторга, инженер на авиазаводе и мать-одиночка, предложила мне денег, и очень тревожилась, найдем ли мы в Америке такую же хорошую жилплощадь. Соседка, жена пожилого кагебешника, когда-то жаловалась маме, что он очень пьет и буянит. Мама же ей сказала: «Что же вы удивляетесь? Скольких людей он пытал, скольких в могилу отправил!» Эта женщина, как ни странно, хотя тогда онемела от изумления, к маме относилась с уважением. На «проводы» она достала нам стакан паюсной икры, которой я с раннего детства не видела и мечтала еще раз в жизни попробовать. В комнату, где был накрыт стол, у меня не было времени даже зайти.

Со многими я уединялась в ванной, «взрослые», то есть родители друзей, боялись подслушивания больше, чем мы, и хотели попрощаться наедине. Один из знакомых сказал, что у него есть связи в каком-то посольстве и обещал передать

чемодан с тем, что мы не могли провезти. Я взяла матерчатый чемодан и положила туда английские Веджвудские тарелки еще из одесской квартиры папиной мамы, старинную бронзовую вазу, которую Эрик подарил мне на пятилетнюю годовщину свадьбы, и еще какие-то предметы, краем сознания понимая, что бронза и фарфор не очень хорошо перенесут путешествие, но не в силах сосредоточиться и что-то изменить.

В последнюю неделю мы оставили Асю в детском саду на пятидневке, и только поздно вечером перед отъездом взяли ее домой. Она потом мне говорила, что дорогу в Шереметьево она запомнила из-за навалившего снега и необычайной «роскоши» нашего отъезда с целой вереницей такси. А у меня несколько месяцев стояли перед глазами лица самых дорогих друзей. Как они насильно улыбались, а глаза были полны слез.

Перед отъездом я купила удобные туфли, зная, что предстоит много ходить, а ноги у меня всегда болели. Так они и остались в прихожей на полу, вместе с чудной картинкой «Синий цветок» Владимира Яковлева, к счастью спасенной Галей Людмирской.

С Юлей на Тишинском

В аэропорту мне велели высыпать из картонной трубочки марганцовку на предмет спрятанных в ней бриллиантов, эта марганцовка до сих пор у меня еще жива. У Аси взяли медвежонка Пашутку на рентген, что произвело на нее незабываемое впечатление, а маму заставили спороть с трудом добытый песцовый воротник, унижение, о котором она говорила весь первый год эмиграции. Все наши меха, в которые были вложены деревянные рубли, постепенно сгнивали в теплом и сыром климате. На маминой каракульчовой коричневой шубе спала два года назад больная собачка Милы Киржнер, в ее квартире в Нью Йорке.

Пока самолет не приземлился в Вене, я не могла окончательно поверить, что нам удалось бежать. Теперь, когда я вспоминаю, с какой легкостью я расставалась со всеми вещами, со старинной мебелью, двумя квартирами в самом центре, с деньгами, не мной, кстати, заработанными, я начинаю понимать, что была не совсем в нормальном состоянии. Впрочем, кажется, я так и не вернулась к прежним интересам. В молодости мы любили с подругой, а потом и с Эриком, заходить в комиссионный на Арбате и, как в музее, любовались картинами, зеркалами, бронзовыми и фарфоровыми каминными часами, всякими фарфоровыми тарелками и хрустальными кубками. Я очень любила мебельные комиссионки. Когда мы купили два плетеных соломенных кресла в комиссионном магазине на Чусовской улице и притащили их домой, чтобы поставить на балконе и укладывать в них новорожденную Асю, счастье наше было огромно. Все покупки я помню до сих пор и помню радость их приобретения. С отъездом и потерей, пусть добровольной, всех предметов, всего, связанного с прежней жизнью, я навсегда приобрела иммунитет к старинным и красивым вещам. Мне ничего не хочется иметь, кроме необходимого. Почти вся мебель у меня та же, что нам подарили добрые евреи почти сорок лет назад. Я равнодушна к антиквариату, который так меня когда-то интересовал. Основное чувство, которым объясняется такое отношение, это мгновенно и навсегда осознанное мной: с собой ничего не заберёшь.

ЛАДИСПОЛИ

В конце декабря 1979 года нас из Вены привезли в Рим, где мы должны были дожидаться разрешения въехать в Америку. Поселили нас в пригороде, в некоем здании, стоявшем на Аппиевой дороге, в части, представлявшей собой современное шоссе с большим автомобильным движением. Тротуара перед зданием не было. Оно стояло вплотную к шоссе. Одного из наших эмигрантов, неосторожно ступившего на дорогу, сбила машина, к счастью, не насмерть.

Рано утром нас всех везли автобусом в город, а потом вечером все добирались обратно общественным транспортом. С первых же дней стало очевидно, что теперь мы в свободной стране. Об этом сообщали стоявшим в автобусе старикам и женщинам с детьми крепкие молодые эмигранты в новопробретенных кожаных куртках в ответ на требование уступить место. Кроме того, они курили в автобусе, также объясняя непонятливым, что теперь мы не в Советском Союзе, а в свободной стране.

Вообще, состояние умов у всех нас было полубезумное. 25 декабря, выйдя из автобуса, я увидела огромные заголовки в газетах: войска СССР вошли в Афганистан. Не прошло и месяца со дня нашего отъезда, который оказался даже более спасительным, чем мы думали. Но там остались друзья, чувства которых нам были абсолютно понятны. И никогда мы не сможем с ними обсудить происшедшее. Во всяком случае, тогда мы были в этом уверены.

В Риме мы провели около двух недель. Уезжали очень рано утром, не успев позавтракать чаем и твердой итальянской булкой, которые бесплатно, но позже, давали в этой гостинице на завтрак. На скудный дармовой ужин мы тоже редко успевали. Денег у нас было так мало, что мы просто голодали, что очень положительно сказалось на моей фигуре. Завязались какие-то странные короткие дружбы. Запомнилась красивая молодая дама из Тбилиси с дочерью пятнадцати лет. Она рассказывала о близком знакомстве с Резо Габриадзе, имя

которого она предполагала мне знакомым, но в 79 году я о нем не знала. От нее я впервые услышала выражение «престижный», ставшее впоследствии таким распространенным. Она купила «престижный чайник», это был чайник для заварки не то с бамбуковой, не то с плетеной ручкой. Каждый из нас мог обменять рубли на сумму равную 96 долларам, и мы очень боялись их тратить до приезда в Америку. А наша новая приятельница купила не только «престижный чайник», но и серёжки с якобы бриллиантами. Она нашла там и «друга», страшного, кривого, явно преступного мужика, кажется, израильтянина, который уже давно кантовался в Италии. Он «устроил» нам всем в Риме квартиру. Когда мы пришли в это здание, то увидели, что все комнаты темные и холодные, выходят на открытую галерею, через которую надо проходить в уборную. Дело было в конце декабря или в начале января. Лёля, как, мне помнится, звали нашу знакомую, явно боялась своего нового друга, но мы плюнули на данный ему уже задаток, и как все остальные эмигранты поехали снимать квартиру в Ладисполи, пригороде Рима.

Я перед отъездом немножко позанималась итальянским, что мне очень помогло. Мы сняли приличную светлую квартирку, правда, топили и там два часа в день, с четырех до шести. Муж с нашей четырехлетней дочерью ходил гулять к морю. Они приносили камушки и ракушки, которые потом мыли в биде. Это были ее игрушки, как и любимый бархатный человечек по имени Буся Гольдштейн, сшитый папой еще к ее трехлетию.

В магазинах были надписи на русском языке, по улицам ходили исключительно русские евреи — из Ташкента и Киева, Черновцов и Москвы, Риги и Бухары. Однажды мы наблюдали, как сошедшая с поезда в толпе русских эмигрантов супружеская пара пожилых итальянцев обращалась к каждому из толпы с вопросом, как куда-то пройти. Один их не понял и сообщил об этом по-русски. Итальянцы обратились к следующему. Тот, естественно, ответил так же. И несчастные итальянцы прошли всю привокзальную улицу, встречая только иностранцев и ни одного местного жителя. Что они подумали, бедняги!

Незабываемое впечатление оставило посещение порнофильма в местном кинотеатре. Фильм назывался «Алиса в стране чудес» («Alice in Wonderland») и многие решили, что фильм детский. Кроме того, в домах у всех было холодно, а в кинотеатре топили. Среди «новых ладиспольцев» разнеслась весть, что можно пойти в кино, где фильм будут показывать бесплатно. Не знаю, может быть, это была какая-то рекламная кампания. Пошли все семьями, с детьми и стариками. Не помню, почему, но моя мама осталась дома с внучкой. Зрители расселись. Многие сразу закурили: свободная страна, известно, что за границей в кинотеатрах курят. Начался фильм. В течение полутора часов голые девицы то сосали крупные половые члены своих партнеров, то вместе с другими действующими лицами использовали по прямому назначению фаллоимитаторы. В зале стояла почтительная тишина. Суровые азиатские старики в мохнатых шапках, с темными морщинистыми лицами, бледные городские старухи и дамы в мехах, мамы с детьми, все молча внимательно смотрели на экран, на котором развивалась очевидно обычная иностранная жизнь, к которой придется привыкать. Никто не ушел, никто потом не обсуждал с соседями увиденное. Когда в зале зажегся свет, все тихо разошлись по домам.

Потом мы по очереди с мамой ездили на экскурсии в Венецию, Флоренцию и Пизу. Было холодно, гид в автобусе буквально каждое слово сопровождал иностранным выражением ОК, у меня перед глазами все ещё стояли полные слёз глаза провожавших нас в Шереметьеве друзей. Ведь мы тогда думали, что больше никогда не увидимся

ЛЮБА БАТ

Чем старше становишься, тем мучительнее и постыднее кажутся события прошлого, имевшие тогда оправдания, но теряющие их с годами. Отношения с Любой Бат заслуживают того, чтобы рассказом о них завершить российский период моей жизни.

В 1973 году я ездила во Францию по вызову Вити Павловского, овдовевшего мужа папиной сестры. Дома оставались заложником муж и мама. Перед поездкой я долго и непонятно болела сердцем, врач прописал мне огромные дозы аспирина, от которого я сильно ослабела и целыми днями лежала в саду на раскладушке. Кажется, мы тогда снимали дачу в Кратово.

Мама писала знакомым в Париж, что я очень больна, слаба и она с ужасом думает, как трудно мне будет в огромном чужом городе. Естественно, добрые друзья ожидали увидеть калеку, может быть даже несколько слабоумную, о которой надо хорошенько заботиться. Здоровье вернулось ко мне немедленно по прибытии на Гар-дю-Нор. Остановилась я у папиной двоюродной сестры, старенькой Манички Чертковой на улице Сульт недалеко от станции метро Porte Dorée. А мамыны друзья Рабей жили в Нейи, на другом конце города. На другой же день я дошла до метро и, изучив карту, легко нашла дом в Нейи. И они, и их гости Люба свободно говорили по-русски, наверное потому, что их родители жили в Польше, ещё в Российской Империи, и дома говорили по-русски.

Сели за стол, кажется, это был мой первый настоящий французский обед. Больше всего мне понравилось совершенно незнакомое блюдо, салат из корня сельдерея. Я сидела рядом с Любой, невысокой, какой-то кругленькой женщиной лет сорока семи, смуглой, с сияющими весёлыми глазами. Все они казались мне симпатичными, хотя и не молодыми людьми, за пятьдесят! Они весело болтали и посмеивались над Любой, которая, как казалось, побывала во всех странах мира. «Люба, а в Японии ты была?» — «Была». «А в Бразилии была?» — «Была», «А в Монголии?» — «Когда ездила в Индию, попала уж

заодно на несколько дней в Монголию». Все это было мило и забавно. Потом уже я узнала, что Люба Бат работала частной медицинской сестрой в Нью-Йорке, ухаживала за тяжело больными, дежурила возле них ночью. Полгода она работала, копила деньги, а полгода путешествовала. Причём, прежде чем поехать в ту или иную страну, она учила новый язык, а приехав туда, старалась ходить в дешёвые ресторанчики, заводить разговоры с местными. Знаменитые туристские места ее привлекали меньше, чем люди в этой стране.

Когда мы сидели тогда за столом, в какой-то момент рукав ее летнего платья задрался, и впервые в жизни я увидела вытатуированный длинный синий номер на тыльной стороне человеческой руки. Так я узнала, что Люба была в немецком концлагере.

Потом мы с ней подружились, и она рассказала подробно, как это было. В начале войны ей было лет пятнадцать или шестнадцать. Мама ее не то умерла раньше, не то была убита. Люба долго скрывалась, но в конце концов ее схватили и стали допрашивать: она твердо стояла на том, что она полька, а не еврейка. Измеряли ее череп, но к окончательному выводу не пришли. Потом сильно ее били и бросили в камеру. Я повторяю тут ее рассказ. И вот ей приснилась во сне мама, которая сказала ей, что она выживет, если несмотря на побои не сознается в том, что она еврейка. Её действительно несколько раз избивали, но она стойко отрицала свою «вину», а научное измерение черепа не дало определённого результата. Люба смеялась, рассказывая о глупости немцев, которые больше верили своей «науке», чем своим глазам: внешность у нее была не совсем типичная, но достаточно еврейская.

Наконец отправили ее в лагерь, откуда погнали пешком при приближении Красной Армии. После освобождения она встретила своего мужа, сидевшего в Советском лагере и отправленного на фронт. По профессии муж был врачом. Они вдвоем уехали в Израиль, но муж скоро умер от рака. А она перебралась в Нью-Йорк, стала медсестрой. Еще она рассказывала, что написанные ею мемуары о пережитом

никто не берётся печатать, потому что публику эта тема не интересовала.

Мне было двадцать девять лет, и все мои родственники и знакомые, очень гостеприимно меня принимая, подчеркивали, что уезжать из СССР мне уже поздновато, что эмиграция дело очень тяжелое и на чью-либо помощь рассчитывать не приходится. И только Люба сразу сказала, что я похожа на типичную американскую студентку, что обязательно из СССР надо уезжать и ничего не бояться. Отсутствие робости она доказала, взяв меня на «экскурсию» на площадь Пигаль. Конечно, ничего особенного я там не увидела. Зашли в книжный магазин, где уже прочитанный мной Генри Миллер лежал на прилавке, запечатанный в пластик. Наверно, там были и более острые образцы сексуальной свободы, не помню. Когда мы вышли из магазина, к нам подошел какой-то молодой человек и сказал что-то по-французски. Люба рассмеялась, покачала головой и перевела мне на русский: «Хотите поебаться, девочки?» Тогда все эти слова звучали не так обыденно, как сегодня!

Очень смешно рассказывала о своей с детства знакомой польской еврейке, разбогатевшей и живущей в Нью-Йорке. Эта дама как-то сказала, что не представляет, как бы она могла ездить не в своём Ролс Ройсе, а в обычной машине. На что Люба ей говорит: «Слушай, ты уже забыла, что дети у вас спали на полу, и что вы варили суп из селёдочных голов?» Я тогда впервые услышала о таком блюде.

Потом мы переписывались. И, наконец, Люба приехала в Москву. Вот тут начинается описание нашего непонимания западной жизни, наших предрассудков, невежества. Например, Люба принесла не съеденные в самолёте печенье, пакетик орешков, еще какую-то ерунду. Потом, рассказывая о своей жизни, она, как само собой разумеющееся, упомянула, что в разных магазинах яйца стоят по-разному, и она старалась купить там, где они продаются подешевле. Уговаривая нас всех эмигрировать, сказала моей маме, что она будет получать продуктовые талоны (food stamps). Моей маме, одной из самых искусных и дорогих шляпошниц Москвы, чувствующей

себя независимой барыней, получать продуктовые талоны! Могла ли мама себе представить, с каким удовольствием она будет их получать через шесть лет в Америке?

Мне, конечно, хотелось показать Любе то, что я любила в Москве, поделиться самым дорогим. Повела ее в Третьяковскую галерею, по дороге остановившись на Каменном мосту, откуда был такой красивый вид на Кремль и его соборы. В галерее, не тратя времени на передвижников и социалистический реализм, сразу провела в свой любимый зал древних икон. «Богоматерь Владимирская», «Спас нерукотворный», «Троица ветхозаветная» — лучшее, что я могла показать иностранцу. К моему недоумению, ни Кремлёвские соборы, ни иконы явно не особенно восхитили Любу Бат.

Когда мы вышли, она рассказала мне эпизод, который я тогда не совсем поняла. В детстве она очень дружила с польской девочкой, соседкой. Они каждый день вместе играли, знали друг друга с раннего детства. Часто бывали друг у друга дома. В польском доме были, конечно, иконы. Когда немцы вошли в Польшу, соседка зашла к ней и, ни слова не говоря, забрала Любин велосипед. На её вопрос она ответила: «Тебе он больше не понадобится». Связи между этим грустным эпизодом и «нашими» иконами я не уловила и была немножко разочарована. Но Люба мне все равно очень была симпатична, а ее настойчивость в подталкивании нас к эмиграции мне льстила. Меня-то уговаривать было не надо!

Прошел еще один год, и родилась наша дочь. Хотя я и считала, что приносить нового гражданина в Советскую страну не стоит, физиология взяла своё: после тридцати появилось чисто животное желание быть беременной, увидеть своё потомство, «передать ему сокровища ума и души», как я шутя объяснила свой поступок любимой подруге Миле. Друзья подарили нам по этому случаю правильный подарок: контейнер бумажных подгузников, только недавно появившихся в продаже. Когда ребенок немножко подрос, понадобились непромокаемые трусики. Я написала Любе, и она прислала специальные трусики для бумажных подгузников и американскую соску. Эти два скромных предмета очень облегчили нашу жизнь.

Возможность подать заявление в ОВИР появилась неожиданно. Умерла от разрыва аневризмы мама мужа, Ада Евгеньевна, для которой наш отъезд был бы таким ударом, что мы исключили мысль об эмиграции. Мою маму пришлось уговаривать, она слишком хорошо понимала, что значит эмиграция в пожилом возрасте вообще, а для нее в особенности. Но в конце концов именно она написала Льву Койфману, папиному двоюродному брату в Израиле просьбу о приглашении, и вскоре мы подали документы на выезд. С собой из наших вещей мало что можно взять, правда, книги можно посылать посылками. Но куда? И на чье имя?

Если в начале семидесятых мы оба мечтали уехать в Израиль, к концу этого десятилетия стало очевидно, что плохонькому филологу и русскому художнику там применения не найти. Несколько знакомых, недавно еще пылких сионистов, пожив в Израиле, устроились на работу в США и Европе. Решили ехать в Америку, тем более, что там жили родственники с отцовской стороны, бежавшие из СССР в 20-е годы, и мамин родной брат с семьей, уехавший год назад. Когда я написала об этом Любе, она предложила посылать ей посылки в Нью-Йорк, откуда их будет легче переправить в то место, где мы окажемся.

И вот, в течение нескольких месяцев мы ездили на Главпочтамт на Кировскую (Мясницкую, как говорили когда-то мои родители) отправлять книги. Приёмщица даже паковала их сама, стоила пересылка тогда совсем не дорого, и в результате мы отправили Любе множество посылок с книгами, изданными после 1946 года.

Весь предотъездный год проходил в жутком напряжении и страхе получить отказ. Жадно читали письма «оттуда». Запомнила слова одной знакомой, которая писала, что предотъездное напряжение всех физических и душевных сил, испытанное в три недели между положительным ответом из ОВИРа и назначенным через три недели сроком отъезда, не покидает ее в Бостоне уже год. Меня это состояние оставило лет через двадцать после приезда в Америку.

В аэропорту Кеннеди нас встретил мой двоюродный брат Шурик и привёз в городок Черри Хилл, под Филадельфией,

где жил мамин брат, его отец, и множество других эмигрантов из СССР. Машины у нас еще не было, водить никто из нас тогда не умел, поэтому за книгами к Любе Бат повез нас опять Шурик. Двухчасовая поездка казалась нам целым путешествием. Люба жила, как я теперь понимаю, где-то на Вест сайд, в районе 110 улицы. Мы ввалились в ее квартиру и первое, что она сказала, увидев нас троих, что ночевать она нас не может оставить. Более того, она даже не предложила нам поесть! На меня этот приём произвел ужасное впечатление! Как, в тот же день возвращаться домой, провести столько времени в дороге! Когда через восемнадцать лет я сама перевозила дочь из Чикаго в Нью Йорк за один день, мне это не казалось чем-то героическим. Кроме того, оказалось, что последнюю посылку она не получила, будучи в отъезде, и ее вернули обратно в Москву. А там были какие-то самые любимые книги, какие, уже не помню.

Самым ужасным, чего я не могу себе простить, оказалось, что все наши посылки, десятки тяжелых коробок, она получала на почте и сама таскала домой, поднималась к себе по лестнице без лифта. Ни в Москве, ни какое-то время после этой встречи я не думала о том, как наши книги попадают в ее дом.

Мы, конечно, ее очень благодарили, погрузили все книги в машину и отправились восвояси. И больше никогда я ей не писала, не звонила, оскорбленная в своих лучших советских чувствах. И только с годами появился стыд за свою тупую неблагодарность.

PENCIL BOX PRESS

ISBN 978-0-578-41911-4

90000>

9 780578 419114